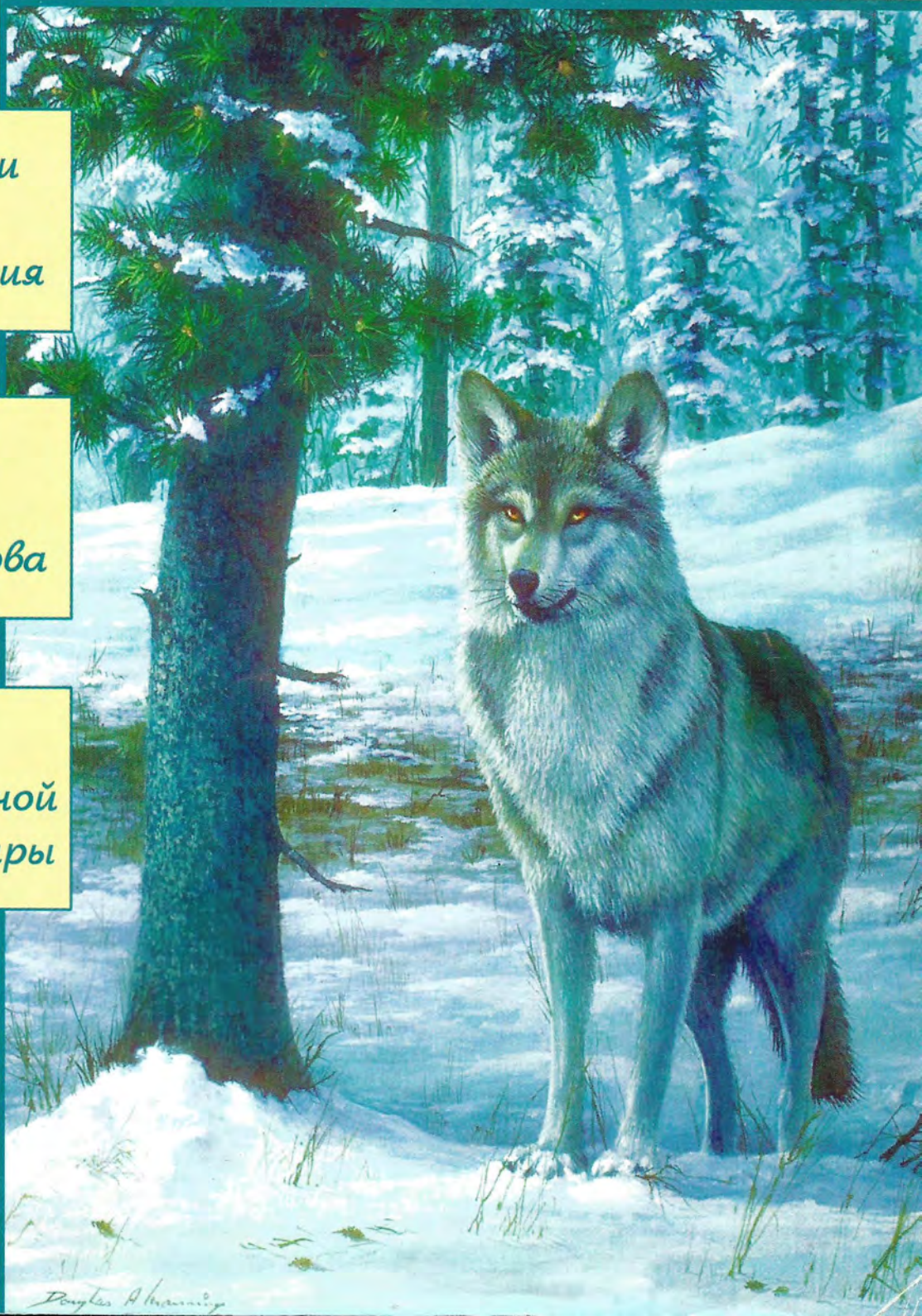

У Р А Л Ь С К И Й 12 • 2003
следовым

*Особенности
ночного
восхождения*

*Край света
Юрия
Чевзорова*

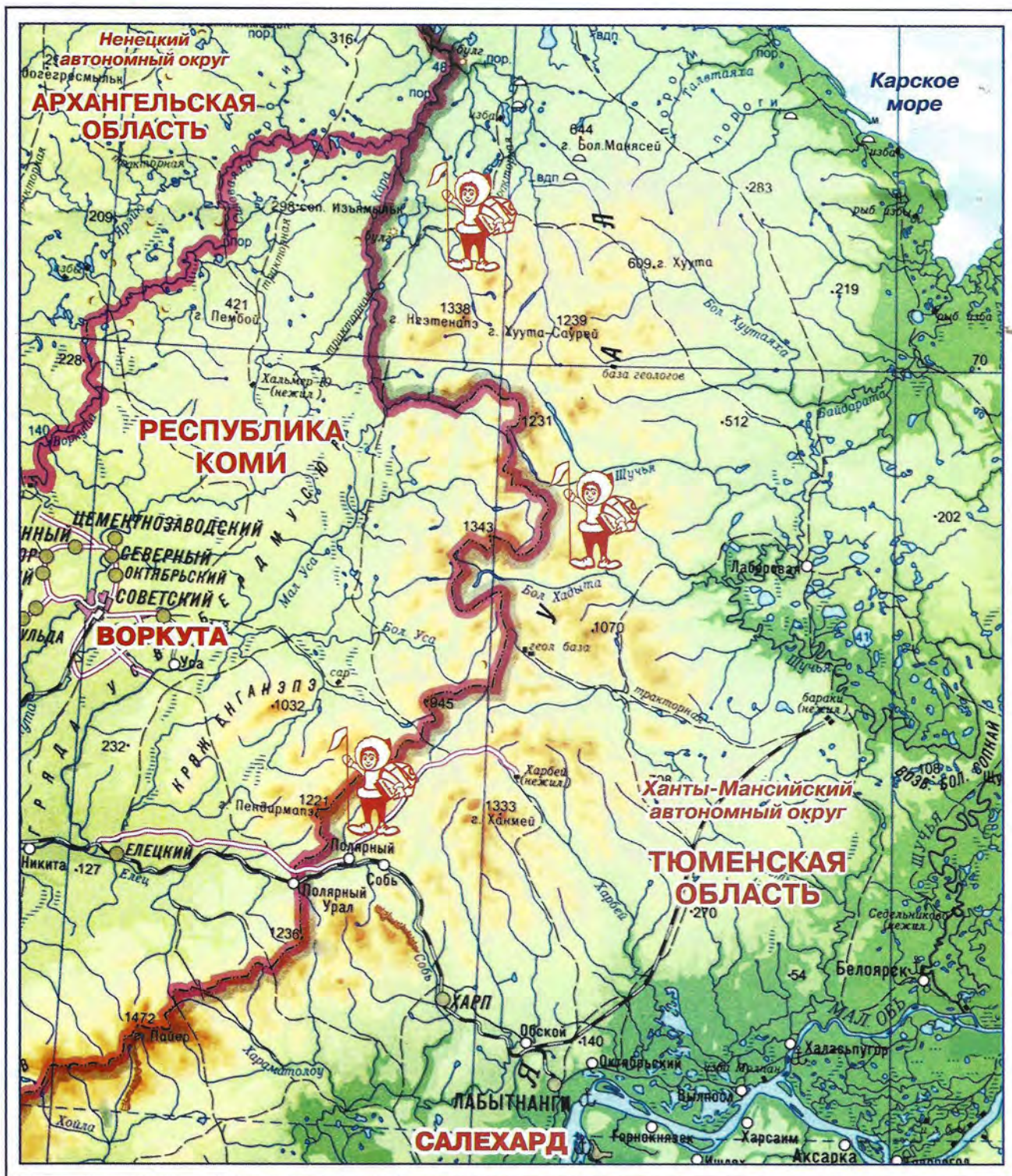
*Гений
семиструнной
гитары*

Маршруты Уральского следопыта

Поход пятой категории сложности подразумевает прохождение 250 км. Это расстояние необходимо преодолеть за 20 дней. Многолетним опытом доказано, что продуктов на большее количество дней унести невозможно...

О походе пятой категории сложности читайте на страницах журнала

«Хочешь
двигаться —
ищи
попутчика»»

ИСТОРИЯ
ФАНТАСТИКА
ПУТЕШЕСТВИЯ

В номере

12'2003

РЕКА ВРЕМЕНИ

СТР. 2-33

АЭЛИТА

СТР. 34-60

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

СТР. 61-76

Далекое-близкое	
Е. ВЕРТИЛЕЦКАЯ. Письма, не пришедшие на фронт.....	3
Портреты	
В. ГОЛДИН. Писатель Маленький.....	8
Портреты	
О. ЛУЗЯНИНОВ. Тропа Есенина в Усть-Утке.....	9
Портреты	
П. ЕВЛАДОВ. Встреча с гением.....	11
Далекое-близкое	
В. ВЕЙХМАН. Операция «Страна чудес».....	16
Версия	
М. ДОМОВ. Где вы, Рипейские горы?.....	26
Краеведческая копилка	
П. ФЕДОТОВ. Сорокинская пристань.....	28
Человек и природа	
Б. ПУТИЛОВ. Головыринские были.....	29
Эксклюзив	
В. МАШНИН. Я и моя дочь.....	35
Поэзия Урала	
К. ШИШОВ. Стихи.....	39
Современная проза	
Ю. НЕВЗОРОВ. Край света.....	41
Дебют	
Е. ЕРМОЛИНА. Стихи.....	47
Фантастика	
Е. ТУМАНОВ. Ветка сирени.....	48
Уральские тропы	
А. БЕЛЫЙ. Пятерка на Полярном.....	62
Записки очевидца	
Е. РОТБЛЮТ. Из туристических дневников и записных книжек.....	64
Невыдуманные истории	
А. СЕРЕБРЯКОВ. Ночное восхождение на Шунут.....	68
Советы специалиста	
Особенности личного и группового снаряжения в лыжном путешествии.....	70
Путешествия	
В. КОРОЛЕВ. ТрансАзия. Великие озера Азии.....	72
Туристские байки	
«Да обойдут тебя лавины...».....	76
Содержание журнала	
«Уральский следопыт» за 2003 год.....	77

РЕКА ВРЕМЕНИ

Е. ВЕРТИЛЕЦКАЯ

Письма, не пришедшие на фронт

В. ВЕЙХМАН

Операция «Страна чудес»

Б. ПУТИЛОВ

Головыринские были

П. Евлагов

Встреча с гением

М. Домов

Где вы, Рипейские горы?

О. Лузянинов

Тропа Есенина в Усть-Утке

и другие материалы

Книжный марафон «Следопыта»

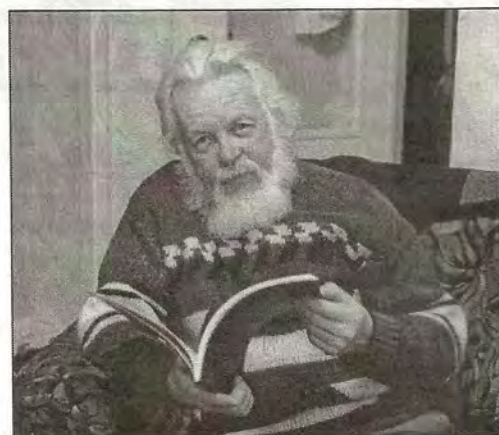
Русский Усть-Маш – живописная деревня на берегу реки Уфы в Красноуфимском районе. Это уральская глубинка – от Екатеринбурга 250 верст «киселя хлебать». Хотя дорога на всем протяжении – грех жаловаться.

Здесь, в деревне Русский Усть-Маш, осенью 1901 года возникла одна из первых на территории нашей области сельских народных библиотек. Первые полторы сотни книг для нее прибыли аж из северной столицы России – Санкт-Петербурга – в соответствии с завещанием русского издателя-просветителя Флорентия Павленкова, пожертвовавшего на открытие провинциальных читален весь свой книжный капитал.

Заботами Красноуфимского уездного земства библиотеку открыли в русско-черемисском начальном училище, но обслуживала она всех жителей не только Русского Усть-Маши, но и близлежащих деревень.

Много суровых ветров пронеслось с тех пор над живописным селением. Наши постсоветские времена оказались к нему столь же неласковы, как и к другим сельским населенным пунктам. Но несмотря на все невзгоды по-прежнему жива здесь павленковская библиотека. Она предлагает землякам не только книги, но и всевозможные кружки для детей. В музейном уголке – стенд и альбомы по истории библиотеки и родной деревни, подборки фотографий и материалов о жертвах революции, ветеранах Отечественной войны и труда... Словом, бывшая павленковская остается очагом культуры, несмотря на изрядно оскудевший и устаревший книжный фонд.

Вот сюда, в уральскую глубинку, проложил свой очередной маршрут библиотечный марафон, продолжая тем самым

реализацию программы «Не дать свече погаснуть». Инициативу Содружества павленковских библиотек и редакции журнала «Уральский следопыт» поддержало Управление федеральной почтовой связи Свердловской области, предоставив марафону машину Газель.

В течение нескольких месяцев редакция собирала книги для Русского Усть-Маши, обратившись к своим читателям и авторам с предложением подарить селу прочитанную книгу. Екатеринбургцы отозвались: для сельской библиотеки было собрано около тысячи книг.

В торжестве передачи книг павленковской читальне участвовали представители местной администрации, областной библиотеки им. Белинского, УФПС, «Уральского следопыта».

Юний Горбунов.

Фото Евгения Савенко.

Елена ВЕРТИЛЕЦКАЯ, г. Екатеринбург

Письма, не пришедшие на фронт

(из архива военной цензуры)

О великом вкладе Уральского региона в разгром гитлеровских полчищ написано немало. Давно стали привычными для нас лозунги военного времени об уральских заводах, о мужестве тружеников тыла. Со временем приоткрывают свои тайны архивы, и новые документы рассказывают нам о тех героических днях, о мужестве и страхе, о победе над этим страхом. О тех, кто ковал меч победы вдали от фронта и понял еще тогда, что тыл и фронт есть одно и то же.

Сегодня, благодаря документам военкоматов, хранящимся в фондах Государственного архива административных органов Свердловской области (ГААОСО), а также материалам военной цензуры архива Управления Федеральной службы безопасности по Свердловской области, есть возможность по-новому взглянуть на события военных лет.

В первые же дни и месяцы войны под угрозу оккупации попали предприятия западной части Советского Союза, в связи с чем возникла острая необходимость сохранить производственный потенциал страны, чтобы использовать его на полную мощность в войне с Германией. На Восток было эвакуировано колоссальное количество фабрик и заводов.

Одним из основных промышленных регионов, который принял на себя роль промышленного щита страны, стал Урал. К осени 1942 года здесь было размещено более 830 предприятий, в том числе 212 было направлено в Свердловскую область. Она к тому времени и так практически вся состояла из городов-заводов, а после эвакуации производственная мощность ее значительно возросла.

Численность жителей крупнейших городов Среднего Урала — Свердловска и Нижнего Тагила — за годы войны выросла соответственно с 423 тыс. человек до 620 тыс., со 160 тыс. до 239 тыс. Строилось временное и упрощенное жилье, бараки, землянки, полуподвальные помещения. Трудиться в таких условиях было крайне сложно.

Урал, как промышленно важный регион СССР, интересовал иностранные разведорганы задолго до начала Великой Отечественной войны. В военные годы они резко активизировали свою деятельность, при этом для проведения разведывательно-диверсионной работы в тылу были использованы и граждане Советского Союза. Основными объектами этой деятельности стали предприятия наркоматов черной и цветной металлургии, танковой и лесной промышленности Свердловской области.

Заброшенные на советскую территорию, агенты должны были создать сеть шпионско-разведывательных организаций, которые бы проводили сбор сведений на предприятиях и новостройках городов Урала, особое внимание им следовало уделять информации о выпусках спецпродукции оборонных заводов. Одновременно эти группы должны были вести ан-

тисоветскую агитацию, осуществлять подрывную и вредительскую деятельность, при удобных обстоятельствах совершать на заводах диверсионные акты, поджоги, выводить из строя станки, электрооборудование, организовывать крушение железнодорожного транспорта путем порчи линий, а также готовить повстанческие кадры из числа тех, кто был недоволен существующим строем.

Управлением НКГБ за период войны на территории Свердловской области было выявлено 150 агентов иностранных разведывательных органов, в том числе 139 агентов германской разведки.

Как правило, члены таких групп осуждались на разные сроки, а руководители их получали высшую меру наказания. Но подчас обвинения в шпионаже были основаны лишь на показаниях самих обвиняемых, а также на показаниях свидетелей. Прямого подтверждения принадлежности к разведор-

НКО СССР

Удостоверение об отсрочке от призыва
по мобилизации № 280

(Действительно только при предъявлении военного билета)

Выдано военнообязанному Сигману И. Владимирову
работавшему на УИОС при Уралмаше № 19
в должности бригадира разряда 6
в том, что ему на основании Постановления ГОКО, СНК СССР, Комиссии при СНК СССР по отсрочкам от 18 мая 1942 г. за № 1765
Предоставлена отсрочка от призыва по мобилизации на срок до 31 декабря 1942 года

Учетные книжки:
Год рождения 1899 рубль учета нет
Состав бывший ВУС № 3
И. И. Владимиров Военный комиссар

1942

Начальник 1-й части Шереметьев
м. п.

Срок действия удостоверения об отсрочке продлен до до освобождения от призыва
Основание: 18 мая 1942 г. № 1765 ТЕЛЕГ.
И. И. Владимиров Военный комиссар

Начальник 1-й части Шереметьев
м. п.

ганам иностранных государств не требовалось, необходимые для обвинения факты часто отсутствовали. Чаще всего в шпионаже подозревали советских военнопленных, которые прибывали в Свердловскую область по мере освобождения их Красной Армией, политэмигранты, подданные иностранных государств, иностранные специалисты, приглашенные для работы в Советский Союз до начала войны. Поэтому, деятельность органов НКВД по охране промышленных объектов оценивается неоднозначно.

Органы госбезопасности производили массовые аресты в городе и деревне по статье 58-10 (антисоветская агитация) и другим пунктам УК РСФСР не всегда обоснованно. Заместитель наркома внутренних дел СССР Б.З. Кобулов, который приехал с проверкой на Урал в феврале 1942 года, заявил на совещании оперативного состава УНКВД по Свердловской области, что большое количество арестов по статье 58-10 УК является по существу браком в чекистской работе. Но, несмотря на это, в последующие годы можно наблюдать увеличение доли арестованных за антисоветскую агитацию.

Основными же причинами высказываний антисоветского характера различных слоев населения, как рабочего класса, колхозного крестьянства, так и интеллигенции, которые сопровождалась «клеветническими контрреволюционными измышлениями и антисоветскими высказываниями», были резкое падение жизненного уровня в годы войны, исключительное физическое и психологическое напряжение и истощение, усталость от некомпетентных решений, злоупотребления властей.

Люди были недовольны продовольственными затруднениями, дороговизной, плохими жилищными условиями, недостатком топлива, ростом эпидемических заболеваний, а эвакуированные жаловались на национальную рознь и вражду с местным населением. В корреспонденции, идущей от населения Свердловской области в действующую армию, а также в другие области Советского Союза в этот тяжелый военный период были строки о жизни, о бытовых, материальных трудностях, о сложнейшем психологическом состоянии тружеников тыла.

Например, жительница Переборовского сельсовета Покровского района писала в Красную Армию: «Скажу, как живет твоя семья, Ваня, у нас Нюра ходила проводить вашу семью. Она пришла, они сидят за столом и едят пропастину и гложут кости, как собачата. Картошки нет, хлеба четвертый месяц не видят. Ваня, нельзя ли похлопотать, чтобы детям дали паек. Они сидят голодные и холодные...»

Эвакуированные были недовольны неудовлетворительным материальным положением, плохими жилищными условиями, нехваткой продуктов питания. Из Тугулымского района жительница колхоза «Прогресс» писала своей родственнице в Саратовскую область: «Здесь очень плохо жить, и к тому же у меня здоровье плохое. Я могу умереть, и останется моя милая крошка на чужой стороне. Я совсем пропаду, у нас очень плохо с хлебом, нигде нет продуктов и в продаже нет, и в колхозе очень плохо жить, народ очень грубый, нас ненавидит, паек получаем из магазина теперь только пять килограммов. Лето в колхозе работала, а получать нечего. В общем, очень трудно здесь прожить, что привезла, все променяла.

Пособия не получаю, как жить...».

А вот письмо жены красноармейца, проживающей в г. Кировграде Свердловской области, в действующую армию мужу: «Петя, мы замерзаем без дров. Сын простыл и заболел воспалением легких, и в комнате стужа, и никаких мер не принимают. Нашим начальникам хорошо, они сами дома и дрова себе навезли, а мы ладно и без дров, потому что мы числимся семьями красноармейцев. Нам отвечают, что вас много теперь красноармеек. Теперь я, Петя, не знаю, как жить. Сын болен, и тебя нет, и дров нет. Не знаю, сын встанет или нет, лежит недвижим. Петя, я тебя в последний раз прошу, если можно, то хотя бы через Ваших командиров написали бы завкомму или парткому, чтобы они поджали хвосты и гривы, чтобы они не сами себе возили дрова, а обеспечили бы меня. Петя, пойми, что мы совершенно одни, Васи нет, и тебя нет, нет ни одного мужчины дома, все в Армии на фронтах, жизнь свою не жалеете, а над нами издеваются...» (из материалов военной цензуры за 1943 год).

Были причины как объективные, так и субъективные. В эти сложные годы каждый человек выбирал сам: умирать от голода и изнеможения и все же бороться с трудностями, продолжать работать, или идти по пути предательства и дезертирства из частей РККА и с производства.

Люди стремились на фронт. Решения они принимали осознанно, рвались в бой не только юнцы, но и старые ветераны, которые знали о тяготах войны еще со времен Гражданской. Например, сохранилось заявление человека, жителя Свердловска, который участвовал в боях на польском фронте в годы Гражданской войны в составе 25 Чапаевской дивизии, впоследствии служил в органах ЧК-ГПУ. Возможность отсидеться в тылу, хотя бы первые, самые сложные, годы войны у него была, но он направил в райвоенкомат заявление следующего содержания:

«14 марта 1942 г. медицинской комиссией при райвоенкомате я был признан годным к строевой службе с предоставлением отсрочки на один год. В суровые дни Великой Отечественной войны, когда вся страна в едином порыве поднялась для скорого и полного разгрома немецко-фашистских захватчиков, участнику гражданской войны и старому политруку, Чапаевцу, активно работавшему в рядах ВКП(б) более 20-ти лет, тяжело оставаться в стороне от общего дела. Прошу Вашего содействия в использовании меня в рядах Красной Армии с максимальной пользой».

Страшно, опасно, тяжело было на передовой. Но война ударила и по тылу, по детям, самой незащищенной части населения. Голод военных лет, уход на фронт отцов – все это сильно влияло на детскую психику. Вот строки из письма юной свердловчанки своему отцу: «Папа, ты пишешь, почему я не стала учиться? Потому что с голоду не учится. Коля уходит голодный. Едим один раз в день, а дедушка умер из-за того, что недоедал. Папа, мама тоже ноги кое-как таскает, едим хлеб один. Картошка стала 50 руб. кило, и все на обмен. Хлеб вперед дают только за один день, а дальше нет. Бабушка тоже, наверно, умрет. Стала плоха. Папа, ребята уже опухают с голода. Поест нечего...»

«Я тебе писала, что была в университете в Свердловске, – пишет школьница-выпускница из Воронежской области, ко-

Разовый № 1	Разовый № 2	Разовый № 3	Разовый № 4	Разовый № 5	Разовый № 6
Разовый № 7	Разовый № 8	Разовый № 9	Разовый № 10	Разовый № 11	Разовый № 12
Разовый № 13	Разовый № 14	Разовый № 15	Разовый № 16	Разовый № 17	Разовый № 18
Разовый № 19	Разовый № 20	Разовый № 21	Разовый № 22	Разовый № 23	Разовый № 24
КАРТОЧКА 1 гр. НА ПРОМЫШЛЕННЫЕ ТОВАРЫ на _____ 1942 г.					
Фамилия _____					
Имя и отчество _____					
ПРИ УТЕРЕ НЕ ВОЗВОЗРАЩАЕТСЯ.					
Купоны восстанавливаются при вводе товара					
1	1	1	1	1	1
1	1	1	3	3	3
3	3	5	5	5	5
5	5	10	10	10	10
10	10	10	10	10	10

КАРТОЧКА НА ХЛЕБ ДЛЯ КОМАНДИРОВАННЫХ НА ФЕВРАЛЬ мес. 1942 г. Норма 500 гр. в день Вранник М. В. Н.И.З.М.											
23 фев. ХЛЕБ 100 гр.	24 фев. ХЛЕБ 200 гр.	25 фев. ХЛЕБ 200 гр.	26 фев. ХЛЕБ 200 гр.	27 фев. ХЛЕБ 200 гр.	28 фев. ХЛЕБ 200 гр.	29 фев. ХЛЕБ 200 гр.	30 фев. ХЛЕБ 200 гр.	31 фев. ХЛЕБ 200 гр.	1 март. ХЛЕБ 200 гр.	2 март. ХЛЕБ 200 гр.	3 март. ХЛЕБ 200 гр.
27 фев. ХЛЕБ 200 гр.	27 фев. ХЛЕБ 100 гр.	27 фев. ХЛЕБ 200 гр.	26 фев. ХЛЕБ 200 гр.	26 фев. ХЛЕБ 100 гр.	25 фев. ХЛЕБ 200 гр.	25 фев. ХЛЕБ 100 гр.	25 фев. ХЛЕБ 200 гр.	24 фев. ХЛЕБ 200 гр.	24 фев. ХЛЕБ 100 гр.	24 фев. ХЛЕБ 200 гр.	23 фев. ХЛЕБ 200 гр.
23 фев. ХЛЕБ 200 гр.	22 фев. ХЛЕБ 200 гр.	21 фев. ХЛЕБ 200 гр.	20 фев. ХЛЕБ 200 гр.	19 фев. ХЛЕБ 200 гр.	18 фев. ХЛЕБ 200 гр.	17 фев. ХЛЕБ 200 гр.	16 фев. ХЛЕБ 200 гр.	15 фев. ХЛЕБ 200 гр.	14 фев. ХЛЕБ 200 гр.	13 фев. ХЛЕБ 200 гр.	12 фев. ХЛЕБ 200 гр.
11 фев. ХЛЕБ 200 гр.	10 фев. ХЛЕБ 200 гр.	9 фев. ХЛЕБ 200 гр.	8 фев. ХЛЕБ 200 гр.	7 фев. ХЛЕБ 200 гр.	6 фев. ХЛЕБ 200 гр.	5 фев. ХЛЕБ 200 гр.	4 фев. ХЛЕБ 200 гр.	3 фев. ХЛЕБ 200 гр.	2 фев. ХЛЕБ 200 гр.	1 фев. ХЛЕБ 200 гр.	31 янв. ХЛЕБ 100 гр.
31 янв. ХЛЕБ 200 гр.	30 янв. ХЛЕБ 200 гр.	29 янв. ХЛЕБ 200 гр.	28 янв. ХЛЕБ 200 гр.	27 янв. ХЛЕБ 200 гр.	26 янв. ХЛЕБ 200 гр.	25 янв. ХЛЕБ 200 гр.	24 янв. ХЛЕБ 200 гр.	23 янв. ХЛЕБ 200 гр.	22 янв. ХЛЕБ 200 гр.	21 янв. ХЛЕБ 200 гр.	20 янв. ХЛЕБ 200 гр.
19 янв. ХЛЕБ 200 гр.	18 янв. ХЛЕБ 200 гр.	17 янв. ХЛЕБ 200 гр.	16 янв. ХЛЕБ 200 гр.	15 янв. ХЛЕБ 200 гр.	14 янв. ХЛЕБ 200 гр.	13 янв. ХЛЕБ 200 гр.	12 янв. ХЛЕБ 200 гр.	11 янв. ХЛЕБ 200 гр.	10 янв. ХЛЕБ 200 гр.	9 янв. ХЛЕБ 200 гр.	8 янв. ХЛЕБ 200 гр.
7 янв. ХЛЕБ 200 гр.	6 янв. ХЛЕБ 200 гр.	5 янв. ХЛЕБ 200 гр.	4 янв. ХЛЕБ 200 гр.	3 янв. ХЛЕБ 200 гр.	2 янв. ХЛЕБ 200 гр.	1 янв. ХЛЕБ 200 гр.	31 дек. ХЛЕБ 200 гр.	30 дек. ХЛЕБ 200 гр.	29 дек. ХЛЕБ 200 гр.	28 дек. ХЛЕБ 200 гр.	27 дек. ХЛЕБ 200 гр.

Красноармейскую книжку иметь всегда при себе. Не имеющие книжек - задерживать

1. Фамилия Махешов
2. Имя и отчество Александр Марцианович
3. Звание и должность Кр-ц
4. Наименование части (учреждения) 391 зоп
5. Наименование подразделения (батальон, рота) 3-й роты 4-го батальона
6. В.В. Давыдов

1. Общие сведения

1. Номер военно-учетной специальности 1.
2. Грамотность и общее образование (если окончил техникум, рабфак или ВУЗ, то указать его название) Уч.
3. Национальность Русский
4. Год рождения 1921
5. Год призыва (указать также - нормальный или досрочный призыв) 3. 9. 1940г.
6. Каким военкоматом призван Мурулом
Селин Ртк. Свердлов. обл.
7. Специальность до призыва Колхозник

Место для фотокарточки
Владельца книжки

Колхозник роты
30. Маев
30. Маев 1942

торая была эвакуирована в г. Березовск и решила поступать в Уральский государственный университет. – Какой ужас там! Все бродягами выглядят. Поступать туда просто страшно. «Общежитские» – все валяются в различных кабинетах, кто на полу прямо, кто на койках, у кого под головой чемодан (ободраный), у кого грязная подушка! Один лежит под рваным одеялом, другой вытянулся, как скелет, безо всяких одеял (только и видно, что рваные подметки и ноги, как жерди). Все оплешивели, глаза как у волков горят. Совсем при последнем издыхании, а все про науку твердят. И смех и грех».

Такие письма, как правило, до отцов не доходили.

Не только город и промышленные районы Свердловской области испытывали трудности, сходная ситуация была и в уральской деревне. Колхозник с. Черданцево Сысертского

района описал обстановку так: «В колхозе хлеб почти весь убран, но толку мало. Его сырой скирдовали, и в скирдах хлеб растет. Комбайны хлеб жнут зеленый и семена, оставленные на этот год, имеют всхожесть всего 26%. Хлеб простыми литовками косят, а потом собирают в валы, а в валах он начинает расти. Рожь посеяли в грязь затхлую, и урожай от нее не жди. Где сеяли, так даже пашни не борошили. Сена нынче покосили, но не знаю, сохранится ли».

Фронт забрал самых активных и работоспособных людей, лучшие руководящие кадры ушли добровольцами. Жительница Алапаевского района (дер. Речково) писала: «В колхозе работаем неплохо, можно сказать отлично, но у нас само правление ни к черту не годится. Оно у нас питано антисоветским духом. Колхоз совершенно разваливается.

У нас есть колхозники, которые кулацким духом дышат, они были бы не прочь, если бы пришли старые власти. Вот они и вредят кругом, а все – сельсовет и партийные организации – молчат и не действуют. На это мы обращались по инстанции, но все бесполезно. У нас в колхозе государство помогает, вытягивает, руководители колхоза разрушают и ведут колхоз к гибели. Никто не несет ответственности. Скот дохнет, а пометание для скота не делают. Председатель людей кормит не хочет, все говорит, что «надо сдать государство», а сам не сдает – продает да ворует, и хлеба у нас мало, опять нас будет кормить государство. Озимая пропала, и сейчас хлеб заскирдован весь в копнах, но руководство молчит, и есть посланные люди по уборке и по выкачке хлеба, и они молчат по отношению развала колхоза».

Тыл был надежной кузницей бойцов, красноармейцев, которые отстояли Москву, героически сражались на Курской дуге, от Волги и Дона дошли до Эльбы. В первые же дни войны была объявлена всеобщая мобилизация, от отправки на фронт освобождались только специалисты, нужные промышленности. Броня давалась ответственным работникам в разных отраслях промышленности, и при эвакуации в первую очередь эвакуировались эти ответственные работники, разумеется, с семьями и имуществом. Но были и те, кто стремился уклониться от обязанностей бойца, в тыл бежали дезертиры с фронта, трусы, укрывавшиеся от воинского долга.

В январе 1943 года вышло распоряжение Штаба УралВО за № 019, где приказывалось городским и районным военным комиссариатам сообщать о количестве задержанных дезертиров и отобранном у них оружии.

Были дезертиры и в тылу — те, кто искал броню, любыми способами пытался получить освобождение. Ведь в первые дни и месяцы войны армия отступала и буквально цеплялась за каждый кустик, за каждую горку. Порой приходилось выполнять бессмысленные приказы, бесполезная ненужная гибель стала участью миллионов солдат. Долгие месяцы, вплоть до январского наступления Советской Армии 1943 года, наши бойцы были вынуждены удерживать Невский пятачок. До сих пор поисковые отряды не могут выкопать и идентифицировать трупы погибших там бойцов. То же самое и с мгинской операцией, когда на многодневную блокаду был обречен огромный город. Таких примеров множество. Недаром в первые дни и месяцы войны тысячи наших бойцов попали в плен, а это означало мучения не только в стане врага, в лагерях для военнопленных, но и то, что от них отвернутся на Родине. Знаменитая фраза Сталина показывает политику государства в отношении своих же граждан: «У нас нет пленных, у нас есть только предатели и изменники».

В декабре 1941 года из Камышловского пехотного училища Камышловскому горвоенкомату поступило заявление следующего содержания: «Несмотря на то, что Вам известно, что военное училище в основной массе обслуживается штатом вольнонаемного состава, что мною препровождались списки дефицитных специальностей, начиная с июня месяца сего года вольнонаемные из училища Вами изымались по призыву и изымаются по настоящее время.

В результате этого, из-за отсутствия возможности наема, взамен убывших, училище встало перед картиной полной невозможности обеспечивать жизнь, быт и боевую подготовку контингентов курсантов, подготовляемых для фронта. Мало того, последний призыв совсем не является призывом в армию, а просто люди под видом призыва в армию — отправляются на укомплектование такого же штата вольнонаемных (в КЭЧ гарнизона). Такие вещи не законны и вызы-

вают недоумение о причинах разрушения жизни военного училища. Прошу немедленно вернуть незаконно призванных, приостановить ряд вызовов, создать броню в училище из числа остатка вольнонаемного состава согласно прилагаемого списка».

На основании телеграммы Зам. Наркома Оборона СССР и Зам. Наркома Путей Сообщения СССР срок окончания работы по оформлению отсрочки был продлен до 10 января 1942 года, после чего предоставление отсрочки было прекращено. Более того, в марте 1942-го прошла проверка всех броней и отсрочек, предоставленных рабочим и служащим предприятий и учреждений по Свердловской области. Вот текст приказа о проверке:

«В приказе НКО № 0192 от 15 марта 1942 г. отмечено, что работа по предоставлению брони и отсрочек в ряде воен-

Форма № 71
16 стр. 46, 47

АТТЕСТАТ № 301110
В. С. Максимов
(наименование вещи)

Максимов Леопольд
(фамилия, имя, отчество)

Сирова: приказ части 10... г. № ...

Наименование предметов	Количество	Время выдачи	Отметки
1. Пилюшки	одна		
2. Шапки-ушанки	одна		
3. Шинели			
4. Куртки ватные	одна		
5. Гимнастерки	одна		
6. Шаровары	одна		
7. Рубахи нагальные	одна		
8. Кальсоны	одна		
9. Рубахи теплые	одна		
10. Кальсоны	одна		
11. Портянки	две пары		
12. Сапоги	две пары		
13. Ботинки	две пары		
14. Обмотки	одна пара		
15. Ремни поясные	одна пара		
16. Брючные	одна пара		
17. <i>Восстановленные</i>	три пары		
18. <i>Рубашки</i>	одна пара		
19. <i>Трусы</i>	одна пара		
20.			

Всего вещей *шестьнадцать* штук

Перечисленные в аттестате предметы, количество и сроки их выдачи показаны правильно.

(подпись получившего вещи)
Начальник обозно-вещного снабжения
Л. Ан... 43

Дежурный
А. И. ...

№ 8-309 ЛТ УИ-4 № 404

коматов запущена и никем не контролируется. Об этом говорят следующие факты: нет именных списков и вообще каких-либо данных. В результате бесконтрольности и безответственного отношения к вопросу предоставления отсрочек, в ряде случаев созданы условия для проведения практики, подрывающие мощь Красной Армии в военное время.

Военной прокуратурой было установлено, что бронь отсрочки иногда предоставляются по явно непроверенным, порой фиктивным документам, по знакомству. Добиваясь незаконного бронирования, отдельные руководители учреждений и предприятий пытаются использовать свое служебное положение, возбуждая перед работниками военкоматов явно незаконные ходатайства. Например, директора оформляют слесарем и просят бронь.

Указанные факты приводят к тому, что огромное количество военнообязанных незаконно остаются вне рядов армии. Бывший Сталинский райвоенком г. Свердловска, пользуясь своим служебным положением, незаконно бронировал и освобождал от призыва в Красную Армию военнообязанных, работающих в разных организациях и предприятиях г. Свердловска. Так, по фабрике Уралобувь незаконно забронировано 41 человек, по заводу Ликероводка 4 человека, по Сталинскому райпромкомбинату 9 человек, по Горьковскому заводу 13 человек и т.д. Все незаконные действия связаны с получением из указанных организаций ряда вещей, как-то: кожаные пальто, сапоги, бурки и т.д.

За все указанные преступные действия лица с должности будут сняты и переданы суду военного трибунала.

В годы войны возросло число эпидемических заболеваний. Все это отражалось на настроении населения. О вспышке пневмонии свидетельствует письмо практикующего врача из г. Свердловска, 12 поликлиники Лечебного профобъединения УЗТМ: «Здесь на Урале вообще, а за время войны в особенности широко распространена крупозная пневмония. Причем последняя имеет особенно злокачественное течение – в 50-60% случаев дает миграцию, в 10-20% дает абсцессы легких. Смертность от нее здесь тоже велика, и на каждый случай крупозной пневмонии приходится посмотреть как на серьезный, ибо постоянно бывают каверзные случаи. Главная масса больных – это легочные болезни, из них больше всего крупозные».

О тяжелом труде свидетельствует следующее высказывание работницы Каменск-Уральского МЗ: «Если бы вы посмотрели, как работают мужчины, то вы бы ужаснулись. Смотришь на него, вроде ничего, а он уже не человек. До того измотаны работой, что нет сил ходить, не то, что работать. Много бывает таких случаев, что обесшлывший рабочий падает около рабочего места. Его ведут в медпункт, там он полежит час, а потом его заставляют работать. Даже по больнице и то не пускают. Не зря говорят, что в военное время не болеют, и действительно, больных нет, но есть много таких, которые сразу умирают, не болевши. На этой неделе у нас только с завода умерли трое мужчин, а четвертому оторвало правую руку...»

Наблюдались случаи дезертирства с производства, членовредительства. Например, в июне 1943 года органами госбезопасности было установлено, что три работницы и двое

рабочих цеха № 3 завода № 8 НВК в целях уклонения от работы произвели себе ожоги с помощью компрессов из цветка едкого лютика и после того, как на руках образовывалась опухоль и язвы, обращались в санитарную часть, где получали освобождение от работы сроком от 10 до 15 дней. Другая работница обожгла себе ногу английской содой.

Нужно заметить, что все заявления, письма, просьбы тщательно проверялись сотрудниками органов госбезопасности. По мере поступления были рассмотрены жалобы на голод, отсутствие отопления, тем более жалобы на произвол начальников, чиновников. По всем заслуживающим внимания фактам были приняты оперативные меры, а по вопросам необеспеченности семей военнослужащих и эвакуированного населения органами была оказана необходимая помощь на местах.

Высокий процент арестов за антисоветскую агитацию (56 %) был вызван не только необходимостью сорвать внешнюю угрозу создания немецкой разведкой «пятой колонны» в глубинах советского тыла, но и неуверенностью сталинской номенклатуры в морально-политическом единстве советского народа.

А между тем многие люди стремились на фронт, наблюдался всплеск патриотизма и духовного единства народа. Дивизии комплектовались добровольцами из состава строительных колонн, то есть теми людьми, которые, по сути, являлись спецконтингентом, отправке на фронт не подлежали. Например, в марте 1942 года было отправлено 2000 человек из строительных рабочих колонн в боевые части Красной Армии.

В бой рвались даже женщины. Вот строки из письма девушки из г. Кировграда своему мужу на фронт: «...Наталья Швердина получила повестку на комиссию для отправки в РККА. Берут девушек с законченным средним образованием, жаль, что я не имею среднего образования, но все-таки испытаю счастье – завтра схожу в РК ВЛКСМ, может, удовлетворит мою просьбу. Витюшка, я не могу оставаться в стороне тогда, когда мои подруги идут на фронт защищать наше счастье, чем я хуже других, неужели я не смогу принести пользу там, где люди не жалея своей жизни сражаются за счастье всего человечества. Мне стыдно за себя, что в такие суровые дни я сижу в конторе и почти не приношу пользы фронту».

Сейчас я овладеваю специальностью электросварщика, по окончании практики думаю перейти работать в цех. Дорогой, вот сейчас отправляя подарки на фронт, хочется вложить в них столько тепла, столько нежности, чтобы боец, получивший этот скромный первомайский подарок, чувствовал, что забота о них в тылу очень велика. Недавно я получила ответ на новогодний подарок от ст. лейтенанта Владимира Лаврентьевича, он пишет: «Как трогательно, как тепло получать письма и заботливо упакованную посылку в минуту, когда ведешь бой с заклятым врагом». Я его не знаю, но его письмо дорого мне так же, как и твое, и я буду хранить его как воспоминание о незнакомом воине».

Использованы документы ГААОСО и архива УФСБ РФ по Свердловской области.

Владимир ГОЛДИН, г. Екатеринбург

Писатель Маленький

В 1928 году в Свердловске, в редакции газеты «Уральский рабочий», появился новый сотрудник – Алексей Георгиевич Попов (псевдоним Маленький, 1904 – 1947гг.). Молодой журналист быстро завоевал себе признание хорошего очеркиста. В редакции не сидел, а больше находился в разъездах по территории громадной Уральской области. Его привлекал север. Корреспонденции в отдельные месяцы шли от Маленького потоком: то из глухого леспромпхоза, то с реки Вишеры (только в феврале 1932 года в «Уральском рабочем» было опубликовано восемь его больших очерков), и названия были броские, привлекательные: «Лес трещит», «Галстук из реки», «Вишера улыбается» и т. д. Подолгу жил Алексей в поселке Ис. Его очерки читал и высоко ценил первый секретарь Свердловского обкома партии Иван Дмитриевич Кабаков. И совсем не случайно Попов был избран делегатом на первый Всесоюзный съезд писателей от Свердловской областной организации.

Откуда же появился столь плодовитый и опытный писатель, за короткое время потеснивший многих абортитов?

Алексей Попов родился в Барнауле в семье мелкого торговца, державшего буфет на пароходе. Еще в гимназические годы Алексей увлекся литературой. В 16 лет он оказался в рядах комсомола, а затем и партии. Никакого мировоззрения он, конечно, тогда не имел, его увлекла кипучая работа и возможность выдвинуться, сделать карьеру. Это ему удалось. Попов возглавил сначала районную, а затем общегородскую комсомольскую организацию, стал членом губернского комитета, работал в Сиббюро ЦК ВЛКСМ. В 18 лет редактировал краевую комсомольскую газету.

Но его постоянно тянуло в среду артистов, журналистов, поэтов. Это кончилось тем, что его на год исключили из ВКП(б) с формулировкой: «за неправильное расходование средств по смете». В это время Попов приобретает псевдоним Маленький.

Журналист много ездит по Восточной Сибири, добирается до Якутии, плавает по реке Лене, публикуется в журнале «Настоящее». Маленький стал в Новосибирске популярным очеркистом. Его назначают заместителем редактора областной молодежной газеты. Затем, с 1924 года, он работает в газете «Советская Сибирь». Но в обыденной жизни Алексея все глубже затягивала богемная среда, в которой постоянным гостем был Бахус. Его увольняют из газеты. Он покидает Сибирь и едет на Урал, в Свердловск.

В 30-е годы им были опубликованы: «Магнитогорск»

А.Г. Попов.

– книга очерков о людях, строивших Магнитогорский металлургический комбинат; «Лес трещит» – о лесозаготовителях, «Новый материк» – книга-очерк о северной реке Печоре; «1905 год» – отрывки из «Истории Надеждинского завода». Сама история этого завода публиковалась в уральском журнале «Штурм». Отдельной книгой под названием «Соседи» изданы две повести. Кроме того, Маленький публиковал очерки и рассказы в газетах Урала и Сибири, в литературных журналах и альманахах. В целом получается немалый литбагаж.

Областное руководство ценило его труд. Для творческой работы писателю выделили отдельную дачу на озере Шарташ. Появились, конечно, и завистники.

Однажды летом группа молодых литераторов после купания заглянула в гости к Алексею Георгиевичу. Радужный хозяин казенной дачи решил угостить коллег пивом. Тогда было сложно с этим напитком, но для партийных чиновников и близких к ним людей были специальные распределители, в которых всегда было и пиво, и соленые сухарики к нему. Себе Алексей Георгиевич налил в кружку, напоминавшую кувшин, а когда поднял свой бокал, то вдруг заиграла музыка. Литераторы были удивлены необычной «забугорной» штуковиной. Хозяин пояснил: «Кружка немецкая. Такие свободно продаются в Германии. На Урал попала с какой-то оказией». И добавил: «Наверно немцы сейчас тоже сидят, пьют пиво и кричат «Хайль Гитлер»...

Пришел 1937 год. Без лишнего шума арестовали и расстреляли И. Кабакова, зато с большим триумфом в местной прессе ликвидировали представителей правых на Урале. Среди них оказался и писатель Алексей Георгиевич Попов (Маленький).

Ему предъявили обвинение в пропаганде фашизма, ведь он кричал: «Хайль Гитлер»! а слово – не воробей, вылетело – не поймаешь.

А.Г. Попову определили десять лет лагерей.

Через три года отсидки под Улан-Удэ Алексей Георгиевич написал кассационную жалобу. Бумагу рассмотрели и прокурор отметил отсутствие состава преступления. Дело отправили на доследование. Вызвали свидетелей, которые определили невиновность А. Попова. Но один из них, что выступал по делу еще в 1937 году, настаивал на своем понимании случившегося. Вывод: виновен, контрреволюционер, антисоветчик.

Заявление А.Г. Попова оставили без последствий. Перевели из Южлага в Воркутлаг, где он прошел еще почти семь кругов ада советских лагерей. Умер за три дня до освобождения – 26 августа 1947 года.

В конце жизни Алексею Георгиевичу улыбнулось счастье: врач лагерной клиники Мария Исаковна Архангродская родила ему дочь. После реабилитации она опубликовала его посмертную книгу.

Олег ЛУЗЯНИНОВ, г. Н. Тагил

Тропа Есенина в Усть-Утке

На реке Чусовой есть старинный поселочек Усть-Утка. Тут была старинная демидовская пристань, где перегружали железо с гужевого транспорта на речные гребные суда, везли на продажу до Нижнего Новгорода.

Нынче в этом поселке доживают свой век пенсионеры, производства тут нет. Выживают старики натуральным хозяйством, немножко рыбной ловлей, охотой да еще грибами, ягодами запасаются.

Еду в эту глухомань с телевизионной группой во главе с режиссером Надей Мартиросовой. Дорога недавно отремонтирована, покрыта асфальтом – иждивением частного предпринимателя Владимира Викторовича Огибинина, уроженца близлежащего поселка Уралец.

Но вот асфальт кончился, начались колдобины. На встречу попадают лесовозы-грабители, рычат, надсаживаются, тащат законно уворованную у народа долю природной ренты. На лесной бирже (складе) в Висиме-Утке, в Висиме (на родине Мамина-Сибиряка), в Черноисточинске они разделяют сосновые, еловые, березовые да осиновые хлысты на брус, доски, горбыль. Странно и глупо:

самая слабая часть ствола – сердцевина – пойдет на строительные нужды и будет сожрана грибком за тридцать, сорок лет; а самая крепкая, смолистая и плотная часть, то есть «подлый» горбыль, от распиловки продадут за медную денежку на дрова. Хотя при современной глубокой переработке древесины из горбыля получился бы отличный паркет, дощечка-клепка для боченков, кадушек и прочих изделий ненасытной бытовухи.

Однако, приехали. Прежде всего глаз уловил два-три дома, крепких и загорелых на солнце, но с выхлестанными окнами, с висячими старинными «тятинными» замками на воротах и калитках: в бегах, видать, хозяева-то от того «светлого будущего», в котором барахтались целый век, а оно и не ночевало здесь...

Старичок Тимофей Андреевич Кожевников с супругой обитает на Береговой улке-однорядке прямо на берегу неторопливой вальяжной реки Чусовой. Завели они с женой пасеку в огороде – тем и живы. Ему 85 лет «со днем» и его жене почти столько же «с хвостиком». Тимофей вышел из огорода-пасеки приветливый, добродушный, ско-

Т.А. Кожевников и О.Н. Лузянинов. Фото автора.

рый на ногу, готовый отбиваться от залпа гостевых вопросов. И жена в защитной сетке от пчел подросла. Торопыжка, строгая, незло ворчит для порядку. «Говорун должен вовремя затормозить лаптем-то. За пчелами глаз да глаз нужен, а он тут усялся хвастаться!..»

У Тимофея Андреевича давняя страсть к поэзии. Знает Лермонтова, Пушкина, Тютчева и всех остальных, а пуще всего любит Есенина, держит в памяти почти все поэтическое богатство певца родной земли русской.

Мы рассматриваем валуны – это дальние, семиколённые родственники каменных скрижалей с заповедями Моисеевыми. На одном камне увековечено зубилом да молотком, очень вольной, школьной каллиграфией дорогое народу нашему имя:

«Есенин Сергей Александрович. 1895-1925 г.»

«Белая береза

Под моим окном

Принакрылась снегом,

Точно серебром...»

А рядом, на другом камне, высечено что-то вроде эпиграфии-справки:

«Бениславская Галина Артуровна, влюбленная в Сергея Есенина. Через год после смерти Есенина самоубилась на его могиле. Похоронили рядом с ним. Вечная слава любви, которая сильнее смерти. 2002 г. КТ» (Кожевников Тимофей).

Между двух камней стоит самодельный памятник поэту и его стихам. Модель головы вылепил сам Тимофей, а отливку из черного металла сделали друзья в литейке поселка Уралец. Пьедестал он сколотил из досок и приставил этот монумент к березке на высоконом берегу – в аккурат напротив своих окошек.

Может, когда-нибудь забредет в эту глухомань доброхот-чудак и водрузит памятник на каменную глыбу.

В усть-уткинской округе можно встретить и другие камни-петроглифы со стихами Есенина – это тоже причудливые творения Тимофея Кожевникова.

О себе Тимофей говорит мало. На прощание присел рядышком с супругой своей. Читает по памяти: «Покинул я родные пепелища», «Клен», «Письмо матери». Читает в меру возраста все ж азартно, справляясь с артикуляцией беззубого рта (Заемные вставные зубы нынче старикам «не по зубам!»), но все понятно, достаточно темпераментно, потому что от души и не за валюту аплодисментов.

И уж совсем прощаясь, прочитал нам в посюшок несколько строк из «Руси советской»:

Т.А. Кожевников. Фото автора.

Ах, родина! Какой я стал смешной!

На щеки впалые летит сухой румянец.

Язык сограждан стал мне как чужой,

В своей стране я словно иностранец.

Вот так страна!

Какого ж я рожна

Орал в стихах, что я с народом дружен?

Моя поэзия здесь больше не нужна,

Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

На обратном пути встречаются нам те же лесовозы, только порожние. Идут ходко, бренча и подпрыгивая на взгорках да выбоинах. А на обочинах «...березы стоят, как большие свечи»...

Петр ЕВЛАДОВ, г. Екатеринбург

Общение с замечательным гитарным мастером Э.И. Соколовым «вывело» меня на знакомство с, прямо скажем, весьма нестандартным человеком – Петром Владимировичем Евладовым, старейшим художником, газетчиком, литератором, обладателем интереснейшей биографии. А он, как оказалось, является владельцем раритетной семиструнной гитары, сделанной русским мастером Иваном Яковлевичем Краснощековым (1798-1875). Сохранилась ли дюжина таких инструментов сегодня в России? Конечно же, я не мог пройти мимо такого «гитарного» факта: подержал в руках эту 150-летнюю маломерочку, и мы ее сфотографировали в разных ракурсах. В старинных каталогах такие гитары обозначали как «гитары дамския». Я попросил Петра Владимировича рассказать историю появления у него этого уникального инструмента. Он согласился и через некоторое время вручил мне 10 машинописных страниц.

В.И. Попов

Петр Евладов

ВСТРЕЧА С ГЕНИЕМ

Собственно, эту зарисовку вернее бы назвать счастливым знакомством, достаточно продолжительным и даже «обоюдотворческим»... Мне было четырнадцать.

В сентябре 1937 года, с последним перед ледоставом караваном грузовых судов, в кают-компании тащившего баржи красавца-тягача теплохода «Красноярский рабочий», прибыла на заснеженный причал Игарки наша семья: отец – начальник промбиологической зональной станции, мама – научный её сотрудник и я с младшим братом. Нас встретили другие сотрудники – от того же Всесоюзного Арктического НИИ, разгрузили в сани, запряжённые лошадаками, примчали в приготовленную тёплую квартиру о двух комнатах – в стандартный четырёхквартирный барак из добрых брёвен. На теплоходе – на прощание – хозяйка накормили-напоили нас и других таких же деловых пассажиров, лишивших команду десятков дней «клубных диванов». В силу накормленности мы не стали терять остатков уходящего света и пошли дивиться деревянным городом: всё было невиданным и маме, и мне, не говоря о второклашке Борисе, мы-то прибыли из каменного Свердловска.

А тут – ну всё, как в деревне, но в сказочной: большой бревенчатый универмаг со сказочной ширины и высоты крыльцом, люди в тёплых рабочих или меховых одеждах. Прямо посреди публики в торговом зале один такой молодец откупорил пузырьёк в виде кремлёвской башни – духи «Красная Москва» – и засосал не спеша, убрал красивую тару в карман и –гельняшка нараспашку – на двадцатиградусный! Мама остолбенела: помню, она такие духи до сих пор не могла себе позволить, а полярничьей зарплаты ещё не

получала. Далее поразил нас городской правительственный домина – в три высоких этажа, с залом – тоже из брёвен. Из широких окон – свет на всю снежную площадь с несколькими на ней настоящими оленьими упряжками с нартами в мехах! Но чего уж вовсе не ожидали мы увидеть здесь, так это театрище. Как вылитый – наш свердловский театр оперы и балета имени Луначарского, ну, чуть поменьше тоже рубленый, бревёшечко к бревёшечку!..

Романтика окунания в экзотику свалила нас: в тот вечер рухнули мы с братом на едва устроенные ложа, и... Дальше – своим чередом: школа, новые знакомства. И в доме – знакомства с соседями, визиты вежливости, чай-кофеи.

В квартире наискосок – супруги средних лет, интеллигентнейшие, деликатные Шелагины: артисты драматической труппы театра. С ними сошлись родители, да и мы – как-то сразу и радостно. На все спектакли немедленно стали ходить в театр. Ставили там, на удивление, – ведь Заполярье! – всё то же, что и в столице и притом на высочайшем столичном уровне, в мхатовских традициях в полном значении этих критериев: уж папа с мамой – питерские предреволюционные выпускники императорских вузов – понимали в этих искусствах толк, повидали великого всякого. И, возвратившись из школы со второй смены, я порою заставал Шелагиных у нас: клуб по интересам «клубился» вовсю – ароматом божественного «Кепстэна» из отцовской неизменной трубки, прошедшей с ним в его экспедициях севера обские-ямальские-карские. Клубились чашки чайные, беседы тёплые. Обычно отца просили рассказывать ещё и ещё о его странствиях. Рассказывал он увлекательно, живо, порою в лицах о ненецком народе, в ко-

Николай Александрович Орлов.

торый был влюблён и которым взаимно почитаем. А ещё просили его сыграть на ещё одной его спутнице – на цитре. Этот европейский родич гуслей имел пятиструнный гриф и кроме аккордов щипанием струн, правая рука на большом пальце была снабжена медиатором-косточкой, который выводил мелодию любой сложности в паре с левой, бегавшей по ладам. Как и гусли, цитра ставилась, точнее клалась на стол, и это даже усиливало звук. Смотрели – не только слушали – зачарованно... Потом отец иногда и гитару снимал с гвоздя и на ней хорошо, душевно играл старинное, салонное этакое, усадебное, студенческое и ещё – «Амурские волны», «На сопках Маньчжурии», «Белебеевский марш»...

Где-то в ноябре Шелагины, смущаясь, спросили позволения позвать к нам – именно из-за гитары – их коллегу актрису театра Олечку Орлову: романсы поёт очаровательно, симпатичная очень. Она в большой тоске пребывает: муж её где-то в Москве, не мог поехать сюда с нею сразу, а теперь – как? – Игарка не имела тогда пассажирского авиасообщения. А уж как ей приятно будет просто сами звуки гитары услышать: её Николай Александрович ведь блестящий гитарист-концертант и артист театра «Ромэн»... Оля говорила, что гитар у него ровно дюжина и все в ходу...

Вернувшись назавтра из школы, обивая у крыльца валенки, я услышал красивый женский голос – романс, но совсем незнакомый. Ай да мама, мелькнула было мысль. Но нет. Тогда кто это у нас? Тот разговор с соседями был без меня, и эта Оля для меня оказалась сюрпризом, да ещё каким! Почти такая же красавица, как мама, только совсем молодая. Тёмноволосой да кареглазой, ей так шли романсы, цыганские в особенности. Да ещё она по-цыгански некоторые пела! Мы все заслушивались – стоит ли удивляться и на соседей из двух остальных квартир, что они оказались у нас.

За несколько дней пред Новогодьем (1938-м), в один из морознейших вечеров полярной ночи – стук в дверь. Влетев и повиснув немедленно на маме, Оля повторяла: «Прилетел! Вот он, мой Коля!» Отряхнув перчатками снег с сапог, порог переступил высокий да ещё в островерхой суконной будёновке, делавшей его ещё выше, в шинели кавалерийской до полу, черноглазый красавец. Знакомясь, радушно улыбался: «Так точ-

но – Коля, Николай Александрович Орлов. Оля мне переодеться не дала: к вам потащила, пока спать не легли, говорит, хоть показать ...» Но, конечно же, не только показать – Оля настояла взять с собой гитару, малую концертную. Когда она появилась из старинного потёртого футляра, было чему подивиться: вся не такая – изящный негромоздкий корпус, гриф с серебряными ладами и перламутровыми точками, вертикальные сквозные колки на закруглённой верхней части... Гость оказался таким же уютным, как и его супруга, неизменно повеселевшая, просто излучающая счастье. Она всё обнимала его руку, даже затрудняя общение со стаканом кофе. И вообще, допить едва дала: «Играй же, Коля! Сыграй и дадим людям спать: уж поздно...»

Он тщательно поправил настройку – необычным было и это: закреплялся каждый колок своей гаечкой и это ослабление-зажимание делалось тщательно, плоскогубчиками. «Споёшь?» – спросил он. – «Нет, нет! Только ты!»

«Ну-с... что бы... Цыганская сюита – из давних моих творений. Оле особенно нравилась всегда...»

Говорить словами о музыке, по-моему, безуспешная была бы попытка, как и о том, что нужно видеть на холсте или на сцене. Сказать, что мы были ошеломлены каскадами аккордов и ритмов, – фортиссимо и пианиссимных флажолетных кружев, колдовскими неслыханными интерпретациями известных мелодий, да всё в едином ключе какой-то задумчивой, грустной влюблённости... – сказать так, мало что сказать.

Конечно же, не мог вечер не растянуться чуть ли не до утра! Оказалось, что сюит насочинял Николай Александрович несколько: бравурную «Красноармейскую» и ярко народную «Русскую» и ещё какие-то – не помню уж. И всё он сыграл, перемежая музыку рассказами о себе, о концертах, о других гитаристах и о гитарах. Та красавица, на которой он сегодня играл, оказалась из века девятнадцатого, работы знаменитого Ивана Яковлевича Краснощёкова. Да и в самом деле, как было не дать волю такой душевной «посиделке», коль пути домой гостям дорогим всего-то и было – через дорогу.

На другой же вечер всё повторилось, только Оля была занята в спектакле. Придя из школы, я уже застал Орлова у нас, с гитарой в руках, но с отцовской – он пробовал на ней играть и остался недоволен, хоть отец и считал её неплохой, не ширпотребовской, старенькой. И опять – уютная прелесть музыкального салона в маленькой комнате, с ароматами кофе и медового трубочного табака, с горячей печкой и сорока тремя градусами в ночи за стенами этого благословенного приюта. И опять, как в первый вечер, отец маме сказал, чтоб не гнала нас спать: ведь такого в жизни вряд ли удастся ещё услышать. И мы в самом деле поражённые, восторженные, не дыша, внимали – именно, не слушали, а внимали. Я сидел напротив, метрах в полутора, смотрел на руки, пальцы, порхавшие – иначе не сказать про ту грациозную лёгкость – по грифу, по струнам. Порой казалось, что они шутя танцуют под музыку, а не сами её извлекают. А однажды я просто рот раскрыл: не вспомню точно, что это было – вторая часть, бурная Лунной сонаты или залихватский фрагмент той Русской сюиты – каскад молниеносно обрушиваемых аккордов был повторяем несколько раз подряд да в таком вихревом темпе, что пальцы левой руки были неразличимы, скатываясь по грифу сверху вниз! В концертах, что вскоре маэстро стал давать в театре,

этой вещи я не припомню. А у нас чего только не было сыграно, неслышанно удивительного. У отца оказалась стопка старинных нот романсов давних времён, и супруги вцепились в этот дар Божий: Оля в концертах исполняла всегда до десятка романсов, и вот эти – неслышанные – производили истинный фурор, приходилось бисировать чуть ли не всё. И Николай Александрович никогда не мог уйти после двух полных отделений. Ещё одно «сверху» дарил публике, играя повторы и новое.

Построение концертов было одинаково: классика мировая гитарная и прочая в его, Орлова, переложениях скрупулёзно точных – отделение первое. Во втором: музыка популярнее – тут и сюиты подводили логично к романсам, и блистала Ольга, да по-русски, да по-цыгански! И тогда, в завершение, автор предлагал свои – как и ранее сюиты – но особо техничные сочинения. Самой потрясающей из них была огромная музыкальная панорама «Первомайский парад на Красной площади в Москве». И публика, все три яруса над широченным партером, буквально переставала дышать, уж и без такого подарка потрясённая.

И начиналось чудо: Орлов закладывал басовую, ближнюю к себе струну на следующую – ре на соль – прижимал большим пальцем, и начинался настоящий барабан. Он приближался, нарастал и вдруг повышал тон – палец соскальзывал по струнам, не дав им разъединиться! И так же вдруг, барабанная увертюра сменялась пронзительным звоном армейского

горна, и едва замирал этот призыв, начинали звучать мощные аккорды – приближалась армада пехоты. В чеканном ритме этого музыкального образа – стройные ряды чеканящих шаг войск представляли зримо, ярко. И тут его сменял образ конницы – иная гамма, с ветром и цоканьем копыт с удалыми кавалерийскими маршевыми мелодическими переплётками... И вот это летучее проносится, затихает, ему на смену нарастает звучание тяжкой поступи бронетехники, а над ней – стремительно врываясь и исчезая – проносится самолёт, завершая вместе со звоном трубного сигнала отбоя военную часть парада. Эстафету принимает демонстрация гражданская – знакомые звучания маршей, песен..., и солнца, спящего человека, – всего лишь семиструнная русская гитара! Он встаёт, раскланивается в ответ на шквал аплодисментов, пытается уйти, но надо принять какие-то (откуда в Заполярье?) цветочки... Уйти не дают: с записками подходят, подбегают, в зале начинают выкрикивать всякие «браво-бис» и названия потрясших сыгранных вещей с просьбой повторить их... И так было на каждом концерте (я сбегал почти на все, имея от маэстро личный пропуск) и не помню, чтоб Орлов не исполнил какую-то из этих просьб переполненного зала: уйти так и не удавалось, он садился и играл, играл желанное, уже не произнося названия, потом разворачивал записки и играл названное там, играл, играл... И то было уж третье отделение...

Представляю себе, какой это был неожиданный подарок за-

Гитара, подаренная Орловым, стала на все последующие времена членом Евладовской семьи, «домовым», собирая вокруг себя всех, кто оказывался дома... Вот на фото такой вечерок: сестра Леоида Владимировна, отец Владимир Петрович, мама Ольга Владимировна и автор - за кадром, с фотокамерой.

валенному снегом, погруженному в полярную ночь, в моро-
зищи трудовому городу на берегу Енисея!..

Подарком и музыканту была такая публика, это, конечно же, вдохновляло, и он об этом говорил. И ещё – потрясающая акустика деревянного огромного зала: я всегда сидел в какой-нибудь из центральных лож второго или третьего балконов да на галёрке раз – и невольно заметил, как каждая тишайшая ноточка оказывалась слышна во всём очаровании своего ин-
тима, точно, как у нас в комнате. А всякие форте наполняли воздух просто громовым резонансом...

О технике игры, о гитарах говорено у нас дома было пре-
много.

За гитару – именно с подаренной России великим Сихрой* седьмой струной – Николай Александрович Орлов стоял твёрдо: утверждал, что на шести своих струнах никакие Тарреги и Сеговии** не в силах дать семиструнного аккорд-
вого богатства. Пламенем техники берут, конечно, публику, но ведь это не тот Большой счёт. Орлов всё их сложнеее прославленное щёлкал как семечки, да ещё непринуждённо дополняя аккорды недоступной, потому и не употреблённой ноткой в аккордах: он об этом нам и рассказывал, и демонстрировал многими примерами. Не заслушаться не мог даже мой десятилетний братец Бориска, забывавший, как и все, про позднее время.

Тут и сопереживание всем помогало, и кофе, и чудеса полярные отец предлагал порою, вроде мороженой рыбы, которую по-ненецки настрогивал сам ненецким же ножом, а подавал на блюде эти стружки с перчиком, солью, уксу-
сом – по желанию. Особый смак был в поедании именно ещё не оттаявших завитушек-стружек. А у нас с братени-
ком был свой конёк: доставали из ящика под столом банку сгущёнки, какая на ощупь попадёт (сливки, кофе или ка-
као), хватали две кастрюли и две ложки, вскрывали банку, разливали и, не слушая маминых указов о шапках-шубках, выскакивали с крыльца в трескучий от мороза сугроб. Зачерпнув стерильного снега, бешено мешали-взбивали его с продуктом Большой земли – при свете полярных звёзд или сияний! – отклоняясь от радостных лизаний и толкан-
ный собак, толпой спавших всегда в большой прихожей пред квартирами. Задубевшие, но свершившие свой подвиг, ста-
вили мы на стол дымящееся морозом мороженое. «Поляр-
ная Звезда», или «Полярное сияние», или даже «Полярный Полюс», – объявлял Борис.

Гитаристы награждали нас бурными похвалами, отдавали должное шедевр у – опять к шедеврам благозвучным: отец, тоже с гитарой, перенимал какой-нибудь приём, или Орлов показывал манеры разные – Михаила Высотского, испанцев... Удивлял ещё и гавайской гитарой – нас и публику в концер-
тах, порою. Гавайская была нами слышана с грампластинок, но живую, в виде инструмента, встречать не приходилось. И в театре интерес к этой заморской певунье оказывался живей-
шим: многие вещи просили повторить просто на «бис». И тут

*- А.И. Сихра (1773-1850), русский гитарист и педагог.
Был виртуозом на семиструнной гитаре.

** - А. Сеговия (1893-?), испанский гитарист-виртуоз.

Орлов бывал явно на две головы выше известных мастеров, чьи пластинки мы часто крутили ещё в Свердловске, в моей родной школе № 13. Даже какие-то свои сочинения играл Николай Александрович – яркие, отдававшие дань знойным эмоциям родных инструменту южан. Но слышали бы они, какое богатство своих находок привносил этот северянин! Какие неожиданные хитросплетения из этих жемчужин плескал в зал ослепительными брызгами приборя, а то – ожерелья-
ми лунного сладострастия, томления, зова, грусти... Я, конечно же, напрасно трачу такие слова – вот спохватился, да что поделаешь? Нет истины и в бессловесности, когда излишняя робость удерживает иных даже от такой несовершенной по-
пытки, как эта моя – есть желание поделиться хотя бы личной радостью от той пережитой музыки, коли не непосредственным её звучанием.

Такова, похоже, участь и нотной записи? И тут у многих создателей музыки всегда риск: кто как сыграет. Изберёт душа исполнителя ритм, темп чуть не тот, какой имела в виду душа, темперамент создателя, и разочарует своих слушате-
лей. Обидно...

Нечто похожее и о своих композициях Орлов нам расска-
зал: издать свои лучшие сочинения для семиструнной он пред-
ложил Государственному музыкальному издательству. Заин-
тересовались сразу – а как же? Картина «Первомайский па-
рад...», сюиты «Красноармейская», «Русская» – одни назва-
ния дорогого стоили! Пригласили, прослушали – восторг! Взя-
ли ноты и, посмотрев по-делецки, дали задний ход: «А для
кого такое издавать? Кто это сыграет? Ну, человека три, ну
пять... Ну, из любопытства полсотни раскупят – полный убы-
ток!» Понять коммерческие соображения было – возможно, но
уж не грех ли предпочесть их музыкальным, творческим, ду-
ховным достоинствам?! Очень было обидно автору и гению-
исполнителю. Краснели и издатели. Да вдруг нашли, как им
показалось, достойный выход: переложить для фортепиано и
такой сборник издать. Пришлось согласиться «наступить на
горло собственной песне» и засесть на долгие недели с гита-
рой – рядом с пианистом издательским: перекладывать. Луч-
ше так, чем никак – обычное для наших «свободных» твор-
цов самоутешение. «Искусство должно быть понято наро-
ду!» – лидировал в те наши времена, довлел над советскими
творцами тезис ленинский. Правда, когда пришли времена от-
крытий, то оказалось, что обратный смысл у вождя был зало-
жен: «Искусство должно быть понято народом», то есть не
оно нагибаться, а он – дорастать...

У нас Николай Александрович продолжал бывать – он
отдыхал в увлекательных беседах в нашей семейной ауре. И
не переставал удивлять: увидел грампластинку-гигант с за-
писями испанских гитаристов – там три вещи оказались, ко-
торых он не исполнял. Прослушали на радиоле, и загорелся
он: «Владимир Петрович, позвольте на недельку: хочу это
сыграть!» И ведь играл у нас, не минуло, пожалуй, и десятка
дней!..

А ещё как-то забежал с балалайкой в обнимку: купил у
кого-то. Оказалось, что будет в Доме пионеров создавать ор-
кестр народных инструментов из нас, школяров. Инструмен-
тов комплект там новенький пылится уж давно. Мне тоже ве-
лел быть на занятии. Что не держал в руках домру – пустяки,
раз грамоту нотную знаю.

И гитару-то отцовскую я в руки не брал до восторгов, подаренных Орловым – он мне меж делом и показал первые несколько аккордов... на своей краснощёковой. А её саму на Первое мая (1938) преподнёс отцу! Ещё один сюрприз гения!

Знать, было что-то такое в судьбе этого человека, отчего оттаяла, отогрелась душа его в нашей семье. Какую-то бело-морскую невольничью вещь да с мелодекламацией притом, показал нам как-то Орлов без Оли даже, доверительно. Не его ли судьба была поведена? Ведь то уж зимушка текла страшного ежовского террора.

Но про балалайку-то досказать надо. Мама иронизировать начала что-то на её пустолаечный счёт, а ответ был самый серьёзный: мол, на балалайке сперва и начинал концерттировать он, Орлов Николай! И ещё вопрос, на чём богаче звучание в сравнении со скрипкой: ведь у той враз лишь две струны способны звучать, а не три. А уж какой звук извлечь – дело музыканта. И он стал показывать классику! «Сентиментальный вальс», шемящую сердце «Осеннюю песню» из «Времени года» Чайковского, «Чардаш» искромётный, колдовскую «Лунную»...

Рассказывал однажды, как в юности к цыганам пристал, с ними кочевал, рос, мужал, плясал и играл на гитаре, перенимая всё «с рук», не зная нот; пел по-цыгански, язык освоил, и легко оказался в театре их, в столице. Там и суженую Бог послал... Конечно же, взрослым он больше поведал, а моя память сохранила из его рассказов о себе это немногое...

Оркестр струнный в самом деле собрал Николай Александрович Орлов на удивление всем быстро, и мы скоро стали играть, и даже со сцены Дома пионеров. Даже что-то очень уж волнительное бывало – на избирательных участках в концертах каких-то выступали: были первые выборы в Верховный совет СССР.

А домашние концерты Орлова у нас стали редки: отец ещё в сентябре (1937), едва прибыли мы, был по радио из Москвы назначен начальником Красноярского территориального управления Главсевморпути – его резиденция как раз в Игарке и была, да прежний начальник из Москвы не вернулся почему-то (возможно там был арестован, как теперь могу догадываться), и горы забот обрушились на отца, вместо «курортной» семейной зимовочки-то. А к весне до предела обострились проблемы спасения зимовавшего его флота от енисейского страшного ледохода, надвигавшегося каждый год вроде «конца света» на порт, причалы...

Когда Енисей открылся, и кончился учебный год, мама со мной и Борей отбыла в отпуск, домой в Свердловск, где нас ждали папин отец – дед мой любимый, тоже Пётр, и старшая моя сестра с мужем и новорождённым. Папане нашему предстояла радость обнять своего внука-первенца, едва он за пару недель завершит свои управленческие дела неотложные и догонит нас, уже на курорте.

Но догнала нас через две недели телеграмма от его сотрудников: отца арестовали энкаведисты. Ещё сообщали, что за три дня до этого звонил Начальник Главсевморпути Отто Юльевич Шмидт с поздравлениями: за блестящую работу по сохранению флота он представил нашего батю к ордену Ленина...

Конец этого «дрейфа» – как называл потом отец свои 22

Раритетная семиструнная гитара, сделанная русским мастером И.Я. Краснощёковым (1798-1875).

месяца под следствием – был, однако, счастливейшим по тем временам: ничего не удалось ежовцам местным, игарским, высосать из пальца, чтоб отличиться не хуже других в раскрытии своего «вражеского центра».

А Николая Александровича не удалось отцу увидеть до отлёта. Не получилось и адресами обменяться, потому потеряли мы из виду Орловых, они – нас... Горько это.

Да память зато полна света дружеского: улыбок, яркой уютной люстрочки у нас, да огня в открытой, вроде камин, топке печи и театральных прожекторов, романтического света доброго Севера.

Годы спустя, перебирая ноты, отец наткнулся на выпавший конверт: фото в нём оказались, что Оля как-то показывала нам: Коля с группой его учеников в Москве, Коля один, с гитарой. «Спасибо, друг дорогой! И этот твой привет – гениален!» – сказал тогда батя мой...

P.S.

Когда писал я эти страницы, неотвязно мучила мысль о том, что фотографий-то этих нет у меня: столько лет и событий минуло, и отца, и мамы давно нет... Где искать, в каких семейных «сокровищницах» какой-то конвертик? Но... Буквально перекопав все залежи во всех углах, нашёл!! Меж всё тех же памятных нотных тетрадей для семиструнной... И еще мысль: отыскать бы фортепианные ноты изданных тогда, в 1930-е годы, гитарных сочинений Н.А. Орлова да услышать их хотя бы «на клавишах»...

Владимир ВЕЙХМАН, г. Ашкелон (Израиль)

Операция «Страна чудес»

(рейд «Адмирала Шеера» в Карском море)

Документальная повесть

VII

Качарава был назначен капитаном ледокольного парохода «А. Сибиряков» поздней осенью 1941 года. До этого он был на «Сибирякове» старшим помощником капитана. Несмотря на молодость – 31 год – Анатолий Алексеевич был уже опытным судоводителем. Дальневосточное мореходное училище, переведенное в середине 50-х из Владивостока в Находку, числило А.А. Качараву выпускником Владивостокского рыбопромышленного техникума – предшественника училища. Анна Ивановна Щетинина, первая в мире женщина-капитан дальнего плавания, еще в 1933 или 1934 году принимала у А.А. Качаравы дела в должности старшего помощника капитана парохода «Орочон», принадлежавшего Акционерному Камчатскому обществу. Качараве было тогда 23 или 24 года. Анна Щетинина, которая на четыре года старше него (разница в этом возрасте ощутимая), уважительно обращалась к нему «Анатолий Алексеевич».

Плавание во льдах было для него привычным, обыденным делом. Он читал морские льды, как читают открытую книгу, и каждый вид льда называл отдельным, подчас странным для непосвященных, названием: «сало», «шуга», «склянка», «нилас», «молодик». Для кого-то всякий лед был белым, а для него «белый лед» был вполне определенным, отличающимся от других видом льда. Он давно научился оценивать приближение к скоплениям льда по белесоватым отблескам на низких облаках, по уменьшению зыби при свежем продолжительном ветре или по появлению толчеи, которая образуется с наветренной кромки ледяных полей. Еще со времен плавания в дальневосточных морях он знал, что лед может быть не только врагом, но и спасителем: при ураганном ветре и сильном обледенении судна нельзя надежнее укрыться, чем спрятавшись за подветренной кромкой ледяного поля или даже войдя в лед.

Что же это был за пароход – «А. Сибиряков», командиром которого стал Качарава? Семьдесят семь метров от носа до кормы – это ведь всего сто шагов по прямой. Правда, на судне по прямой не пройти, разве что по причалу вдоль борта отмерить.

Немолодой ледокольный пароход – 1909 года постройки

– имел славную историю. В 1932 году именно этот небольшой, в сущности, пароход впервые в истории прошел Северный морской путь в одну навигацию. Правда, уже на подходе к Берингову проливу в тяжелых льдах сначала обломилась все четыре лопасти гребного винта, а затем, когда моряки с огромным трудом заменили поломанные лопасти, и судно получило ход, отломился конец гребного вала, окончательно лишив «Сибирякова» возможности движения. Помогли смекалка, да и фортуна: льды несколько разредело, и моряки подняли паруса, наскоро сшитые из брезентов. Под этими неказистыми парусами «Сибиряков» вышел на чистую воду.

В конце 1941 года ледокольный пароход «А. Сибиряков» был включен в состав ледокольного отряда Беломорской военной флотилии под названием «Лед-6». На нем был поднят военно-морской флаг, установлены два 76-мм орудия на корме и две 45-мм пушки в носовой части судна, а также несколько зенитных пулеметов. Для их обслуживания на судно была назначена военная команда из 32 краснофлотцев, возглавляемая младшим лейтенантом. Но, конечно, от переименования судна члены экипажа не стали военными моряками; они остались гражданскими людьми, привыкшими трудиться не на страх, а на совесть, четко и инициативно выполнять команды, как и положено настоящим морякам. А.А. Качарава, которого по привычке еще называли капитаном, стал теперь командиром корабля, и ему было присвоено скромное воинское звание старшего лейтенанта. В душе Анатолий Алексеевич рассматривал присвоение столь невысокого звания как несправедливость: ведь по должности капитана торгового судна ему полагалось по четыре «средних» золотых шеврона на каждом рукаве кителя, а по званию старшего лейтенанта – только по два шеврона.

Для эксплуатации Северного морского пути в условиях военного времени исключительно важное значение имело гидрометеорологическое обеспечение операций в Западном секторе Арктики. С этой целью было крайне необходимо не только поддерживать работу уже существующих полярных станций, сообщающих сведения о погоде, но и создавать новые станции.

«Сибиряков» должен был сначала подойти к самой северной точке Северной Земли, доставить туда четырех зи-

Окончание. Начало в № 11, 2003 г.

Старший лейтенант Качарава.

мовщиков и все оборудование для строительства новой полярной станции – срубы двух домов, топливо и продовольствие. Если льды не позволят пробиться к намеченному месту, следовало высадить зимовщиков на остров Визе, что расположен в северной части Карского моря. Для сборки домов «Сибиряков» вез бригаду сезонных рабочих-строителей – 12 человек. Затем следовало пройти к острову Домашнему – небольшому низменному островку вблизи западных берегов Северной Земли, и произвести там смену зимовщиков полярной станции. Для этого на борту судна находилось четыре человека нового состава станции. Последним пунктом захода был назначен мыс Оловянный, где нужно было высадить четырех зимовщиков.

VIII

Уголь, который кочегары «Сибирякова» забрасывали в топку его котлов, был невысокого качества, и над трубой парохода высоко поднимался и тянулся над морем шлейф грязно-серого дыма. Поэтому около полудня 25 сентября наблюдатели на «Шеере» обнаружили «Сибиряков» на большом расстоянии. Меендсен-Болькен назначил курс на сближение.

Сигнальщик «Сибирякова», который нес вахту в «вороньем гнезде» на фок-мачте, увидел на горизонте туманный силуэт большого военного корабля и немедленно доложил на мостик. «Никаких боевых кораблей в этом районе быть не должно», – почти механически выработывалось решение в голове Анатолия Качаравы. – «На Диксон – сообщение о появлении неизвестного корабля. Объявить боевую трево-

гу. Право руль, попытаться уйти к ближайшему острову, находящемуся в десятке-полтора миль, укрыться там на мелководье, недоступном для корабля с большой осадкой».

Командир тут же набросал на бланке текст радиогранмы: «В районе острова Белуха обнаружен корабль неизвестной национальности». «Передай открытым текстом», – приказал он радисту. Шаршавин, начальник полярной станции, добровольно вызвавшийся помогать радиооператорам, застучал ключом. «Следи за мной», – добавил он от себя.

Уже видно, что приближающийся корабль – крейсер или линкор с двумя трехорудийными башнями большого калибра. В дальномер можно различить расцветку флага: американский, звездно-полосатый. Радист снова передает на Диксон: «Гонится за нами. Следи, следи за мной».

Замигал прожектор; запрашивают на русском языке: «Сообщите состояние льда в проливе Вилькицкого».

«Запросите название, национальность» – отдает распоряжение Качарава.

IX

Сведения о том, что ответил тяжелый крейсер на вопрос «Сибирякова» о его названии и национальности, противоречивы, хотя они и получены от одних и тех же оставшихся в живых сибиряковцев. В некоторых публикациях сообщается, что крейсер ответил «Сисияма». Этот ответ вызвал недоумение: откуда взяться японскому кораблю в Карском море? И как увязать японское название с американским флагом?

Другие утверждают, что на запрос с «Сибирякова» крейсер ответил «Тускалуза». Тяжелый крейсер США «Тускалуза» действительно участвовал в боевых операциях в Северной Атлантике. М. Шестериков («Полярный круг», № 5, 2000) пишет: «Редкий для Карского моря военный корабль представился американским тяжелым крейсером «Тускалуза», интересовавшимся ледовой обстановкой в проливе Вилькицкого. Но маскарад не принес результатов – связавшийся с Диксоном «Сибиряков» получил ответ, что никаких американских кораблей в этом районе нет».

Обмен сообщениями между «Шеером» и «Сибиряковым» происходил на русском языке по азбуке Морзе с помощью прожектора. Вот так выглядит по азбуке Морзе слово «Сисияма»:

••• •• ••• •• •• —•— —•— —•— ••—

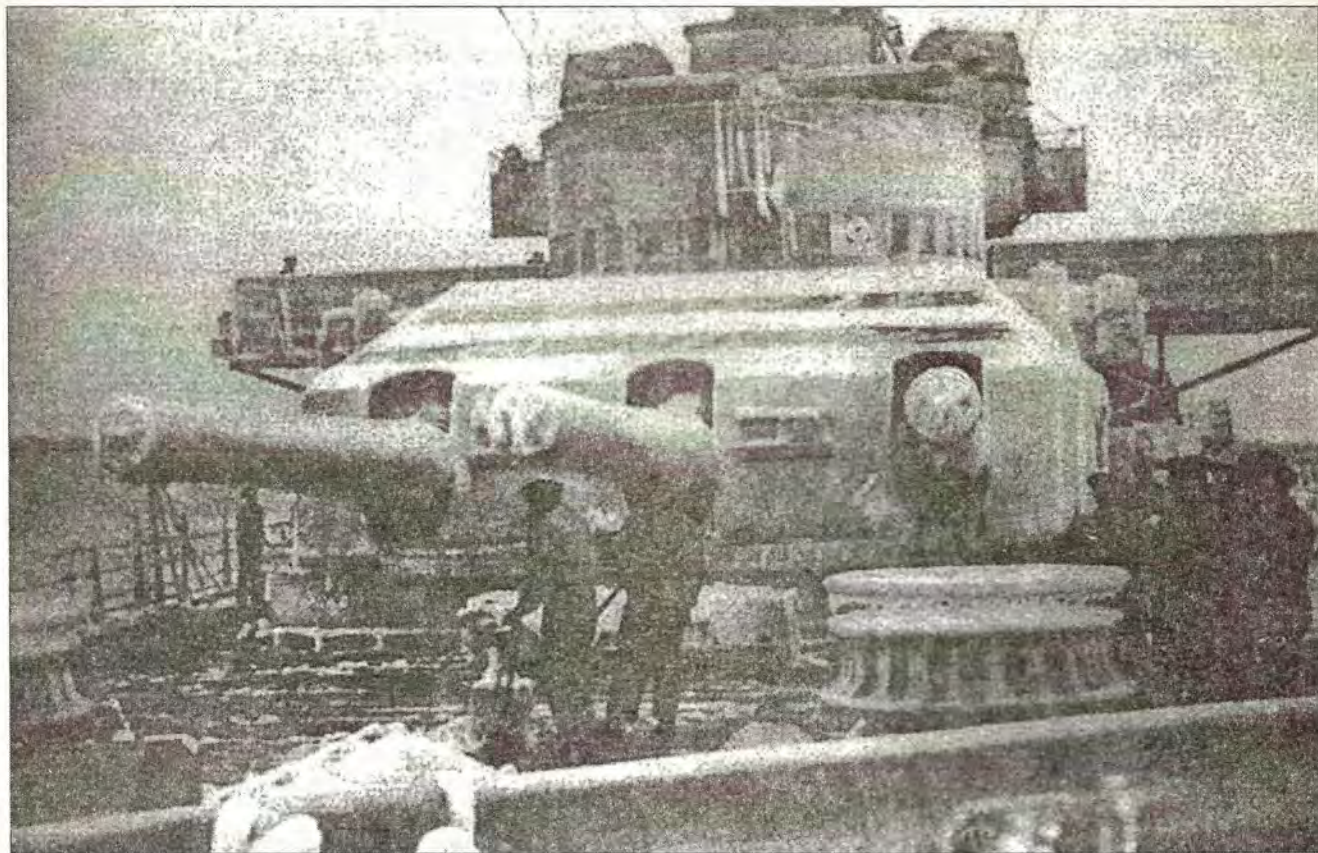
А вот так – слово «Тускалуза»:

—•— ••—••—••—••—••—••—••—••—••—••—••—••—

Неправда ли, ничего похожего? Так что перепутать эти два названия было невозможно.

А что, если переданные с «Шеера» сигналы имели совсем другой смысл? Заметим, что первое переданное с «Шеера» сообщение – это ответ на запрос: «Ваше название, национальность?» Предполагаю, что «Шеер» ответил: «Вас не понял», – а по азбуке Морзе это служебный сигнал, состоящий из серии точек. Затем он передал служебный сигнал «Вызов», приглашающий к переговорам, – серию чередующихся точек и тире. В итоге получается:

••••• ••••• —•— ••— ••— ••—

Те самые 200-миллиметровые орудия.

Такой «семафор» (так на флоте называется текст сообщения, передаваемого средствами сигнальной связи) отличается от знаков слова «Сисияма» единственной точкой вместо тире! А что касается интервалов между группами знаков, то их восприятие вполне могло носить субъективный характер: сигнальщик ожидал ответа на свой вопрос, вот он невольно и прочитал его как «Сисияма». То есть, скорее всего, немецкий рейдер сначала передал сигнал, который на «Сибирякове» был расшифрован как «Сисияма», а затем, при повторном запросе, просигналил «Тускалуза». Впрочем, это догадки, которые, скорее всего, не удастся ни подтвердить, ни опровергнуть.

X

Качарава был зол. Он был зол на навязшую глупую песенку из кинофильма «Танкер «Дербент»»: «Сто шестнадцать оборотов, сто шестнадцать оборотов...» Он был зол на некачественный уголь, из-за которого, несмотря на то, что дымовая труба была раскалена, механики выжимали всего восемь с половиной узлов, в два-три раза меньше, чем та скорость, которую без науги обеспечивали двигатели тяжелого крейсера. Качарава злился на себя: нужно было убедить начальство чуть-чуть переждать; что изменилось бы, если бы он вышел в рейс во вторник или в среду? Качарава был зол на судьбу: надо же было такому случиться, чтобы

именно в этом рейсе на борту «Сибирякова» находился не только штатный экипаж с военной командой, которым совет и устав велют принимать неравный бой, а еще и зимовщики, и строители-сезонники, которых и занять-то нечем в боевом столкновении... Но больше всего Качарава был зол на этого монстра, эту стальную гадину, которая заявила сюда, чтобы сорвать выполнение рейсового задания, чтобы загубить и его старенький пароход, и доверенные ему, капитану, жизни ста трех человек, жизни не только мужиков, призванных по-мужски встречать опасность, но и молодой врачихи Валентины, буфетчицы Наташи, пожилой зимовщицы тети Даши, уборщиц Анечки и Варечки.

А с крейсера одно за другим следуют требования: сообщить состояние льда в проливе Вилькицкого; сообщить, где караван; не пользоваться радио; застопорить ход...

Качарава мысленно обратился к своим ближайшим помощникам – старшему механику Николаю Бочурко, старпому Григорию Сулакову, комиссару Зелику Элимелашу, начальнику военной команды Семену Никифоренко... Тут же, рядом, находятся и начальники, вышедшие в рейс на «Сибирякове» для проверки несения боевой службы: флагманский артиллерист Медведев, старший батальонный комиссар Вайнер... Но нет, нет, он один, он, командир корабля

принимает на себя полную ответственность за свое решение. Есть ценности дороже жизни. Караван должен быть спасен любой ценой.

У Качаравы не возникло мысли о том, что он, в сущности, делает сейчас выбор между жизнью и смертью. Сохранить жизнь – это так легко, просто поставить рукоятку машинного телеграфа на «Стоп», одно-единственное движенье руки. Пусть в плену, в рабстве, но жизнь.

Капитан выругался крепким морским ругательством, смысл которого был – «Не дожدهшься!»

Наконец, командиру крейсера надоел не достигший цели маскарад. Спущен американский флаг, вверх ползет фашистский флаг с черно-белым крестом через все красное полотнище, с белым кругом посредине и жирной черной паучей свастикой в нем. Во всех встречах «Шеера» с торговыми судами этот аргумент безотказно срабатывал. Но этот нелепый русский пароход, отчаянно дымя, продолжает двигаться в сторону острова, в эфире вызывающе звучит морзянка его радиопередатчика, и, судя по развороту его маленьких пушек, он готовится к стрельбе!

«Дать предупредительный выстрел!» – командует Мендсен-Большен.

Всю свою ненависть, всю решимость не уступать врагу ни на йоту вложил капитан Качарава в короткую команду.

«Огонь!» – повторил команду Никифоренко. Шаршавин заметил время: 13 часов 47 минут.

Снаряды легли с большим недолетом. Еще залп, и снова недолет. Артиллеристы «Шеера» были удачливее. Первым залпом их тяжелых орудий срезана мачта, вторым – разбиты кормовые орудия и уничтожен их расчет. Разбиты бочки с бензином, которыми заставлена палуба впереди средней надстройки, горящий бензин разливается от борта до борта. Старший помощник пробился сквозь огонь на носовую часть судна и зажег дымовую шашку, но тут же был сражен очередным снарядом. Пробит борт, останови-

лась машина... Немецкий тяжелый крейсер перешел на обстрел шрапнелью, наносящей наибольший урон живой силе. Старший механик Николай Бочурко, прекрасный моряк и просто красивый человек, выполняет последний приказ командира: открывает кингстоны, чтобы ничто не досталось врагу. Он не поднялся наверх из заливаемого водой машинного отделения...

Шаршавин передал на Диксон: «Горим, прощайте...» и по привычке заметил время – 13 часов 55 минут. Тут же прогремел взрыв, разрушивший передатчик. Неужели всё случившееся с момента первого залпа уложилось в восемь минут?

XI

Комиссар «Сибирякова» Элимелах был на год младше командира. Он был сыном гомельского сапожника, и иногда мог пошутить: «Как Лазарь Моисеевич..., и не только...» Впрочем, такая шутка была, конечно, весьма рискованна, а когда близкие друзья по Комвузу имени Свердлова стали безвестно исчезать, шутку пришлось исключить из обихода. Еще в армии на действительной он стал комсомольским активистом, и неспроста ему доверили работу в московских райкомах. Его вечная добрая улыбка и незатейливый юмор оградили его от обвинений в участии в разных оппозициях, но все-таки после ареста Косарева и других лично ему известных комсомольских руководителей пришлось поволноваться. Поэтому, когда ему предложили работу в Николаеве, в школе морских летчиков, он с радостью согласился и оставил Москву. Там, в Николаеве, было интересно работать, но все же не очень хорошо быть комиссаром летающих людей, оставаясь на земле. В Николаеве строились мощные линейные ледоколы, сразу поправившиеся Элимелаху. Зелик добился направления в Арктику и был назначен политработником на флагманский корабль ледокольного флота – «И. Сталин», откуда уже позже был переведен на «Сибиряков».

По укоренившейся на торговом флоте традиции командиров называли на судне не по должности и званию, а по имени-отчеству, однако к комиссару «Сибирякова», который имел звание батальонного комиссара – самое высокое в экипаже, мало кто обращался «Зелик Абрамович». Все называли его редкостным, но так шедшим ему, похожим на ласковую кличку именем «Зелик».

Невысокого роста, плотный, черноволосый, Элимелах казался противоположностью вышедшего в рейс на «Сибирякове» старшего по должности политработника Абея Вайнера – заместителя комиссара ледокольного отряда в звании старшего батальонного комиссара. Вайнер, высокий, рыжеволосый, худой, был человеком «сухопутным»: до войны он возглавлял политотдел МТС в одном из сельскохозяйственных районов. Ему очень хотелось самому побывать в полярном рейсе, и когда Зелик намекнул ему, что можно сходить в море на «Сибирякове», рейс которого обещает быть несложным, едва ли не прогулочным, он с легким сердцем оформил командировку для проверки постановки партийно-политической работы на судне. В потрепанный портфель, кроме инструкций политуправления и смены белья, вошло

Зелик Элимелах.

три бутылки питьевого спирта. Сам Вайнер ни спирта, ни водки не пил, но знал, что Зелик не прочь вечером за компанию опрокинуть стопочку-другую разведенного, по арктическому обычаю, по широте места.

Удивительно, что Зелик, неторопливый, раздумчивый, всегда находил общий язык с взрывным, обидчивым Качаравой. Капитан знал: Зелику скажи – Зелик сделает. Вот почему, как только начался обстрел, Качарава послал комиссара туда, где было всего тяжелее – к боцману Павловскому, в аварийную партию. Элимелах провел рукой по пуговицам ватника, хотел что-то сказать, но горло у него перехватило, он только как-то особенно пристально посмотрел на капитана, словно хотел запечатлеть его в памяти, махнул рукой и загремел сапогами по железным ступенькам трапа.

От прямых попаданий тяжелых снарядов «Шеера» разметало бревна перевозимых на палубе срубов, разбило шлюпки. Зелик успел отметить прямое попадание в район кают-компания: там развернут пост оказания помощи ране-

ным, там женщины... Разрыв на мостике... Как капитан? Кто-то, кажется, третий помощник, кричит с крыла мостика: «Зелик, капитан убит, принимай командование!» Командование? Кем? Батарея на корме разбита, между средней надстройкой и баком, ухая, взрываются бочки с бензином. Надо спасать людей. Надо спасать людей. «Где Вайнер?» – беспокоится Элимелах о своем госте-начальнике. «Вайнер убит! Стармех открыл кингстоны!» – это снова третий помощник. «Оставить судно!» – кричит Элимелах. Несколько мужиков-сезонников боязливо жмутся к фальшборту. «Прыгайте! Прыгайте в воду! А-а, мать вашу!..» – Зелик стянул сапоги, скинул ватник. – «В воду! Прыгайте в воду! Плывите к острову!» «...Личным примером...» – вспомнил он слова какой-то инструкции. И еще: «Сколько человек может продержаться в ледяной воде? Кажется, минут десять-пятнадцать. Эх!» «Ребята, пошли!» – Зелик перевалился через планширь, секунду помедлил, глубоко вдохнул и оттолкнулся от борта. Вода обожгла, мгновенно словно стянуло кожу. Зелик поплыл саженьками в сторону острова. Он видел, что его примеру последовали и другие.

Последнее, что увидел Зелик Элимелах – «Сибиряков» уходил носом в воду, заваливаясь на левый борт..

XII

Диксон запомнился мне круглосуточной солнечной погодой, мягким теплом – даже не верилось, что это Арктика. Я стою на вахте у трапа, в своем форменном курсантском бушлатике и в совсем уж не форменной военно-морской фуражке с вынутой пружиной и «крабом» без звездочки. Владимир Яковлевич, руководитель практики, неодобрительно относится к моей самостоятельности, но ему понятно мое желание выглядеть постарше и посамостоятельнее.

Разглядываю окрестности. Арктический порт Диксон и одноименный поселок расположены на материковом берегу полуострова Таймыр. Нешироким проливом от него отделен остров Диксон, на котором находятся радиоцентр и полярная станция. Наш «Леваневский» стоит на якоре на внутреннем рейде, в бухте, которая опять-таки носит название «бухта Диксон». Она вдается в восточный берег острова, образуя здесь подковообразный изгиб, и открыта в сторону порта.

У борта судна в воде время от времени важно проплывают северные дельфины – белухи. К югу, в Енисейском заливе, не спеша идет заданным курсом пара тральщиков, ликвидируя остатки сохранившейся со времен войны минной опасности. На рейде дремлют суда, ожидающие выхода в рейс. Когда, наконец, одно из судов снимается с якоря и отправляется в арктическое плавание, оно прощается с каждым из остающихся протяжным гудком, и в ответ ему раздаются такие же протяжные гудки: «До свидания», «Счастливого плавания». А потом суда подают еще по одному короткому гудку: «Я понял тебя, спасибо, удачи тебе!» Почему-то берет за душу эта грустная символика морского братства, и бывалые моряки торопливо пыхтят сигаретами, стараясь не показать пощипывающей глаза сентиментальности. Работа как работа – не лучше и не хуже любой другой,

И. Шнейдер (в центре, слева) и автор (справа) с капитаном учебного судна «Курсограф» среди курсантов.

но только никому не дано угадать, кто однажды не вернется домой с этой непыльной работы.

И ничто не напоминает о тех событиях, которые случились здесь в не так-то уж и далеком тогда 1942 году.

ХІІІ

Сколько лет прошло! Вот и я в который уже раз отправляюсь в море с курсантами руководителем практики. Мы приехали из Калининграда в Ригу, где в районе Вецмилгравис, в рыбном порту, ждало нас учебно-производственное судно «Курсограф». Выстраиваю курсантов на причале, и к нам по трапу сходит... да это же Иван Григорьевич Шнейдер! Я знал его как, без преувеличения скажу, знаменитого капитана парусного барка «Крузенштерн», год назад принявшего участие в трансатлантической гонке – операции «Парус», посвященной 200-летию США. Тогда портреты Шнейдера печатали многие газеты и журналы, его часто показывали по телевидению. Небольшого роста, худощавый, с короткой щетинкой седых усиков, Иван Григорьевич знал себе цену. Даже одевался он с какой-то едва приметной, но очевидной щеголеватостью, о чем свидетельствовали его всегда начищенные до блеска ботинки, острая складка наглаженных брюк и особенный, только у него имевшийся, галстук с миниатюрным изображением барка, несущегося под всеми парусами.

Но что случилось с Иваном Григорьевичем? Что он, признанный гроссмейстер океанских парусных регат, делает на учебном траулере? И почему на погончиках его рабочей куртки не гордые капитанские нашивки, а лишь три лычки, добавляющие старшему помощнику капитана?

Шнейдер мгновенно рассеял промелькнувшие в моей голове вопросы. «Я – помощник капитана по учебной работе», – объявил он сходу, и дополнил это вступление витиеватой элоквенцией, смысл которой сводился к тому, что на борту судна должна соблюдаться строжайшая дисциплина и что те курсанты, которые не имеют двух комплектов рабочей одежды, на борт судна допущены не будут, а будут немедленно отправлены назад, в Калининград. Это был уже явный перебор. Я не принял тона Ивана Григорьевича и попросил все вопросы, касающиеся порядка прохождения практики, решать исключительно со мной, напомнив, что в условиях прохождения практики ничего не говорится ни о каких двух комплектах. Относительно того, отправлять ли курсантов обратно в Калининград, решение будет принимать руководство высшего инженерного морского училища, представлять которое здесь поручено мне. А вообще-то курсанты проголодались в дороге, и пока мы обсуждаем разные проблемы, следовало бы их разместить на судне и накормить.

Мы еще немного поконфликтовали, но вскоре задор моего собеседника пошел на спад, элоквенции стали менее витиеватыми, а через непродолжительное время мы попросту подружились.

Оказалось, что Иван Григорьевич по состоянию здоровья оставил капитанскую должность и пошел на «Курсограф» «помпоучем», чтобы решить какие-то оставшиеся де-

Капитан 2-го ранга И.Г. Шнейдер.

нежные проблемы. В рейсе он показал себя как человек незлобивый, скорее даже доверчивый, острый на язык и неизменно склонный к этим самым элоквенциям, которые теперь почему-то принято называть ненормативной лексикой. «Иван Григорьевич, – упрекал я его, – ведь вы же филолог (он, закончив среднюю ростовскую мореходку, высшее образование получил, заочно обучаясь в институте военных переводчиков), нельзя ли как-нибудь поаккуратнее обращаться с языковыми богатствами». Как ни странно, такое обращение оказывало положительное воздействие. Если бы я знал, что Иван Григорьевич уже сдал в издательство рукопись, в которой содержалось такое высказывание:

«...Некоторые матросы, да и старшины довольно часто употребляют выражения, которые принято называть непечатными. Наверное, кое-кто считает, что выразиться «покрепче» – значит показать свою моряцкую натуру. А ведь он показывает лишь свою некультурность... Потому что тянет вас на неприличные выражения, что хороших-то слов вы не знаете».

Так в чем же я убеждал Ивана Григорьевича?

IV

В свободное время мы с моим коллегой, также руководителем практики, нередко сидели в каюте Ивана Григорьевича и слушали истории из его богатой событиями морской жизни. Однажды он упомянул о том, что был свидетелем и непосредственным участником боя с немецким тяжелым крейсером «Адмирал Шеер» на Диксоне. Конечно же, меня очень заинтересовал его рассказ, и далее я в значительной степени следую тому, что сообщил капитан Шнейдер.

Свидетельства Ивана Григорьевича особенно важны не только потому, что по боевому расписанию он находился на главном командном пункте – в рулевой рубке, откуда открывался наилучший обзор и куда поступала вся оперативная информация. Они важны еще и потому, что Иван Шнейдер был рядовым участником событий, и у него не возникало необходимости преувеличивать или преуменьшать чью-либо роль в этих событиях. Наконец, Иван Шнейдер был настоящим моряком, верно следовавшим от века завещанному штурманскому правилу: «Пишем, что наблюдаем, а чего не наблюдаем, того не пишем».

Диксон, важнейший промежуточный пункт на пути судов, следующих по Северному морскому пути, в котором находился штаб ледовых операций в западном секторе Арктики, фактически не был защищен. Правда, там были размещены батареи, состоявшие из 152- и 130-миллиметровых орудий, но тут как раз поступило распоряжение командующего Беломорской флотилией перебазировать их на Новую Землю, в губу Белушью, где создавалась военно-морская база, и пушки были нужнее. Орудия должен был перевезти ледокольный пароход «Дежнев».

«Дежнев» – это «гражданское» название парохода, а с началом войны это транспортное судно с прекрасными ледокольными качествами было мобилизовано в военно-морской флот в качестве сторожевого корабля и получило новое название – СКР-19. Впрочем, члены его экипажа по-прежнему называли себя дежневцами. На носу и на корме парохода было установлено по два 76-миллиметровых орудия, кроме того, корабль был вооружен четырьмя 45-миллиметровыми орудиями, крупнокалиберными пулеметами, установкой для сбрасывания глубинных бомб и аппаратурой для постановки дымовой завесы. Иван Шнейдер, закончивший перед войной морской техникум в Ростове, служил на «Дежневе» в отделении рулевых.

22 августа 1942 года «Дежнев» вышел из губы Белушьей на Диксон. Получены радиogramмы: уничтожена аргоном радиостанция на мысе Желания; не вернулся на базу вылетевший на разведку в Карском море самолет, пилотируемый летчиком Петром Черепановым.

25 августа днем на «Дежневе» получены радиogramмы, переданные открытым текстом с «Сибирякова»: «В районе острова Белуха обнаружен корабль неизвестной национальности»; «Гонится за нами... Принимаем бой...»; «Продолжаем бой, судно...»

Поздно вечером 25 августа «Дежнев» встал на якорь в бухте острова Диксон, у островка Конус. В бухте находи-

Ледокольный пароход «Дежнев» (СКР-19).

лись также пароходы «Кара» и «Революционер» – последний с единственной 45-миллиметровой пушкой.

26 августа с утра «Дежнев» встал к причалу порта Диксон под разгрузку.

Информация о том, когда на Диксоне получили сведения о проникновении немецкого рейдера в Карское море и сделали выводы о возможном его нападении, весьма противоречива.

В большинстве источников указывается, что в штабе морских арктических операций Западного сектора Арктики об этом узнали от Папанина, который, получив предупреждение из военной миссии Великобритании, 24 августа направил на Диксон радиogramму о возможном появлении «Шеера».

Но есть и другие данные. «Адмирал Шеер» был обнаружен экипажем летчика Стрельцова, выполнявшего разведывательный полет в Карском море, еще за *несколько суток* (выделено мной. – В.В.) до нападения на «Сибирякова». Стрельцов доложил в штаб арктических операций.

Штаб и военное командование на Диксоне сразу же осознали всю серьезность нависшей угрозы, но возможному обстрелу орудиями крейсера они, по существу, ничего не могли противопоставить. Вот на случай высадки десанта было сформировано из гражданского населения два отряда народного ополчения, да и то – как они были вооружены! Винтовки, ручные гранаты, один ручной пулемет... Эвакуировали из поселка в тундру женщин и детей. Немного усилил обороноспособность порта и приход «Дежнева» с его четырьмя 76-миллиметровыми орудиями. Вот если бы использовать для защиты порта те две батареи, которые предназначались к отправке в Белушью губу! Но пушки, предназначенные для доставки на «Дежнев», уже были разобраны и погружены на баржи, и лишь одно 152-миллиметровое орудие еще находилось на причале в ожидании погрузки. Только оно могло быть срочно подготовлено к открытию огня. Относительно же восстановления на позициях других

орудий решение было принято лишь после прихода «Дежнева». Как назло, поднявшееся волнение препятствовало выгрузке пушек на берег. В ночь на 27 августа командир СКР-19 Гидулянов возглавил операцию по восстановлению батареи 130-миллиметровых орудий и отправился на катере выбирать место для выгрузки. Следом за катером портовый буксир тянул за собой баржу с пушками.

Но до выгрузки пушек на берег дело не дошло. Около часа ночи постом службы наблюдения и связи был обнаружен за пеленой дождливого тумана в трех милях от берега тяжелый крейсер. «Шеер» обигал остров Диксон, чтобы с юга подойти ко входу в гавань.

В 01 час 25 минут старший лейтенант Кротов, помощник командира «Дежнева», который остался во главе экипажа, объявил боевую тревогу.

«Дежнев» отдает швартовы, отходит от причала и берет курс на юг, навстречу немецкому кораблю. Решение старшего лейтенанта понятно рулевому Шнейдеру: «Бой на дальней дистанции дает полное преимущество крейсеру, а вблизи наши пушки хоть что-нибудь да сделают. Важно задержать врага, не пустить его в базу. А если уж ничего не выйдет, затопим «Дежнева» в узком проходе и перекроем фарватер».

На причале краснофлотцы и рабочие порта разворачивают пушку в сторону противника. На пароходе «Революционер», стоящем на якоре в гавани, также готовятся к открытию огня.

С «Дежнева» сигнальщики запрашивают опознавательные знаки у движущегося навстречу крейсера, который находится менее, чем в четырех милях. В ответ «Шеер» открывает огонь. В 01 час 38 минут отрывают огонь пушки СКР-19.

Шнейдер вспоминает: «Понимая, что 76-миллиметровыми снарядами не пробить толстую крейсерскую броню, наводчики целились по надстройкам рейдера, его высокой мачте, дальномерным постам».

Сколько снарядов попали в «Шеер»? Шнейдер: «Всплески от снарядов, невысокие, тонкие, подбираются все ближе к темно-серому корпусу крейсера. Наконец, я вижу короткие вспышки на палубе и надстройках «Шеера» и догадываюсь, что наши снаряды достигают цели. Одна вспышка, более яркая, чем остальные, сверкает на юте вражеского крейсера. И там поднимается дым, кажется, что-то горит. Вспоминаю о береговом орудии – не его ли снаряд?»

Артиллеристы береговой батареи, которой командовал лейтенант Николай Корняков, развернув орудие, открыли огонь. Орудие при отдаче плохо удерживалось на деревянном причале, и после отката его с большим трудом возвращали на место. Но потом догадались использовать для этого находившийся на причале трактор, после чего темп стрельбы возрос. Отмечено еще одно попадание в крейсер – в районе фок-мачты.

Снаряды крейсера наносят тяжелые повреждения «Дежневу». Много разрушений на палубе, в машинном отделении, снаряд разорвался в штурманской рубке. На корабле

много раненых, есть убитые. В корпусе «Дежнева» семь больших пробоин, в одну из которых может свободно пройти человек, много мелких пробоин. Отсеки быстро наполняются водой, корпус отяжелел.

На пароходе «Революционер» от попадания снарядов фашистского рейдера в средних деревянных надстройках возник пожар, сильно повредивший каюту капитана и рулевую рубку.

Вот «Дежнев» достиг самого узкого места фарватера, сейчас тяжело раненый, но продолжающий управлять кораблем старший лейтенант Кротов отдает команду «Стоп, машина...» Но в это время крейсер начинает поворот и отходит, продолжая обстрел. Старший лейтенант принимает решение: посадить корабль на отмель вблизи берега, откуда, заделав пробоины в корпусе, его можно будет снять для ремонта. Поставив дымовую завесу и укрываясь за нею, «Дежнев» на малом ходу направляется к берегу. В это время к борту подходит катер, на котором возвратился командир – капитан-лейтенант Гидулянов.

01 час 46 минут – прекратили огонь. Всего восемь минут длился бой слабо вооруженного ледокольного парохода, в сущности, гражданского судна, и единственного орудия береговой батареи с тяжелым крейсером, обладающим огромной огневой мощностью, и вот хищник под фашистским флагом отступил, отказавшись от прорыва в гавань Диксона!

01 час 56 минут – «Дежнев» всем корпусом сел на илистый грунт. Моряки подсчитывают потери: семь человек убито, много раненых...

Через час с небольшим «Адмирал Шеер», обойдя остров Диксон, подошел к северному входу в пролив, отделяющий остров от порта. Он обстрелял радиостанцию, электростанцию, жилые помещения и полярную станцию, расположенные на острове, причалы порта, островок Конус, на котором находился угольный склад. По полярной станции огонь велся не прицельно: снаряды рвались либо на голых скалах, либо падали в воду.

Когда рейдер занял позицию у северного входа в порт, орудие на причале порта было развернуто на 180 градусов и вновь открыло огонь по крейсеру. Дистанция стрельбы теперь была больше, чем при первом подходе фашистского корабля. Артиллерийский наблюдатель опять отметил попадание снаряда в крейсер. После этого рейдер прекратил обстрел Диксона, сделал крутой поворот и скрылся в северном направлении.

Экипажу того же летчика А. Стрельцова было поручено проследить за отходом «Шеера».

77 снарядов главного калибра – более 23 тонн металла и взрывчатого вещества – и еще 379 снарядов 150- и 105-миллиметровых орудий истратил «Шеер» в операции «Вундерланд», не достигнув никаких ощутимых результатов. Немецкий историк войны на море Ф. Руге писал, что целью операции не удалось достичь из-за тумана и невозможности использовать корабельный самолет. Пытаясь хоть

как-то отметить действия рейдера, он добавляет: «Шеер» потопил мужественно и искусно сопротивлявшийся большой ледокол и повредил еще один ледокол, а также ряд других судов при обстреле им 28 (?) августа крупной базы Диксон в устье Енисея».

XV

12 января 1957 года теплоход «Кооперация» пришел на рейд Мирного, доставив большую часть смены зимовщиков и сезонного состава второй советской антарктической экспедиции. Немного времени спустя, на мостик «Кооперации» поднялись пришедшие из Мирного по льду припая разных рангов начальники из первой, сменяемой, экспедиции. Повстречались старые знакомые, шутки, веселый обмен новостями. Вдруг голоса стали как-то тише, и люди в рулевой рубке стали как будто бы чуть меньше ростом. А ведь ничего особенного не произошло, просто на мостик поднялся еще один человек, плотный, широкий в плечах, в ладно сидящем на нем не новом кожаном пальто. Было что-то казацкое в грубоватых чертах его загорелого, обветренного лица. Он ничего не сделал такого, что могло бы привлечь к нему внимание, и, тем не менее, чувствовалось, что внимание всех привлечено к нему. «Черевичный...» – не то чтобы шепот, а скорее какой-то общий выдох пронесся по рубке.

Иван Иванович Черевичный, начальник летного отряда первой антарктической экспедиции, начинал свои полеты в полярных широтах еще в середине 30-х. С первых месяцев своей летной работы он прославился своей дерзостью, сплавленной с тонким расчетом, знаменитый той удачей, о которой когда-то писал Амундсен: «Успех ждет того, кто сумел всё предвидеть. Люди называют это счастьем...» Да, Иван был счастливым человеком. Он выходил из самых жестоких переделок, вроде посадки гидросамолета в штормовом море с неработающими двигателями, приземления на коротенькую дорожку, заканчивающуюся в пяти метрах от остановившегося самолета. Перед самой войной, в апреле 1941-го, он совершил беспрецедентный полет на полюс недоступности, закрыв самое крупное и загадочное из оставшихся белое пятно на карте Арктики. Иван Черевичный по праву носил на груди золотую звезду Героя Советского Союза.

Тогда я не знал еще об одном подвиге Ивана Черевичного, имеющем прямое отношение к нашему повествованию. Но чтобы рассказать о нем, придется вернуться назад.

Не все члены экипажа и пассажиры «Сибирякова» погибли или были взяты в плен. Уцелел один человек – кочегар Павел Вавилов. Когда пароход уходил на дно, он остался на воде, держась за плававшее бревно. Ему удалось не погибнуть от переохлаждения и остаться незамеченным с немецкого катера, который забрал людей с единственной уцелевшей шлюпки «Сибирякова». После того, как катер отошел, Павел забрался в шлюпку и переоделся в сухую одеж-

И.И. Черевичный.

ду находившегося в ней погибшего моряка. Действуя доской, как веслом, Вавилов добрался на шлюпке до острова Белуха, по пути подобрав из воды плававшие предметы, которые могли оказаться необходимыми. Ему удалось подобрать анкерок с пресной водой, ящик неприкосновенного шлюпочного запаса с продуктами и спичками и даже собаку – любимицу экипажа. Собака сильно обгорела и прожила совсем недолго.

На верхней точке небольшого необитаемого острова вышпался навигационный знак, около которого Вавилов соорудил из подобранных обломков подобие конуры, в которой можно было кое-как укрываться от непогоды. Собрав прибитый к береговой черте плавник, он приготовился разжечь костер, чтобы дать знать о себе судну или самолету, которые могут оказаться в пределах видимости. На ровном месте Павел положил доски и на них написал собачьей кровью: «Команда Сибирякова спасите». Найдя ящик с тетрадями для записи результатов метеонаблюдений, Вавилов начал вести дневник.

Помощь пришла нескоро. Почти месяц Павел замечал то пролетавший самолет, то судно на горизонте, но никаких признаков того, что сигналы Павла заметили, не было. На остров приходила белая медведица с медвежатами, но то ли она была сыта, то ли на соседних островах пищи было побольше, но Павла, забравшегося на вершину навигационного знака, она не тронула и ушла.

На тридцатый день Вавилов увидел проходящий в нескольких милях пароход. Бывалый моряк опознал его по характерному контуру: это «Сакко», знакомый пароход Мурманского пароходства. Павел разжег костер, но на па-

роходе, судя по всему, не заметили поднимающуюся к небу струйку дыма. Тем не менее, это придало надежду полярному робинзону. Через несколько дней над островом пролетел самолет ледовой разведки. Лучшие летчики – Стрельцов, Черевичный, Каминский были привлечены к поискам экипажа «Сибирякова». Самолет пролетел низко над островом и приветливо покачал крыльями. «Значит, заметили, помощь придет», – понял Павел. Вскоре еще один самолет сделал несколько кругов над островом на малой высоте. С самолета сбросили спальный мешок и пакет с удовольствием. Было понятно, что летчик ищет место для посадки, но плохая погода не позволяла посадить машину. И только на тридцать четвертый день пребывания сибиряковца на острове на беспокойную воду сел гидросамолет. Летчик – как потом оказалось, командир экипажа – вылез на крыло самолета и рукой указывал второму пилоту, который был за штурвалом, направление движения. Самолет подрулил совсем близко к коварной береговой черте. Павел бросился навстречу, он был уже по пояс в воде, когда сильные руки подхватили его под мышки и втащили в люк. Моторы тут же взревели, гидросамолет лихо развернулся и после короткого разбега взлетел, взяв курс на Диксон. Это Иван Черевичный, бесшабашный летчик, рискуя машиной и своей жизнью, совершил еще одну лихую посадку, чтобы спасти уцелевшего от плена и гибели кочегара.

XVI

Набег немецкого рейдера и гибель парохода «А. Сибиряков» имели еще одно трагическое последствие. Смена персонала на полярной станции острова Домашний не была произведена, а там уже закончились все припасы: продовольствие, уголь, керосин. Только охота на морского зверя еще позволяла как-то продлить существование. Тяжело заболел и умер механик станции Шенцов. Оставшиеся два зимовщика также были больны и истощены.

Их спас в сентябре 1943 года экипаж все того же летчика Стрельцова. Первая попытка была неудачна: среди льдов не нашлось пространства чистой воды, достаточного для того, чтобы посадить гидросамолет. Только на следующий день, во втором полете к острову, Стрельцов рискнул посадить гидросамолет в узенькую полоску воды у берега. Обессилевшие метеоролог Кремер, начальник станции и радист Скворцов были доставлены на Диксон.

XVII

Неудачный (по признанию самого немецкого морского командования) поход «Шеера» имел еще одно немаловажное последствие. Гитлеровские стратеги деляли заманчивый замысел открытия Сибирского фронта. Они хорошо понимали, что переброске военных грузов из США и Великобритании в порты советского Севера может быть противопоставлен значительно более эффективный вариант их

доставки из портов западного побережья США в российские дальневосточные порты. Контролировать тихоокеанские маршруты плавания транспортных судов немцам было бы несоизмеримо труднее. Однако от Владивостока и других пунктов выгрузки к центральным районам вела единственная железная дорога – Транссибирская магистраль. Если бы немцам удалось ее перерезать, Советский Союз реально был бы лишен большей части военной помощи, поступающей от союзников в годы войны. А перерезать Транссиб можно было бы, доставив в район Диксона десант, который поднялся бы вверх по Енисею – совершенно незащищенной водной артерии – до Красноярска. Ах, как заманчивы были перспективы такого удара в самую сердцевину истекающего кровью гиганта!..

Отпор, встреченный «Адмиралом Шеером» на Диксоне, означал не только, а, может быть, и не столько провал операции «Вундерланд» (ведь, в конечном счете, срыв налета на восточный караван был обусловлен ледовыми условиями, вызвавшими его задержку в пути). Он вынудил немецкое командование отказаться от авантюрных намерений открытия Сибирского фронта.

XVIII

Вскоре после описываемых событий Меендсен-Болькен получил звание контр-адмирала и был назначен командовать соединением германского военно-морского флота в Тунисе. К концу войны он уже был вице-адмиралом. До 23 мая 1945 года (прошло две недели после капитуляции гитлеровской Германии!) занимал один из высших постов в немецком военно-морском флоте. Умер в 1985 году.

Тяжелый крейсер «Адмирал Шеер» 9 апреля 1945 года подвергся массированной бомбардировке английской авиации, опрокинулся и затонул. После войны с него сняли башни, орудия, гребные винты, другое оборудование, а потом заносившийся песком остов погибшего корабля засыпали мусором из обломков разрушенных зданий, и сверху заасфальтировали. Теперь на этом месте располагается автостоянка.

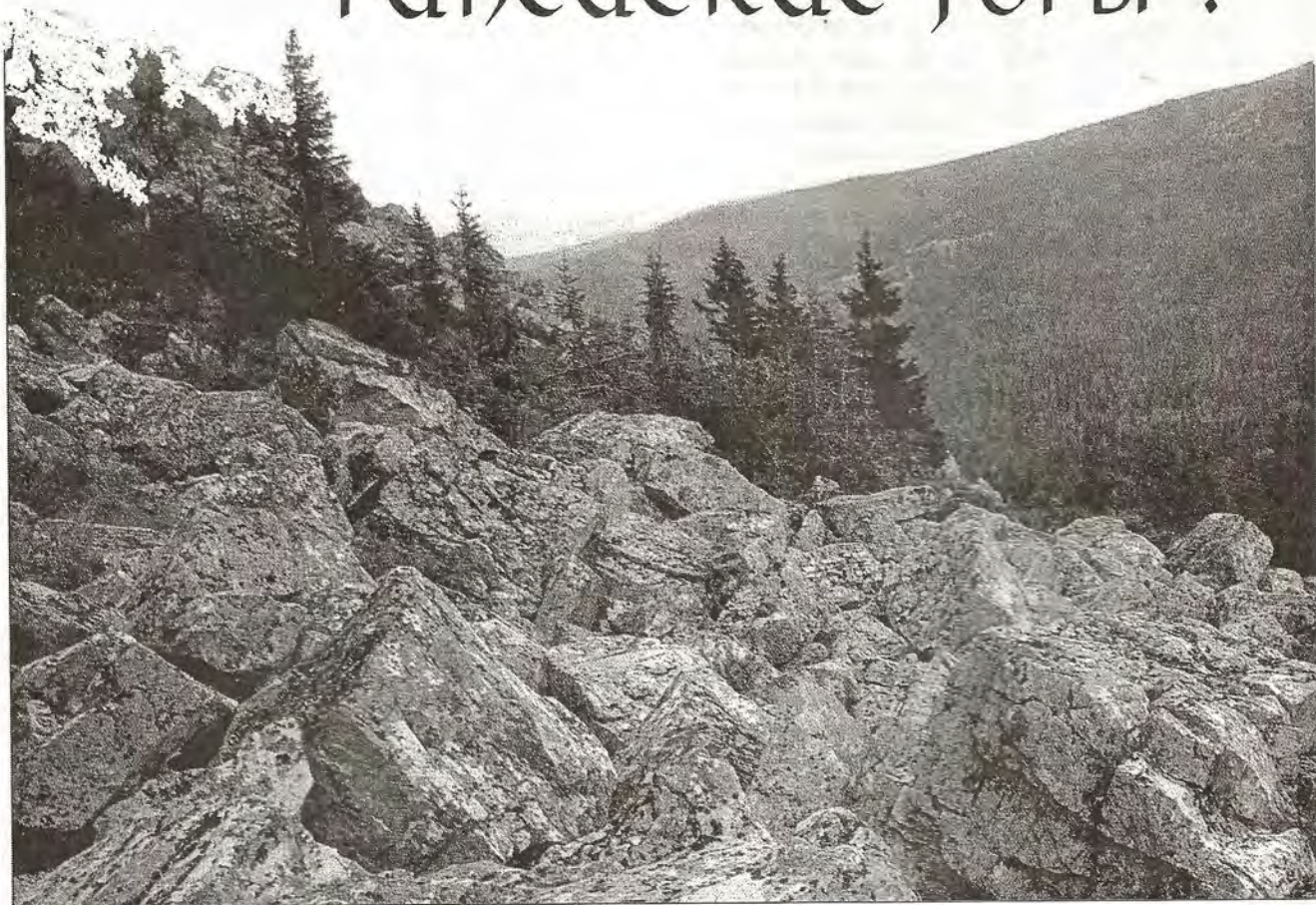
Труженики арктических трасс «Дежнев» и «Леваневский» честно отслужили положенный им срок и пошли на металл. Им на смену пришли ледокольные суда нового поколения, спроектированные с учетом опыта эксплуатации ветеранов.

Капитан Качарава после «Леваневского» командовал пароходом «Тбилиси», ледокольным дизель-электроходом «Байкал», а потом был назначен начальником нового Грузинского морского пароходства. Он умер в 1982 году.

Боевые корабли и гражданские суда, проходя возле точки с координатами 76° 12' северной широты, 91° 30' восточной долготы, где «Сибиряков» принял неравный бой с фашистским чудовищем, приспускают флаг и протяжным гудком отдают честь храбрым морякам теперь уже такой далекой войны.

Михаил ДОМОВ, г. ЕКАТЕРИНБУРГ

ГДЕ ВЫ, РИПЕЙСКИЕ ГОРЫ ?

Северным пределом обитаемого мира древние люди считали Рипейские горы. Они будто бы протянулись с запада на восток вдоль всего побережья Северного океана. И никому из смертных нет пути через эти горы, только бог Аполлон на своей колеснице, запряженной лебедями, летает в блаженную страну гипербореев, лежащую за Рипеями.

Если бы это сообщали одни греческие авторы, то рассказы о великих северных горах можно было целиком отнести к области мифологии. Но точно такие же сказания записаны и в Индии, и в Ираке. Только горы все называли по-своему: соответственно – Меру (или Сумеру – прекрасная Меру) и Хара (или Хара Березати – высокая Хара). А так – все, как у греков. Тоже вдоль берега Молочного (т.е. Ледовитого) океана тянулись высочайшие горы, а за ними лежала волшебная страна, где люди жили не старея и всегда оставались пятнадцатилетними. Непроступен был путь к этим горам – страшные ветры, снега и морозы не позволяли даже приблизиться к ним.

Лишь великим святым порой дозволялось увидеть чудесную страну.

Такое сходство не может быть случайным, ведь о тождестве Рипейских гор и Меру свидетельствует Ригведа – священная книга индийских ариев.

В ней горы Меру называются еще и Рип. О заимствовании у греков не может быть и речи: священные тексты ариев намного древнее их первых контактов с греками. Единственное объяснение: греческие и арийские предания имеют общий источник.

Но где же эти самые Рипейские горы? На указанном месте они вроде бы не обнаруживаются.

Наиболее распространенная версия связывает их с Уралом. Да и нет поблизости другой горной системы, подходящей для этой роли. Вот только расположение подкачалось – протянулись Уральские горы с севера на юг, а не с запада на восток, и это противоречит античным географическим

представлениям. Не мог Геродот спутать восток и север.

Обратимся к истокам. Предки европейских народов, племена так называемой шнуровой керамики вышли из зоны катакомбной культуры, занимавшей причерноморские степи между Днепром и Волгой. И как раз в тех краях есть хребет, протянувшийся с запада на восток – Кавказ. Он тоже располагался у моря (даже у двух морей), и для народов, живших южнее, вполне мог показаться пределом мира. Арии, как прямые потомки древних катакомбцев, должны были сохранить воспоминания о жизни на Кавказе.

И в самом деле, в Иране название Хары изменялось так: Хара Березайти – Харбурз – Альбурз. Последний вариант совпадает с названием одной из кавказских вершин – Эльбрус. Индийцы к северу от Меру помещали волшебный Белый остров (Шветацвип), но и греки именно так называли остров в Черном море вблизи устья Дуная (по-гречески Левка). Плиний в своей Естественной истории считал его островом блаженных.

Есть и другие свидетельства, казалось бы, подтверждающие эту версию.

По древнейшим представлениям реки брали свое начало с неба, как, например, небесная Ганга в Индии или Ардвиг в Иране. Вот почему греки (и даже Аристотель) считали, что главные реки Скифии текут с Рипейских гор – они спутали их с небесной горой.

Когда люди покидали родные края, то сохранили память о них в своих преданиях. И тогда страну предков считали уже загробным миром, ведь умершие отправлялись к предкам. Небесная гора совмещалась со священными горами, на которые и стали переселяться небесные горы – на Гималаи, на Олимп. Вот и древние греки размещали свой загробный мир на востоке Кавказа, куда и направлялся Одиссей, чтобы встретиться с умершими:

«Прежде, однако, ты должен, с пути уклоняясь, проникнуть
В область Аида, где властвует страшная с ним Персефона...

.....
Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана
Там киммериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос...»

Но почему греки считали Причерноморье страной холода и мрака, они же видели, что это не так? И климат там не соответствовал описанному в «Одиссее»:

«Ночь безотрадная там искони окружает живущих».

И это написано о стане киммерийцев (Тамань)?!. Очевидно, с Кавказом греки связывали комплекс мифологических представлений, принесенный их предками с севера, а с ними – и память о полярных явлениях. Вот эти-то явления и не позволяют окончательно связать Рипейские горы с Кавказом.

Полярные явления неизменно соотносились со священными горами. Как греки помещали Рипейские горы под созвездие Большой Медведицы, так и в индийской мифологии высоко над горами стояло то же самое созвездие (Семеро Риши). День и ночь там, по рассказам как греков, так и ариев, длились по полгода, а год составлял сутки богов. За горами помещался Молочный (Ледяной) океан, упоминались застывшая (пленная) вода и полярные сияния (десять Апасар). Огромные

скопления птиц на горах Меру заставляют вспомнить северные птичьи базары. Так что в истории развития мифологических представлений древних ариев Кавказу можно отвести лишь промежуточное положение – между Арктикой и Гималаями.

Индийский ученый Бал Гангатахар Тилак (1856-1920) в своей знаменитой книге «Арктическая родина в Ведах» весьма аргументированно доказывает северное происхождение индийцев. Быть может, и не все их предки пришли с севера, но какая-то часть ариев должна была жить в приполярных областях. Иначе их мифы не сохранили бы таких реалистических подробностей, как, к примеру, Полярная звезда (Дхрува) в центре неба (в Индии она видна низко над горизонтом, да и то лишь на севере страны), или упоминание созвездий, которые в Индии совсем не наблюдаются. А включать в свои мифы чужие предания просто не имеет смысла.

Миграции людей вызывались в первую очередь колебаниями климата. В III тыс. до н. э. похолодание вынудило северные племена отступить на юг. Под их натиском прекратила существование развитая трипольская культура (V-III тыс. до н. э.), а в степной зоне наблюдался переход от земледелия, ставшего непродуктивным, к скотоводству. Быть может, памятью о древних ариях, населявших приполярные области, были предания северных народов о могущественном народе «сиртя», господствовавшем когда-то в тех краях.

Люди переселялись на юг разными путями, двигались они и вдоль Урала. Античные авторы (Гиппократ, Помпей Трог, Вергилий и др.), судившие о географии Восточной Европы со слов скифов, представляли ее местность постепенно повышающейся к северу и переходящей у самого океана в Рипейские горы. Это в общем походит на географию Урала (подробности забывались) – высокие вершины северного Урала и невысокие отроги на юге. Похоже, что географические представления скифов определялись как раз племенами, расселявшимися вдоль Урала.

О реальности такого расселения свидетельствуют многочисленные заимствования в финно-угорских языках из индоарийских, что определенно говорит о тесных контактах ариев с предками финнов; обнаружены и обратные заимствования. Особенно интересно слово «реп» в значении «гора» в языке хантов. Образ северных гор высотой до облаков прослеживается и в мифах древней Югры, и западных финнов – как результат многовековых контактов уральских предков финноугров с ариями. Образу фантастической птицы ариев (Гаруда, Симуург) у хантов и манси в точности соответствует Крылатый Карс. Не наш ли это Хорс?

Итак, исходным вариантом Рипейских гор мог быть только Урал, но все же не весь хребет, а только его северные вершины, тогда как остальная его часть считалась лишь горной страной, понижающейся к югу. Тем более, что индийцы в горах Меру (Рип) насчитывали всего семь вершин. Только те горы, что протянулись вдоль побережья Северного океана, почитались как священные, а белым островом вполне могла быть Новая Земля.

Так что отождествление Рипейских гор с Уралом вовсе не противоречит геродотовской схеме расположения народов. Только Геродот не знал, что эти Рипей куда короче, чем он считал.

Павел ФЕДОТОВ, с. Шемаха Челябинской обл.

Сорокинская пристань

Была у одной тульской барыни веселая горничная. Прозвала ее барыня «Сорокой». Кучера Григория, мужа горничной, стали называть Григорием Сорокиным. Со временем в ревизской крепости всю семью Григория так и записывали – Сорокины. Как эта семья стала принадлежать тульскому заводчику Коробкову, мне неизвестно, только в 1747 году переселил ее Коробков на Урал, на строительство завода у Каслей-озера.

И вот сыны того Григория, братья Сорокины, крепостные Коробкова, спускаются по реке Уфе в поисках подходящего места для судовой пристани. Вчера усмотрели было такое место в устье реки Нази, да и земля, мужик сказывал, в кортоме у купца Петра Осокина. Будто уж и плотину, и домницу строит он на этой Назе.

Плывут ниже: жилье башкирское немудреное промелькнуло. На крутом повороте влево, по правую руку, стена опять же каменная над рекой да такая огромная – саженой двадцать до верху! Стену эту проплыли – горы и леса немного отступили, река пошла направо...

– Гли-ка, Вась, мужики-та ведь наши...

– Наши, кажись, – ответил Василий, – нижегородские раскольники.

– Оне и есть, с Кержанца ... Старшой Андрюха, а младшой Илюха.

– С ними еще Тимофей был – побратим али двоюродный...

– Че, подплывем к ним?..

Подплыли.

– Дай Бог здоровья, мужики. Вон где вы, беглецы, присунулись...

– А мы не беглецы. Мы вольные люди. Коробков-то ваш, бают, на крепость велел всех записывать, вот мы и отошли в сторонку. А вы че, уж не нас ли потеряли?

– Не-е... Хозяин послал место под пристань приглядеть.

– Может, он вольными нас держать прикажет, тогда и вернуться можно бы... А пристань-та сейчас найдете... вон пониже нашей заимки. Лучше и не найдешь. Башкирцы калякают сам кыргызской хан Шемаха тут с воинством стоял – лет де-

сят тому. Будто хотел всех басурман из-под русского царя вызволить, да не пошли с ним башкирцы. А речку по его имени назвали Шемахой. Баскушшая речка! Вот остановились мы и уходить от нее неохота – заимку у башкир взяли. Башкирцы даже рады: земля-то зря пропадает, а от нас хоть немного, а плата за аренду.

– Ну вот мы и посмотрим, може, здесь ей и быть нашей-та пристани.

– Здесь и быть, если выше не нашли... А мы... что дак и коломенки будем вам строить.

– Договоримся, так и вам работа на месте будет. Построим дома, а там и пристань – амбары, спуски, страусы... ну и часовню – Богу помолиться...

Вот так, может быть, и начиналась наша Сорокинская Пристань. В 1746 году туляки Коробковы заключили с Оренбургской Губернской Канцелярией контракт на постройку завода у Каслей-озера, а в 1747 году купили у башкирцев Мякотинской волости 80 тыс. десятин лесов за 72 рубля. Построили домну и кричную фабрику на 8 вододействительных кричных молотов для выделки из чугуна железа.

Для отправки железа в Россию был только один путь – река Уфа. Но верховье Уфы даже в весеннее половодье, даже для судов самого малого размера – коломенок на 8 тысяч пудов – было маловодно. Опыт бурлаков подсказал, что здесь, в 45 верстах от Каслей, есть место, от которого коломенка с 4000 пудов груза может плыть. На этом месте и учредили Коробковы первую пристань Озерскую. Здесь строили коломенки водоизмещением на 8000 пудов. Сюда в склад подвозили зимой железо.

Но отправлять коломенку в Россию с 4000 пудов было невыгодно, надо было иметь ниже по Уфе еще пристань, где можно было бы добавлять в коломенки еще по 4000 пудов. На поиски такого места для второй пристани и отправились братья Сорокины.

Выше я описал их поиски и остановку на заимке новгородских мужиков братьев Андрея, Ильи и Тимофея. Потомки Андрея и Ильи получили почему-то впоследствии фамилию Новгородцевы, некоторые из Новгородцевых – уже в моей памяти, то есть через 200 лет – были в нашем селе учителями, в том числе и моими. Потомки Тимофея стали Тимофеевыми и тоже в архивных делах я с ними встретился.

Сорокиных в селе нашем оставалось до Великой войны двое. Их называли просто: Ванька Сорока и Васька Сорока. Работали они на лесозаготовках, слыли отъявленными игроками в орлянку и карты. Были почему-то одиночками холостяками. Младший, уходя в 1941 году на фронт, пьяным голосом гудел на всю улицу: «Братцы! На войну идем!.. Воевать будем!.. За Родину! За Сталина! И за... за двести граммов хлеба!»

В тюрьму его за это посадить не успели, но с войны он не вернулся, так что Сорокиных в селе больше не осталось.

Дом купца С.А. Новгородцева после 1917 г. – сельсовет, детдом, а сейчас – администрация. Рядом магазин каменный, еще купеческий.

Борис ПУТИЛОВ, г. Екатеринбург

Головыринские были

(записки дачника)

Машка из Сиам

Природа, отчасти уже обездоленная и забытая нами, ее детьми, способна преподносить и совсем другие подарки – зрелища и поступки, от которых мороз идет по коже, жить становится неохота. Хуже: противно жить делается.

...Постоянных, то есть зимующих, истинно сельских жителей осталось в нашей деревне раз-два и обчелся, зато кошачьих брошенных, бродячих полно. Это были, ясно, не жуткие, одичавшие за войну кошки-людоедки, о которых я читал у Виктора Астафьева, это выросли хищницы уже нынешней, мирной популяции, брошенные, в основном, беззаботными и бессердечными дачниками: поиграли и гуляй, киска! По весне эти бродяжки, пережившие зиму, рвали ночью тишь дикими и сладострастными кошачьим вокализациями, а летом и осенью носились, пугая громом и царапаньем мою бедную Лапуню («Слышишь, отец, крысы!»), шастали по чердакам, чуланам и подпольям в поисках мышей, но больше другой, даровой жратвы, оставленной людьми. Среди них мелькали и чисто белые, и чисто черные, и их производные – черно-пестрые... Но эта полосатая (возможно – потомок сиамской кошки, брошенной кем-то здесь в Головырино, и тутошнего беспородного, покрывшего ее, черного кота), грязная и клочкастая тварь напугала даже меня. В самый разгар вскармливания птенцов-выкидышей, как-то ночью я вышел на веранду попить, и мне показалось, что возле аквариума с птенцами кто-то шевелится. Пригляделся – кошка! Об удивительном уме-

нии здешних кошачьих раздобывать еду я уже знал: как-то Венька Кузмичев притащил с реки поздно вечером полный чайник пескарей и, так как они еще всю плескались, закрыл чайник крышкой, чтобы не выпрыгнули. «Завтра утром я тебя ухой накормлю», – торжественно заявил он. Но наутро прибежал со двора обалделый: чайник был пуст. Только плавала там кверху брюхом одинокая исцарапанная рыбешка.

– Ущ гады! – орал знатный рыбак. – И крышку столкнули, и рыбу всю пожрали. Вот котяры, вот тунейдки!..

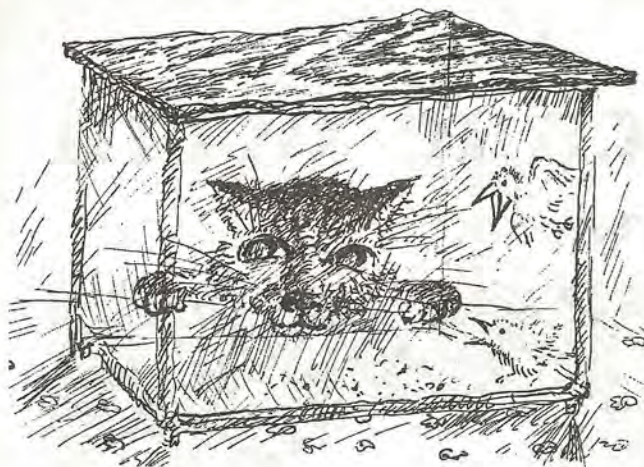
А эта блудная полосатая хотела слопать моих, с таким трудом выкормленных, птенцов! Нет уж!.. Я тихо двинулся к аквариуму и в свете, падающем от крыльца веранды, разглядел – о ужас! – прижавшуюся животом к земле и готовую к прыжку на аквариум полосатую маленькую гиену. Она меня, идущего от света, и – в азарте охоты – не слышала. Прибить гадину!

Но, уже занеся ногу для сокрушительного, как в лучшие мои футбольные юные годы, удара, я на миг почувствовал отвращение. Его я пережил когда-то от другой кошки, также побывавшей здесь, в этом дворе.

Приехав из города и разгрузившись, я сел было есть, но мне не давал покоя близкий кошачий, нет, кашеночий писк. И вовсе даже не писк, но жалкое, будто предсмертное всхлипывание. Я встал из-за стола и пошел искать его источник. В чуланах и амбаре никого не нашел, а, когда залез на сеновал, то обомлел – меня чуть не вырвало от боли и ужаса. Дай Бог никогда и никому такого не увидеть, хотя чья-то картина (возможно, Босха или позднего, уже больного Гойи?) «Сагурн, пожирающий своих детей» известна всемирно.

О кошачьих злодействах написано немало. Начиная, к при-

(Окончание. Начало в № 11, 2003)

меру, с черного кота Эдгара По, напугавшего меня в детстве (именно от него, думал я, пошла кликуха самой знаменитой воровской банды нашего времени «Черная кошка»), кончая уже упомянутыми астафьевскими кошками-каннибалами. Однако сильнее всего оглушил меня скромный рассказ Александра Яшина «Кошечка»: может быть, потому, что приходит время и мне самому ждать свою «кошечку». Рассказ о том, как к одинокой старухе в брошенной северной деревне прибилась славная белая кошечка. Как обрадовалась ей старушка, как обхаживала ее! Но недолго: вскоре поняла сирая, что эта ласковая гадина со всевидящими глазами и светящейся во тьме шерстью есть ее смерть... Страшный рассказ!

Но то, что открылось мне на нашем сеновале, не поддается описанию.

И я бы не стал это вспоминать, если бы со временем не увидел в деянье прилудившейся к нам кошки-матери второй (возможный) смысл.

Кошка, которую я увидел на сеновале, когда-то белая, но сейчас грязная, истасканная по чердакам, где зимовала у теплых закопченных труб, убила, убивала своего ребенка. Но не просто убивала... Когда, лежа ко мне худым животом, к которому присосался один жалкий кощенок, она повернулась ко мне, незваному и неожиданному гостю, я свалился с лестницы – морда ее и обнажившиеся в оскале зубы были ... в крови! А рядом с окровавленной оскаленной пастью, прижатый ее лапой, бился второй котенок, тоже еще слепой. Вернее, билась его верхняя половина: второй, вместе с задними ногами, вплоть до кишочек, уже не существовало: она была сожрана любимой матерью! Но полусъеденный котенок был жив, сердце его билось, легкие, до которых еще не добрались окровавленные зубы мамочки, еще дышали, и несчастный заходился в писк от неопишуемой смертной боли...

Рухнув с лестницы, развалив за собой поленницу дров, я выбравшись из нее, хо-

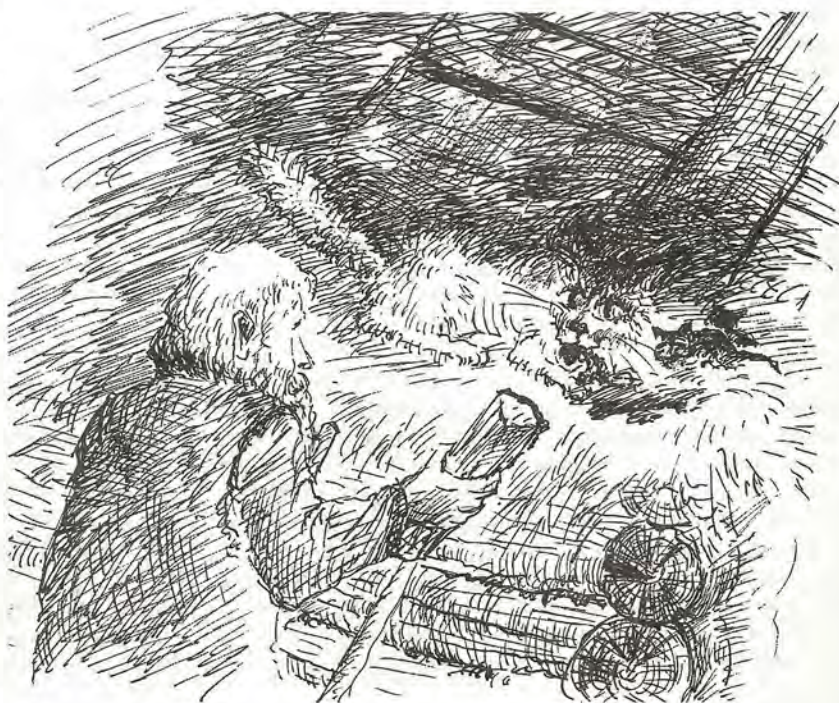
тел бежать подальше. Но куда мог убежать от собственного дома, дома, в который скоро привезут нашу крохотную Наденьку? И мысль о том, что девочке нашей придется жить рядом с пожирательницей собственных детей, ужаснула меня больше только что увиденной сцены.

Я схватил полено потолще и, вскочив прыжком на лестницу, запустил им в кошачье логово. Видно, попал: мерзавка с визгом метнулась прочь. Живого кощенка, однако, в бегстве своем не бросила, в зубах утащила.

Теперь осталось сделать самое противное, трудное. Я поднялся на сеновал, прихватил вместе с охапкой сена полусъеденное, но еще живое, пускающее кровавые пузырьки существо, и, унеся все это за огород, выкинул подальше, в только что вспаханное под яровые совхозное поле...

А котятра та исчезла. Может, подохла, обожравшись крысиной отравой, что рассыпают по своим подвалам люди осенью, или замерзла зимой, уступив место у теплой трубы своему котенку. Выживший же кощенок ее присоединился к стае таких же, как он, бездомных блудливых бродяг...

Но меня не покидала мысль о его жестокой матери. И однажды, думая о ней и ее чудовищном поступке, я вдруг представил его в другом свете: может, мать съела свое дитя не для того, чтобы выжить самой? Возможно, все просто: голодная и немощная после родов, мышей она ловить не могла, «добренькие» дачники в своих летних хоромашах еще не объявились. Но какое у нее может быть молоко без еды? Значит, обоих ее детей ждала голодная смерть. И она приняла жестокое решение, нет, конечно, не решение – просто ее страшные действия продиктовал все тот же беспощадный инстинкт сохранения рода: чтоб не погибли оба, надо вскормить единственного за счет крови и мяса его родного брата. Как в таком случае были

они горьки для несчастной матери! Но благодаря этому, она выжила сама и спасла другое свое дитя... А чем мы, люди, ушли дальше от этой животины: съедают же беглые каторжники или попавшие в беду матросы, чтоб выжить самим, своих слабых друзей-подельников?!.. Воистину, как говорил Эзоп: чем я больше узнаю людей, тем больше люблю животных...

Но полосатая гиеноподобная тварь, что я увидел ночью возле аквариума, намеревалась сожрать чужих детей, вскормленных мной и их чадолюбивыми родителями, птенцов, которые вот-вот должны полететь! Прибить гадину!

Я взметнул карающую ногу. Но хорошо, что удар мой пришелся не носком, им бы я переломал кошке все кости, но взяв ступню, по-футбольному, и моя охотница, действительно подобно мячу, взлетела высоко в воздух. Но, извернувшись в полете, оглушенная, умудрилась упасть на ноги в метрах пяти от меня — в пределах досягаемости света с веранды.

И — не убежала. Встала и посмотрела в мою сторону — ее зеленые глаза из темноты остро, даже с угрозой пронзили меня. Без осуждения и страха. Страшно стало мне: дьяволица полосатая, ведьма в шкуре кошки! Персонаж из пугающих сочинений Эдгара По или Хичкока. И я, невольно оглядываясь на маленькое тигровое чудовище, подхватил аквариум с мирно спящими птенцами, унес в амбар и закрыл до утра — от греха подальше...

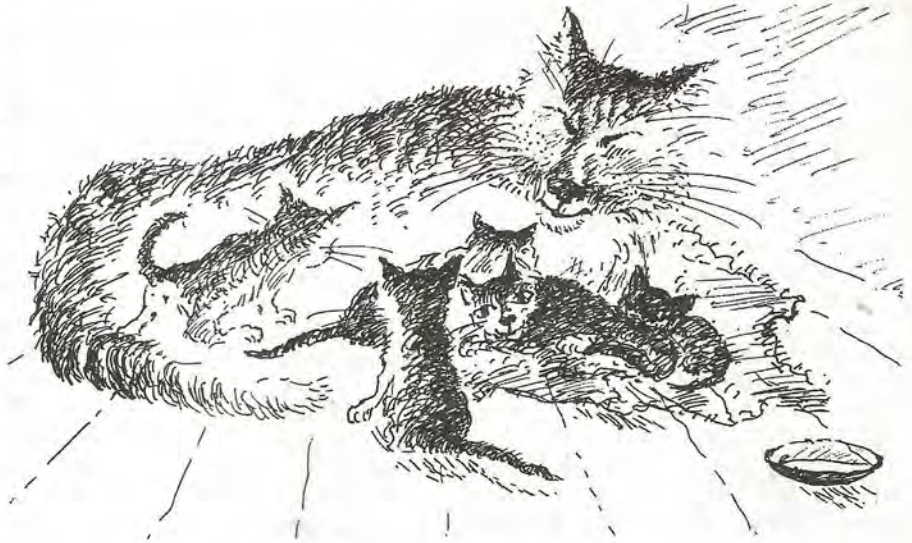
А вскоре после отлета наших птиц меня оторвал от работы сумасшедший звериный визг, поднявшийся на сеновале. Нет, не визг, но какое-то рычание, переходящее в злобное шипение и хрип. «Ну, не человеческое жилье у нас нынче, — подумал я, карабкаясь по лестнице с приготовленной палкой, — настоящий зоопарк!»

Там, на куче свежей сухой травы (ее я накопил в саду между яблонями, высушил и сбросал на сеновал, чтоб забредшему ко мне Веньке Кузмичеву было где кинуть свои бранные кости: в амбар на его любимую кровать из душиной избы перебрался я сам), там, среди цветов и благоухающей зелени, шла настоящая кошачья битва.

Точнее: по-настоящему билась, в кровь и насмерть дралась одна кошка. Моя старая знакомая «гиена». Тошная и страшная, с торчком, как у ее дикого родича-тигра в бою, стоящей шерстью на загривке и спине, она, яростно шипя, даже похоже рыча, бросалась на огромного дымчатого кота, известного на все Головырино блядуна, драчуна и блудно Ваську-обжору.

Хозяйский (этот котяра числился за домом соседки Нюси), он, ясно, был сильнее, а главное — сытее ее. Но под натиском яростных прыжков «гиены» отступал, ибо ту вела какая-то неистовая ненависть, и он, щерясь, отбивался толстыми лапами и отступал к задней стенке сарая, где была (я о ней знал, но все не удосуживался заделать) дыра, куда не только задувало дождь и снег, но, выходит, лазали кошки.

Котяра отступал, но кошка рвала и рвала его — ключья дым-

чатой шерсти летали по воздуху. Наконец, бедный Васька не выдержал и, прошипев по-кошачьи что-то матерное, кинулся в спасительную дыру — моя палка, запущенная ему вслед, опоздала.

А победительница, тоже порядком потрепанная, не обращая на меня внимания, устало повернулась и побрела в угол, где — я только сейчас увидел — лежали, прижавшись тесно, как птенцы в гнезде, — тоже пятеро котят. Ее котят. Уже маленьких, лупоглазых. Лежали и ждали свою боевую защитницу-мать. Все, как один, дымчатые — в блядуна Ваську.

Значит, вот для кого охотилась на моих птенцов эта кошка, а Василий пришел сюда проведать свое потомство. Ну — дела! Но Машка (после этой драки я дал ей имя) не допустила его к ним, как не допускает к детям мать прощелыгу-отца. Однако эти человеческие сравнения мелькнули у меня на миг: я вспомнил ту страшную, отчаянную ярость, с какой бросалась тошная Машка на верзилу Ваську, и понял: не проведать он своих дитяток приходил. Коты не птицы, любви родительской не знают. И не за тем явился, за чем через ночь лазит на сеновал у Веньки одна лихая деваха с улицы Калинина: для страсти у животных, в отличие от людей, отведен определенный срок. Он, обжора, почти наверняка хотел, надеясь на отсутствие матери, полакомиться их нежным мясом. У, самоед поганый! А она воистину мать-героиня!..

И моя жалость к машинной предшественнице, что сожрала своего ребенка, исчезла: ведь смогла же Машка, хотя положение ее было не лучше, как-то выкормить всех пятерых. Значит, есть кошки и кошки, матери и матери, одни жилы рвут, чтоб детей поднять, другие (их становится все больше) бросают ребятишек своих по роддомам и приютам. Есть истинная любовь к детям и есть жестокое равнодушие сродни кроважному самоедству.

А то, что Машка хотела съесть моих птенцов — дело житейское, закон природы...

Я спустился с сеновала, налил в железную чашку молока, крошил хлебных крошек, снова поднялся наверх и поставил чашку к морде лежащей боком Машки, к животу которой прикили, жадно высасывая ее, все пятеро младенцев. Но, увидев молоко, Машка встала, стряхнула их с себя и стала лакать из чашки. А пока она ела, я взял одного котенка (его

мать уже верила мне и на мое движение не среагировала), взял легкое, большепузое тельце, приблизил к свету. Я не ошибся: котенок был редкого дымчатого цвета, но через этот дым еле-еле проступали желтые полосы его сиамских предков, которые, как волосы у человеческого дитя, со временем станут ярче, проявятся определеннее. «Ну, головыринский тигренок!» — засмеялся я, кладя его на место.

С тех пор в нашем доме появились новые жители — шесть новых нахлебников, которых, к великому сожалению, да что к сожалению — великому горю! — как и чудо-птенцов, Наденька моя не увидит...

Ведь из всех животных — диких и домашних — любила она больше всех почему-то кошек. Совсем маленькая, когда мы собирались отметить ее третий год рождения (эти ее даты я помню все), накануне вечером она, прискакав в амбар и забравшись в мою постель, прошептала, еще до ужаса шепелявя и картавя: «Дедуска, самый лутцый подаок, котоый вы мне мозете сделать, это подаить маленькую косеску. Только зывую — игусесная у меня узе есть». И я бы с радостью подарил ей желанную кошку, из-под земли бы достал, но беда в том, что в семье моей жены сроду не заводили кошек: или теща моя Александра Петровна не любила их, или ее, как петуховскую Ксению, дураки-врачи запугали возможной заразой, или просто заводить кога или собаку — это обременять себя лишним ртом, а у нее их и без того было пятеро. Поэтому, когда я намекал на то, что неплохо бы взять для наших детей какую-нибудь домашнюю животину, то встречал со стороны жены и тещи молчаливое или шумное сопротивление.

Правда, еще в дошкольную пору наших ребятишек я принес с работы щенка, как мне сказали, овчарки, по кличке Рудди. Ребятишки несказанно обрадовались ему, но мамочка Лапа кормить и выгуливать его наотрез отказалась. Дети для этого были малы, а мне одному — с моими вечными разъездами — такое оказалось не под силу. Да и чем было кормить этого прожору, когда в клубе собаководства, куда я его привел, повязав ему на шею свой брючный ремень (ошейника и поводка для Рудди я купить так и не успел), великие спецы-собачники, правящие там, подняли меня на смех («Типичная дворняга, ноги тонки, уши и правило коротки, покупайте щенков только у нас!») и разрешения на дешевое мясо и даровые кости для него не дали.

Все это заставило меня, подержав Рудди с месяц, под горький плач Сашки и Верочки отвести Рудди из дома и отдать знакомым. Отдал, как и получил, даром: народец, держащий экста-псов, чтоб они восседали, презрительно вывалив языки, в личных авто, или — еще хуже — разводящий их для наживы (Каждый щенок — большущие, говорят, тыщи!), мне чужд, противен.

Итак, горько жалея, мы отдали нашего Рудди. Но еще больше пожалели, когда через пару лет те знакомые зашли к нам в гости и в нашу квартиру прошествовал гигантский овчар-красавец, даже на взгляд — чистейших кровей. Воистину: никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь!

Но это — к слову. Наденька же из-за нашей с женой вечной занятости, из-за Сашкиного спорта, а потом и его развода с мамочкой Жанночкой ни собак, ни кошек — своих, личных! — в детстве вовсе не знала. Даже ей вспомнить некого было. Но любовь к ним, особенно по нежной ее натуре, к ласковым кошкам, была у нее в крови. И они тоже тянулись к ней.

Помню, однажды, когда мы пришли в очередной раз в зоопарк — девочка моя, быстро и довольно равнодушно обежав строй знакомых клеток со зверями (лишь шустрый веселый соболек, которому мы скормили все наши конфеты, и белый медведь, лихо, как живой пароход, плавающий на спине, остановили ее), начала дергать меня: «Деда, пошли в луна-парк, чешского мороженого хочу!» Но вдруг забыла обо всем: увидела шастающую между клеток толстую рыжую кошку, видимо, кормящуюся возле зверей. Наденька протянула ей руки, и странно: сама одичавшая среди «дикарей», чуждающая народа, кошка эта охотно пошла в ее маленькие руки. Так и ходили мы по зоопарку: я, держа Надьку за руку, а она, нежа другой — мирно сидящая у нее на плече рыжую ничью кошку.

А нынешним летом она насладились бы кошачьим обществом вволю! И, возможно, один из котят навсегда переселился бы в их городскую с мамочкой Жанной квартиру, потому что из жалкеньких пузатеньких кошачат выросли прекрасные, дымчатые, с желтой, таинственной полосатостью, ласковые, доверчивые котята. И главное — хорошо воспитанные своей на редкость умной матерью, которая от нормальной еды (для кошачьего семейства я брал у друга Васьки Головырина каж-

дый день лишний литр молока) и доброго отношения, похоже, когда-то давно знакомого ей, превратилась из драной злобной уличной «гиены», как болотная лягушка, в прекрасную царевну, выправилась в кошку-красавицу, словно рожденную для семейного очага. Она не только чистила наше подворье от многочисленных Лациных врагов-мышей, но и «ребятишек» своих обучила охотничьему искусству. Чуть не с первых недель их жизни стала притаскивать к себе в логово пойманных ею, но не убитых до конца, просто слегка придавленных грызунов, и ее «ребятки» узнавали своих главных врагов, приучались к их повадкам, их запаху, учились их ловить.

Затаившись в углу сеновала, я подолгу наблюдал за этим обучением и удивлялся: не звериное логово, а прямо какой-то кошачий лицей!

Сама превратившись от хорошей сытой жизни в редкую чистюлю, она и детей приучала к чистоте, подолгу вылизывала, так что их дымчато-полосатая шерсть всегда была нежна и блестяща. И в долгом вылизывании том заключались одновременно и мытье, и материнская ласка. Но если надо, «мать Мария» и строго наказывала своих сорванцов.

С появлением ее в нашем дворе, что был проходным для всей деревенской кошачьей братии, другие кошки почти перестали у нас появляться – ни днем, ни ночью. А если вдруг возникали, Машка кидалась на них со злым шипением и стремительно улепетывали прочь: раньше в ненастные дни наши столешница и скатерть на веранде были сплошь в грязных блудливых кошачьих следах, а теперь жена стала безбоязненно оставлять там продукты. «С этой Марией и собаки не надо!» – смеялась она.

Но однажды днем, приехав из города и зайдя на веранду, я вдруг увидел гуляющего по столу Дымка – самого большого и дымчатого из Машкиных детей (всего у ней было две кошечки и три кота). В нем, видно, больше других сказались блудливая обжористая натура отца. И я, отвыкший от такой кошачьей бесцеремонности, резким движением руки скинул нахала со стола. Упав на пол, Дымок с жалобным мяуканьем-стоном бросился жаловаться своей матери, что в окружении остального семейства грелась неподалеку на последнем солнышке. Но, похоже, она поняла, что случилось, что любимчик ее наказан за дело: она встретила его не жалеющей лаской, а полновесным ударом своей тяжелой материнской лапы. Посчитав это недостаточным, схватила зубами за загорбок и утащила домой, на сеновал – для серьезного разговора тет-тет.

В общем, жили мы с нашими новыми четвероногими квартирантами так же, как прежде с птичками, в полном согласии, а слава о нашей удивительной Машке пошла по деревне.

И как-то прилетела к нам (в вечных заботах своих – две коровы, два теленка, овцы да гуся с курами – она не ходила, а бегала) соседка Нюся, номинальная хозяйка отца наших котят, «ходока» и обжоры кота Василия:

– Здравствуйте пожалуйста! Покажите, добрые люди, вашу кошку.

– За показ деньги платят, – засмеялся я.

– Ну уж, сразу и деньги, – тоже хихикнула Нюся. – А крысы она давит? И хомяков?

– Всех давит, – сказал я, – Полезай на сарай – там они.

Нюся слезила и спустилась, ахая:

– И где вы такую красавицу взяли? Из городу, поди привезли? И котята у ней один к одному – молодцы. Может, продадите ее нам? Или молоком выберете?

– Даром отдадим, – вступила в разговор моя жена, тоже, как Нюся, «вся в назьме», которым она подкармливала свою ненаглядную клубнику: ели мы ее неделю, от силы две, а возилась она с ней всю весну и все лето. – Осень скоро, нам в город пора перебираться. А кто там будет с ней да ее котятками возиться? Мой-то опять куда-нито укатит, старый бродяга.

– Ладно, – сказал «старый бродяга», то есть я. – Вот выкопаем, соседка, картошку, и забирай. Только два условия. Первое: чтоб кота твоего, оглоуда Васьки, и духу у вас не было.

– Знаю дело, – согласилась Нюся. – Кака хороша кошка

на старого хозяина кошачьего в дом пойдет? Дратья станут. Дак мой Василий еще весной хотел этого, прости господи, утопить, у него ж, у лодыря, мыши во рту, хи-хи, гребутся. А второе условие?

– Забирай только вместе с котятками. Не хочу, чтоб они тоже, как их мать раньше, бродягами стали. Всех забирай.

– Ой всех нам куда? – запротестовала Нюся. – Одного, самого большого кота, вместе с ней, пожалуй, возьмем. Да вы не сумлевайтесь: таким котяткам хозяева всегда найдутся!

И верно – нашлись. Одну кошечку возьмет Галя, мама Миши, Наденькиного друга. Вторую – жена отставного полковника. Оба торжественно вручили нам по символическому рублю: мол, даровая кошка мышей ловить не станет. А двух оставшихся утащит в Тростниково Венка Кузмичев и обменяет там на трехлитровую банку браги, которую мы благополучно выпьем за прошедшее лето. «Ненавижу зимы, – говорил захмелевший Венка, – опять мне по чужим холодным чуланкам скитаться». А я еще выпил про себя за божий дар этого лета. За посетивших нас братьев наших меньших. Нет, пожалуй, старших. Ибо они научили нас, пожилых, потрепанных жизнью людей, чему-то важному...

Художник А.Г. Гурьева-Сажеева.

АЭЛИТА

проза
В. МАШНИН
Я и моя дочь
Ю. НЕВЗОРОВ
Край света
Е. ТУМАНОВ
Ветка сирени
стихи
Е. ЕРМОЛИНА
К. ШИШОВ

Здравствуйтесь, уважаемые читатели! Здравствуйтесь дорогие авторы! Всех вас прежде всего хочется поздравить с годом наступающим. Что я и делаю: С Новым годом!

Будьте в этом году с журналом «Уральский следопыт», а уж мы – творческий коллектив редакции – постараемся радовать вас своими находками: новыми именами и прекрасными произведениями.

Во вторых строках «моего письма» поздравляю Юрия Казарина, поэта и ученого-филолога, с избранием его на пост Председателя екатеринбургского отделения Союза писателей России. Пожелаю писательскому избраннику терпения в его трудах праведных, в заботах творческих.

Теперь о последней нашей творческой командировке в уходящем году. 29 октября «Уральский следопыт» (в лице редактора «Аэлиты» Петра Родимова и фотохудожника и поэта Вадима Осипова) побывал в Челябинске в Фонде культуры на очередном заседании писательского клуба «Третья среда». Эту замечательную встречу организовала и провела Нина Ягодинцева, хозяйка среды. Было рассказано о сегодняшнем дне «Уральского следопыта» и «Аэлиты», в которой помимо фантастики теперь публикуются реалистическая проза и поэзия. «Затем читали стихи – притом так заразительно, что удержаться не смогли даже те, кто до сих пор держал в страшной тайне, что он поэт». Так писали об этом вечере челябинские Новости литературы.

Результатом редакторского призыва к сотрудничеству стал факт появления в «Следопыте» рассказов Евгения Туманова («Ветка сирени», № 12), Николая Бодрова («Велители снов», № 11), Юрия Невзорова («Край света», № 12)

и стихов Ирины Аргутиной, Екатерины Ермолиной, Кирилла Шишова.

Смею надеяться, что знакомство с творчеством Владимира Машнина («Я и моя дочь», № 12) доставит вам, уважаемые читатели, радость и истинное удовольствие. В 2004 году на страницах «Следопыта» среди многих других прекрасных авторов будут опубликованы: Нина Ягодинцева, Анатолий Афонин, Александр Кожейкин, Иван Андрощук, Михаил Придворов и другие челябинцы.

«И напоследок я скажу»:

С Новым 2004 годом!

Редактор «Аэлиты» Петр Родимов.

Виктор МАШНИН, пос. Майка Курганской обл.

*Виктор Машнин образование получал на журфаке МГУ.
Работает в Челябинске на кирпичном заводе. Живет на своей «малой родине» (50 км от города).
Тридцать лет в краеведении - с возраста «красного следопыта».
Имеет публикации в научных и краеведческих сборниках.
Однажды печатался в «Уральском следопыте».*

Я И МОЯ ДОЧЬ

Недругов у меня немного, но они настоящие.

Пришел Дед – мой отчим – бросил окурок в кабинетную печь, на ворох разорванных черновиков – дым повалил в дом.

Это так естественно! Когда от него – дым не в трубу, а в дом.

Он пришел не один. Привел трехлетнюю Лену из садика. Пока я на работе, она живет у моих стариков.

Дочь суетливо сбрасывает пальтишко, хватается ложечку, садится за йогурт, рву из старой пеленки сатиновый передничек.

«Папа, я у тебя совсем останусь? Я у тебя всегда останусь?..»

Лена проверяет меня на ответ, внимательно смотрит в мое лицо.

Я молчу. Дед укоризненно курит в форточку. Циклон гремит на дворе железом.

– Останешься, Лена.

Забытый Дед бесшумно утекает из дома.

– На дворик пойдешь, Леночка?

– Не пойду. Я дома останусь. У ТЕБЯ.

На детском личике опять паника.

... Наконец, соглашается. Но возвращается быстро. Отыскала ржавую копеечку, эпохи позднего Ельцина. Взрослые такие деньги не подбирают.

– Мы шоколадку покупать будем?

– Конечно, деньги теперь есть!

Садимся на велосипедик, по деревенской улице едем до магазина, издерживаем сотенную. За столом Лена отдельно, на табурете. В яркой упаковке фруктовый рулет. Ей еще слово отыскать надо – как называется-то.

– Я тоже бананчика хочу!..

Слово случайное, она понимает. Но маленькая победа: сказала, не тыкая ложечкой.

– Давай-ка, папа себе отвалит немножко. Папа ведь у тебя как ребенок.

– Нет, ты как папа... – важно поправляет дочь.

А потом водит пальчиком по шоколадным клеткам (сродные сестрички-школьницы научили за лето делить шоколад на всех).

– Папа, няня Света, Саша-большой, тетя Таня, папа, баба, папа...

Тихонько подсказываю, со скрипом душевным: «Дед». На

шоколадной иконке – ее святые. Она повторяет дважды, сомнительно и утвердительно:

– Дед... Дед.

Вечером, засыпая, дочь задумчиво гладит мою небритую щеку. Святого человека по имени «МАМА» она не знает.

Воспоминания

Лена перебирает в коробке игрушки. Добывает со дна свою погремушку.

– А это чейтетто?

Не может понять: зачем она здесь? Без ушей, без лапок, без колесиков. Может, папины в е ш ч и ? Синие шарики в яркой пластмассовой рамке.

Объясняю: когда Лена была ма-аленькой, вот такой, с линежкой, этими шариками играла – вот так! Вот так!

Откидываю голову, как младенец, и машу рукой. Лена что-то вспомнила. Или я отыскал природную, заложенную в нас пружинку-движение. Теперь не отпускает погремушку. Играет в себя, маленькую, девятимесячную.

Утром, едва открыв глазенки, она просит: «Папа, можно я с дядей Жуком поздороваюсь?» Долго не могу понять: что за новый житель?

Когда выходим, бежит к железной клетке и машет кролику ручкой. Потом идем в садик.

Вчера я совершил поступок, на который способен только ребенок. Всех кроликов отпустил на волю.

Они обживают «графские развалины» – уложенный в кучу на дрова старый сруб. Во дворе я всякий раз растерянно останавливаюсь: население заячьего замка при появлении хозяина привычно беспокоится. В полутемных щелях, как летучие мыши, мелькают ушастые головы.

Лена прыгает от радости. По крыше заячьего замка, кокетливо подбрасывая задом, носится перед ней теряющий ключьями летнюю шерсть, вожак – Дядя КрЁлик Жук!

В улу двора растет кем-то посаженная волчья ягода. Она очень ядовита. Кролики всеядны, прошлой зимой они запросто съели пластиковый китайский мешок. Но выдрать эту напасть мне что-то мешает.

Что с этой ягодой делал бывший хозяин? Варенье для врагов варил? Подмешивал отраву в засахаренную малину?

Я помню первых хозяев своего дома. Маленького неопрятного мужичка. Он уходил к своему комбайну с руками, еще

вчера измазанными машинным маслом.

Помню хозяйку – громадную курносую бабищу в замусоленных на работе выходных платьях. Ужасный навозный запах от этой тетки в магазине... Наверное, так пахнут потливые синие мухи.

От чего умирал мужичок? Какие кошмары ее мучили? Об этом никто никогда ничего не узнает.

Навьюченным верблюдом шагаю в темноте по октябрьской грязи. Чавкает под сапогами. В каждой лужице – по огоньку.

На шее мой маленький бедуин. На грудь свисает матерчатая сумка с бутылкой молока и игрушками.

Лена смотрит на небо. Отличает, где там лампочки горят, а где – звездочки. Навстречу бежит серый волк. Пусть бежит: ему в лес надо.

В сырой тишине Лена кричит «Пока!» ребятишкам и старухам в домах.

Ближе к дому. Уже знакомые звери – собаки, кошки. Замечаем прыгающую тень.

А на следующий вечер все повторяется. Бедуин на том же месте толкает ножками в грудь:

– КрЁлик! Дядя Жук!

Рисунок Ксении Ермаковой.

Из рассказов про Мырчиху

Мы живем с маленькой дочерью. Вечерами с ней долго разговариваем. В моей памяти открылись какие-то потаенные шлюзы. Я впервые в жизни вспоминаю то, что было со мной в ее возрасте.

Мама с зимней сессии привезла самолет.

Я проснулся случайно. Квадратную коробку распечатали. Достали холодную игрушку.

– А он летает? – спросил я.

– Летает!

Потом я уснул. И мне, наверное, что-то снилось.

Утром самолет не полетел. Сломался, наверное.

– А в магазине летал, – сказала мама. Вот так – над прилавком.

И я помнил, и помню до сих пор, как ночью под нашим низким потолком кружился железный, даже без пропеллера самолет!

Иногда меня приводили в избу к прабабке Мырчихе. Вместе с Мырчихой жила большая семья ее младшей дочери тети Клавдии.

Прабабка Мырчиха была набожным человеком. Подумала не то, вспомнила некстати, зевнула, нетаковское слово выскочило... Ее рука с тремя сжатыми перстами не уставала накладывать на грудь крестное знамение.

На божничке у прабабки стояли иконы. На тусклой доске я однажды я увидел головку Артурика из нашего детского садика.

К Мырчихе приходили старухи. Важные, в длинных юбках, цветастых платках. Они садились за самовар, пили чай из блюдечек, клали наколотый сахар, смотрели на блюдо с шаньгами и степенно разговаривали.

Одна старуха рассказывает. А пошла она в лес по ягоды. А попался навстречу нехороший мужик – Горев. Он церковь зорил, колокол стаскивал. А осенила себя крестом старуха, и обратился мужик в кабана противного, и бросился с хрюканьем в чашу непроходимую.

Разволновались старухи. Руками машут, как крыльями – ветряные мельницы. Но едва успокоились, Мырчиха заговорила:

– Моя икона на Успенье ... мух ловила!

Над столом опять появляется ветерок.

...в моем доме летает самолетик, в избе у Мырчихи Спаситель ловит мух.

Долго ли – коротко... Мамин брат, дядя Володя, привез домой – в избу Мырчихи – два чуда из чудес: жену-москвичку и телевизор.

В галифе из чертовой кожи и латаной телогрейке, пропитанный духами, пахнувший водкой дядя Володя взял ружье, пошел в сарай, раздался выстрел.

Матерый прабабкин хряк полежал немножко с окровавленной мордой и заорал на дядю голосом нехорошего мужика:

– Ты ково делаешь?!

Началась паника.

Свирепеющий дядя кинулся к патронташу. Восьмилетний

Витька выхватил из-под мышки длинный кухонный ножик, как саблю. А я и жена-москвичка, как при бандитском налете, спрятались на сундук, за спину прабабки Мырчихи.

Оказалось, что Витька из патрона навыволупывал дробин для поджига (самодельного пистолета). И досталось в ухрюпку пыжами от валенка.

... Москвичка Мырчихе не понравилась: корову доить не умеет, чугунок чистить — не нра-вится! Ее отправили обратно.

Дядя Володя после Москвы уехал покорять север.

А телевизор остался. Это был первый телевизор в нашем поселке.

На кухне меня поймали за руку. В открытой яме было шумно. Огурцы на Витькиной шабале шевелили попками и сваливались обратно в бочку. Редкой картошкой летел из ямы огуречный рассол.

Дядя Яков на низеньком табурете у печки дернул рукой как ошпаренный. И Силой Небесной навис над дырой:

— Че там у тебя?

Витька, наверно, вывихнул шею от окрика.

— Опять сорвался! — испуганный, он показал отцу мокрую ржавую шабалу с дырками в форме пятиконечной звезды и лучей.

— Ты забыл, че там висит?! — прогремел дядя Яков Боженкой.

Соленый мокрый Витька затих. Вспоминал. До-олго. Как нечитанный параграф. Вытянул губы трубочкой. Взгляд затуманился. Но голова отца не исчезала.

— А что висит? — спросил я дядю Якова свободно.

— А икона для неслухов. Только не молятся почему-то!

На голый стене суровым украшением висел изношенный офицерский ремень с железной пряжкой и заштопанным следом от немецкой пули.

Тете Клавдии было четырнадцать, когда единственный сын Мырчихи, дядя Коля, поехал на Тракторный, на вечерку. В барачном поселке дяде Коле воткнули нож в спину. Тюленью шубу с несоскобленной кровью убрали.

Теперь тете Клавдии за сорок. Тюленья шуба отыскалась. Ее забросили на полати, к стареньким полтушкам.

Однажды я просил:

— Дяденька Витенька, покажи... ну покажи мне дырку от ножа...

Но восьмилетний мой дяденька куражился:

— И смотреть не-ко-ГО, и вставать мне неохота...

Мама запаниковала:

— Не показывай. Смотри, не показывай!

Меня срочно эвакуировали с прабабкиных полатей.

В избе у Мырчихи, из разговоров я узнавал, как в свирепый голод — однажды! — слепой старик на дороге зарезал мальчика-поводыря, чтобы съесть его. Как у Мырчихи отбирали полторы избы, ее на санях увозили на кулацкие выселки... зимовала в сарае, рядом с коровой, без чая, без печки. Но сундучное имущество — и тюленью шубу, и тусклые доски икон — ей тогда сберегли татары.

Выброшенный цезарь

С мамой и маленьким братиком мы жили в пристанционном поселке. За окнами — днем и ночью — поезда.

Несущийся поезд — это кочующее землетрясение, почти природное явление. Уборка в доме начиналась с замазки осыпавшейся печи белой татарской глиной.

Мама привела домой закутанную в платки Мырчиху, потом ушла на работу.

Старуха приманила конфетой двухлетнего братца и пояском перехватила ножку, другой конец веревочки привязала к ножке кровати, аки теленка на полянке, к колышку. И легла спать.

Возмущенный братец орал так, что мама должна была утешать его на заводе. Как я тогда хотел, чтобы папа поскорее возвращался из армии!

Но папа не ехал. А привезли старухин сундук (на кровати спать не умела).

Потом появились в доме иконы...

Он приехал, когда я ходил в первый класс.

Дети предвидят события чаще, чем взрослые.

В тот осенний серенький денек меня не могли отогнать от будильника.

Взрослым сказал: жду папу! Они не ждали, а я — ждал!

Наконец, пришла обеденная электричка, и случилось чудо: на привокзальном бутре появился ОН.

Моя радость продолжалась сорок минут. Еще оживленная мама сидела за столом. Мырчиха подозрительно поглядывала на меня: все же не могла решить, кто я — ангел, или сатана!

А он молча встал... и пошел. В сени, во двор, за ворота. Чтобы послеть на обратную электричку.

Отчим женился. И приезжал в наш дом за какими-то бутмажками.

В ранце — букварь, деревянная ручка, чернильница, завернутый в газету кусок с прослойкой из засахаренной смородины. Мое долгое путешествие до школы по длинной заснеженной улице Железнодорожной.

В тот год полетели в космос Николаев и Терешкова. Взрослые засматривались в небо. Кто-то спутник уже увидел. Кто-то боялся, что спутник свалится, и не куда-нибудь, а на его дом.

Смотрел ли я на небо? Не помню. Я только помню, как останавливался и смотрел в окна проходящих пассажирских поездов. Ждал, когда мелькнет лицо отчима.

А Мырчиха все также в пояс кланялась прокопченным в черных избах иконам, разговаривала с небесами. Она неожиданно подобрела ко мне. Я для нее был значительнее, чем космонавты.

До этого дня распаханного сундука я никогда не видел. С появлением сундука в нашем доме, я узнал, что существуют нюхательный табак, не только колотый, но и пиленый сахар, индийский чай в жестяных коробочках. Коробочки, как матрешки, складываются друг в дружку и берегутся старухами как наследство.

Из раскрытого сундука пахло травами. Он был заполнен

Рисунок Ксении Ермаковой.

юбками, сарафанами, платками. Старуха выловила на дне, под бельем, узелок из платочка. Долго развязывала три узла, дала мне три грецких ореха.

Достала большой узел. Сжала коленями на полу, как ребенка... Длинная рубаха, платье, свежий платок, иконка на белой веревочке – ее смертки.

Оторвала от рубахи нитку. В дешевые тапочки положила свернутый пояс – принесла дочь Клавдия.

И вдруг – кротко, внимательно, наклонив голову – заглянула в мои детские глаза.

Иногда Мырчиха хворала. Она доставала из сундука маленькие графинчики. В графинчиках – водка, а в водке красные, желтые, или черные корешки. Мырчиха принимала водку ложечкой.

Плита шоколада в прочной гремящей фольге дарила старухе власть над маленьким братиком.

... В тот день братика долго одевали. Хлопнула и отскочила дверь в доме. Братик помчался.

Прошло чуть-чуть, на дворе что-то утробно вздохнуло. Дом задрожал. Полетела расческа с зеркала.

Мама шагнула к порогу.

Крытого навеса на подворья – не было! Он лежал на земле.

Напоенная дождями перегнойная шапка навеса сломала

столбы. Проходящий поезд дрожью по земле обрушил дедову постройку.

Братика мы не увидели. Было тихо. Очень тихо.

Зверь вползал в сознание.

Дом был нашим. А на дворе – все не наше.

Я стоял рядом с мамой.

Я чувствовал, что мама про меня не помнит.

А потом звякнула щеколда. В воротах стоял живой наш маленький Санька!

Мы жили в доме умершего деда. Маме – внучке старухи – было едва за двадцать. Мырчиха без Кузьмы подняла пять девок, но ей было восемьдесят шесть.

В немагазинных платках до пят, в глухом платке, старуха могла брать без тряпки сковородки с плиты, без vareжки драгла у ворот молодую крапиву.

Во дворе, кроме навеса, была старая банька. Ее никогда не топили. Двери баньки заложили поленницей.

Куры расклевали в ветхом срубе дупло и залезали в баньку. Яйца в гнездах исчезли.

В то утро я увидел Мырчиху у дупла на коленях. Куры ступали по подолу, ногам, пытались проскочить в дупло, как поселковые тетки в сельпо за свежими пряниками. Она отодвигала их за зобы и продолжала крошить рукой стгнившую древесину.

Наконец, перевернулась с колен, села и застучала палкой по срубе. Я вышел. Мырчиха показала на дыру: «Лезь, батюшко, за яйчками».

Моя умершая бабушка Елена Никитична учила с прогулки возвращаться в чистой рубашке... Но я полез, стараясь не попадать коленками в куриные лепешки.

Яиц в бане было множество. Я находил их в раскрытой печи, в прохуdivшемся тазу, под лавкой. Под моей тяжестью вставляли трухлявые половицы, яйца проваливались, светились сквозь щели – в темноте – как белые фонарики.

Банька была куриной республикой. На свободе птица соорила яйцами, где приспело, забывая о гнезде, о цыплятах.

Дупло мы заткнули пеньком. Куры вернулись в гнезда. Я о бане больше никогда не вспоминал.

Давно нет домика, в котором просыпался пульс от каждого проходящего поезда. Сохранились только воротца, сколоченные в войну вернувшимся хромым из госпиталя дедом. Дед не пожалел кедровой плахи на них.

Воротца широки для входящего человека, они делались под запряженную в арбу корову или быка.

На нашем месте, в новом доме живет дядя Володя по прозвищу Мырчиха.

Однажды я копал траншею под сарай, звякнула лопата.

Я поднял предмет, который хорошо помнил. Глиняный шоколадного цвета пузырек емкостью на чекушку.

На донышке клеймо – слова без пробелов и со старинными «ятями»:

«РИЖСКИЙБАЛЬЗАМНАСТОЯЩИЙЮЛИЙЦЕЗАРЬ».

Из хозяйства Мырчихи. Выброшенный цезарь.

Кирилл ШИШОВ, г. Челябинск

Баллада

о сумасшедшей матери-России

Не покидают мать, когда больна,
 Пусть даже сумасшедшая она,
 Хотя она торгует лишь собой,
 Схвати её и уведи домой;
 Печь растопи и тесто замеси –
 Корми, но ни о чём не расспроси.
 Пусть убежит без разума опять –
 О подаяньи станет умолять –
 Иди, подай, и поцелуй её,
 И снова уведи в свое жильё.
 И ночь и день ухаживай за ней –
 И пусть пройдет еще немало дней –
 Любовь и нежность, верность и тепло,
 Пусть станут для тебя, как ремесло.
 Уйдет жена и дети за рубеж –
 А ты вари ей кашу и кулеш,
 Стирай и мой, бери работу в дом,
 Не укоряя Господа притом,
 Прощая буйство матери и зло,
 Когда она крушит весь дом на слом...
 Пройдут года... Кто знает, сколько лет.
 Твоим трудам последует ответ,
 Жива ли будет, в разум ли придёт,
 Иль, может быть, в безумии умрёт,
 Но даже на могилке ты один
 Останешься ей верный старый сын.
 Пусть будет ни души вокруг, везде –
 Она к тебе придёт в твоей беде,
 Как в раннем детстве, хлеб тебе подаст,
 И слезы оботрёт с усталых глаз...
 Тогда-то будет сладок тебе сон,
 И ты услышишь неба перезвон...
 Вот так, земляк, и нет иного нам,
 Чем быть до смерти верным матерям...

Сонет о внуках...

Какие прекрасные дети
 Растут у наших детей,
 Сулящие радость планете
 В крепчающей стати своей...

Так пахнет рассветный шалфей
 В уже наступающем лете,

И в этой чудесной примете –
 Надежда всей жизни моей...

Любовь, сохранение брака
 И верность растят сыновей...
 Божественность этого знака
 Превыше премудрых затей.

Добро сохраняется в мире,
 Когда оно дома. В квартире.

* * *

Я не знаю, как переплелось:
 Муки предков, вздыбленных на дыбе,
 Материнских седина волос
 И отцов довременная гибель...

Их наивность, труд и доброта,
 Их порыв и чушь – сентиментальность,
 Нашей глухоты слепота –
 В мифы перелитая реальность,

Но в сплетеньи генов и любви
 И в непротивленьи злу насилия
 Дети свои силы обрели
 И своих детей уже взрастили.

В череде событий ясно зрим
 Мне один закон: добро извечно,
 Если мы с достоинством творим
 Путь наследья под Покровом Млечным...

Молитва Господу

Господи, дал ты мне крепкое тело,
 Служит которое множество лет,
 Родину дал мне и трудное дело –
 Ей покоряться, неся свой обет...

Господи, тело Отчизны больное:
 Сколько болезней разъели его,
 Ты поменяй её тело со мною –
 Тело Отчизны превыше всего...

Тело моё не отравлено скверной,
 Я потрудился над ним, не греша.

Родина бьётся в проказе, наверно,
Лишь потому, что больна в ней душа...

Ты ей прости за соблазны и зависть,
Девушке юной подобна она,
Не отличает, где шут, где мерзавец –
Вот от того безнадежно больна.

Красится, дурно хохочет, наркотик
В синюю жилу вонзая себе,
После – страдает в вонючей блевоте,
Всех укоряя в несчастной судьбе...

Господи! Где ей узнать мирозданье!..
Ей всё равно, что Христос, что колдун,
Если родители в детском сознание
Не пробудили к опасностям ум...

Сколько сидела она по подвалам,
Сколько дурманов постигли её,
Коль до сих пор в соблазнении шалом
Ищет она в миражах забытьё...

Я – не монах, не солдат, не провидец,
От слепоты пробуждался я сам,
Стольких несчастий её очевидец,
Сам я бродил по дремучим лесам,

Но, искушений отвергнув двуличья,
Маски срывая, я дух сохранил,
Серого волка, что красно-коричнев,
В сказку и небыль я отпустил.

Тысячи обликов прошлой России
В страстных признаниях учили меня
Быть терпеливым, подобно Мессии,
Видеть грядущее в тайне огня...

Я не ходил по дымящимся углям,
Я автомата в руках не держал,
Слово моё – не набат и не пуля,
Даже не древний кавказский кинжал.

И потому – обменяй моё тело:
В нём – лишь здоровый скептический дух,
Старая хватка доделывать дело –
Внуков растить, юных мальчиков двух.

Родина – мать или мачеха в пьяни –
Станет пусть зрелым мужчиной – отцом. Господи!
Сколько ж валяться ей в дряни
С каждым наглеющим подлецом...

Боже! Взываю! Сверши это чудо!..
Только напрасно: глухи небеса!
С каждой осины мне смотрит Иуда,
Смерть оценивает мои телеса:

Ты, мол, и так догниёшь без остатка
В глине ли, супеси, в мокром песке,
А для Неё – лишь икона, лампадка
Да покаянье под старость в тоске...

У Провидения чётки реестры:
В ходе народов, как дурочка, ты
То маршируешь на фронт под оркестры,
То с соблазнителем лезешь в кусты...

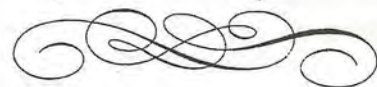
Не переделаешь девочки этой –
Вечно изменчивой, вечно молодой..
Я ей не нужен в надменном совете –
Старый Сократ и язычник седой...

* * *

Гранит – и виноградная лоза...
Листы аканта, древнего, как греки,
И праведников мудрых образа,
С которыми сроднились мы навеки,

Резной узор наличников и крыш,
И дымников красивая оправа,
И во дворе играющий малыш,
И красок, остро пахнущих, отрава...

Вот мой уклад на фоне нищеты
И разоренья нынешней деревни,
А сосны неизменной красоты
Уводят в лес, таинственный и древний...

Юрий НЕВЗОРОВ, г. Кыштым

Юрий Николаевич Невзоров родился в 1973 году в г. Кыштыме Челябинской области. Автор одного поэтического сборника и книги прозы. Лауреат 2001 и 2002 годов областного литературного конкурса, лауреат 2003 года 3 конкурса им. Константина Нефедьева. Публиковался в журнале «Уральская новь».

Край света

1

– Я прочитал. Я прочитал! – с этими, а не какими другими, как могут утверждать в селе, словами ворвался к нам Мигай. Он размахивал худенькими лапками, да так, что опрокинул трехлитровую банку с молоком; он вращал черными бусинками глаз и вид имел человека, узнавшего, что он вчера умер. – Я только что выловил в реке обрывок немецкого глянцевого журнала, а там написано, что мы стоим на китах.

– Каких таких китах? – не понял Колян, наш председатель и по совместительству муж местной красотки Лукерьи. – Чего ты там молотишь без передышки? Садись, отдышись и говори нормально. Мы отставили (на небольшое расстояние, сантиметров так на семь – восемь) стаканы, полные самогоном, и уперли еще пока тверезые взгляды в Митяя. А тот несколько раз взмахнул лапками, плюхнулся на скамейку и, вновь вскочив на ноги, закричал:

– Земля, братцы, оказывается, плоская. Как блин,

– Какой еще блин? – осведомился Колян (к слову сказать, кому Колян, а кому и Николай Павлович). Бывает, что наш председатель вообще туго въезжает в разговоры на посторонние темы. На данный момент все темы, помимо спиртосодержащих и рыбацких, являлись для него посторонними. Поэтому наш председатель строго глянул на Митяя и, возможно, подумал: «А не дать ли тому в глаз и продолжить пить?»

– Ну, Лукерья твоя блины на масленицу жарит. Такие круглые.

– Ты только что говорил, плоские.

Глаза нашего председателя сдвинулись ближе к переносице. Мне показалось, что мысли о митяевом глазе все больше и больше его занимают.

– При чем здесь масленица? – добавил он, видимо решив, повременить с избивением нашего доморожденного гения.

– Да не при чем, в сущности. Я просто хотел, чтобы вы поняли.

– Налейте ему стаканчик.

Ванька, брат Коляна, налил гостю самогонки, тот, давясь и фыркая, осушил стакан и нетвердым голосом принялся объяснять:

– Мы с вами, братцы, всю сознательную жизнь считали, что Земля круглая. Даже в школе Марьпетровна рассказывала про Джордано Бруно, про «е равно эм це квадрат», про полеты в космос. И Петька Силин байки травил о том, что якобы в Америку ездил. Вот и верили мы, что земля – шар, ну, не шар, – эллипс. А тут в журнале такое пишут, пишут, что

у нас в стране железный занавес, и мы всей правды не знаем, ничегошеньки не видим. А там... Ему налили еще, и мы выпили вместе с ним.

– Все, что вы знаете про Землю – враки, враки, придуманные нашим правительством. Земля – плоская и стоит на трех китах: один синий и два зеленых.

– Не бывает зеленых китов, – вдруг ни с того, ни с сего возразил сидевший возле самого окна Петька Смирнов. Он в возбуждении не только не выпил вместе со всеми и отодвинул от себя стакан (более чем на пять сантиметров. Это надо ж до такой степени разволноваться, чтобы совершить подобное), но и отдернул вторую руку от баяна, который хотел немного потерзать после возлияний. – Врешь ты, Митяй, не бывает зеленых китов.

– А ты видел, что не бывает? Ты вообще китов видел?

– По телеку.

– По телеку, – передразнил Митяй. – Телеки и газеты ваши делают из человек зомби.

– Что еще за зомби такие? – в очередной раз не понял Колян. Он, вроде бы, слышал слово, произнесенное Митяем, но вот только не помнил: в разговорах про вырубку леса японскими суперсовременными механизмами или про бермудский треугольник.

– Это мертвецы такие, – объяснил Митяй, – которые ни черта не понимают. Только жрут и работают, работают и жрут. Вот таких мертвецов делает из нас телевизор, рассказывая, что Земля – круглая, а на самом деле она, как блин. И еще, что киты синие, а они бывают зелеными. И про детей говорят... а они на самом деле в капусте...

– Эгей, полегче о детях, – возмутился Петька Смирнов. Поморщив лоб, он вдруг изрек. – Дети из бабы вылазят. Я сам видел.

В селе он был единственным, кто присутствовал при родах. Два года назад он повез жену в город, потому что наша единственная акушерка баба Сима последний раз принимала роды лет эдак тридцать назад. В том году ей стукнуло ни много, ни мало девяносто восемь.

– Она же слепая, как мышь подвальная, – плакался нам Петька, запрягая лошадь. – Она же не отличит ребенка от огурца. Как мы с Маришкой можем ей довериться?..

В городе они со своей телегой, запряженной клячей, которой даже до известного всем Росинанта было, как до Китая ползком, дважды попали под автобус «ПАЗ», но не сильно;

один раз свалились в яму (два на семь метров), но ненадолго; а потом мчались по мостовой, словно ветер... до первого перекрестка. Но все закончилось хорошо: родилась девочка весом два триста с голубыми глазками и крохотными ручонками, которыми она через неделю ухватила папку за нос. Вот радости было! Поэтому Петька имел право возразить:

– Я сам видел.

– Он сам видел, – передразнил Митяй, за что в очередной раз чуть было не был бит ногами. – Все, что ты якобы видел, фикция. Врачи ведь государственные служащие, так?

– Они не служащие.

– А кто? Рабочие?

– Нет, не рабочие... они.

Начался спор, посредством которого мы хотели выяснить, какой у врачей статус, но Митяй, видя, что тема разговора вошла в другое, не нужное ему, русло, с жаром перебил нас:

– Важно не то. Важно другое. Врачи наострились подменять детей. Вот глядишь ты: никого там нет, чихнул или отвернулся – он уже тут как тут, глазенками помаргивает да на тебя смотрит. Каждый из докторов настоящий Гудини своего дела.

– Дурак ты, Митяй,

– Давайте еще выпьем, – предложил Колян, и мы не смогли отказаться.

Митяй был странным парнем, если не сказать больше. Однако его безумные идеи не раз завораживали и увлекали односельчан, заставляли их совершать необдуманные поступки. А то, что практически все идеи были по-настоящему безумными и, как следствие того, пустыми, это откладывало отпечаток (кулаков) на лице и (подошв ботинок) на спине Митяя.

Вот, к примеру, в позапрошлом году он изобрел машину времени. «Ха, – скажете вы, – невозможно создать машину времени». И я так же скажу, а Митяй нам с вами возразит. «Можно, – возразит он с самым что ни на есть умным видом, – можно ее проклятую построить». И создаст из обрывков кабелей, выброшенных на свалку ламповых телевизоров и старых погнутых пластиковых бутылок нечто подрагивающее, повизгивающее и помаргивающее многочисленными лампочками. Две недели он шастал по всему селу и хвастался насчет своего изобретения. Девки, прям, все заборы кипятком забрызгали. Ишь, в селе своя машина времени появилась – можно теперь на пару лет назад слетать и Ваньке Рябому морду начистить, за то, что сбежит потом с городской секретаршей... в будущем году. Наши девки, ух, как подкованы в вопросах временных парадоксов, не по разу смотрели «Назад в будущее» у деда Павла на стареньком видеке, который тому сын привез, чтобы не выбрасывать на свалку.

А Митяй тем временем решил устроить пробный запуск своего агрегата. Взял взаймы у бабы Маши козу (кстати, обещался вернуть не позднее вечера), привел бедное животное к «М.В.», засунул ее в какую-то полую бочку и сделал так, что коза исчезла. Все село ахнуло, скорее для того, чтобы приободрить изобретателя. А чего, мы, как козы пропадают, не видели что ли? Пару лет назад у старухи Изергиль (по паспорту: Анна Ивановна Павлова, а в душе: сухая Изергиль)

одна за другой исчезло восемь коз. Старуха грешила на соседа, да, как говорится, не пойман – не вор.

– Я отправил ее ровно на одну минуту в будущее, – Митяй во время запуска сиял, как лампочка Ильича, люди даже глаза прикрывали – так свет бил. А он, мне казалось, уже представлял себя в Швеции. Вот стоит Митяй в Стокгольме-городе, в том самом зале, где премии раздают, с иголкой одетый: пиджак, галстук красивый и кроссовки на босу ногу, – а Шведские мэны, одетые чуть похуже нашего, хлопают ему (уже все ладони отбили), а самый главный мэн, с величайшим уважением, написанным во взгляде, вручает ему Нобелевскую премию. Вместе с чеком на кругленькую сумму. И так ясно читалось это в его взгляде, что плакать от умиления хотелось.

Прошла минута, потом еще одна, подошел к концу час, а к вечеру Митяю по просьбе бабы Маши выбили два зуба. Машину времени, естественно, переоборудовали, и из нее получился прекрасный самогонный аппарат. А вот коза так и не нашлась. Митяй потом сокрушался, говорил, мол, ошибочка вышла, и коза отправилась не на минуту, а на год вперед. Или на два.

После этого наш местный Эйнштейн и Кулибин в одном лице не раз еще повергал общественность в шок: то он умудрился побороть гравитацию (как будто на руках, в случае Митяя, на лапках, боролись) и способен сделать любого человека, даже Савелия Михальча (к сведению, С.М. Подгорный весит около ста восьмидесяти кило), легче перышка; то он научился скрещивать морковь обыкновенную с яблоней. Принадородно божился, что в недалеком будущем морковь станет расти на деревьях.

– Представьте только, – вращал он зрачками при большом скоплении народа, – не надо выкапывать, не надо от земли отбивать, даже мыть не надо.

– Не надо! – верещала в ответ баба Маша, памятуя случай с козой, за которую Митяй до сих пор не рассчитался. – Не надо нам моркови высоко в небе! Как я стану доставать ее, родимую? Я же, в конце-то концов, не девочка.

– Мы сделаем вам ходули, мамаша, будете на ходулях ходить, – выдумке и остроумию Митяя не было границ. – Да мы...

Но местный самородок был прерван на полуслове:

– Какая я тебе мамаша? Да будь я твоей матерью, я бы не рожала тебя, я бы тебя своими руками задушила, а потом сказала, что в пуповине запутался.

– Злостью вы, мамаша, так и пышите, – сторонясь угрюмого вида старухи, замечал Митяй и тут же добавлял. – Но я прощаю вам все уколы.

А потом он расписывал перед односельчанами плюсы его сельскохозяйственной революции. Яблоки, в размерах не уступающие арбузам, горох, сам собой осыпавшийся в специально заготовленные лунки, виктория...

Короче говоря, наш местный Кулибин после неудачной попытки вывести на огороде того самого ставосьмидесяти килограммового Савелия Михайловича новый сорт конопли размером с трехэтажный дом, был бит палками и месяц на улицу носа не показывал. А тем временем в его голове зрели другие, не менее вредные для села и человечества, планы.

2

Однажды, прошло, наверное, с неделю после нашей попойки, на которую, как буря в пустыне, ворвался Митяй, приходит этот гений ко мне, приходит, естественно, не с пустыми руками (полтора литра бражки, батон хлеба и баночка маринованных огурцов).

– Сань, а Сань!

– Ну! – довольно грубо поприветствовал я Митяя.

– Сань, ты же не считаешь меня неудачником?

– Честно? Считаю. И все село считает.

– Но мои идеи...

– Всякий раз проваливались. Взять хотя бы вечный двигатель.

– Он работал целых восемь дней, а, признай, что для вечного двигателя, созданного в глубинке, восемь дней – это определенный рекорд. Но мой новый проект... – я подозрительно покосился и успел заметить огонек, блеснувший в его глазах. Поняв, что огонь замечен, Митяй, дабы притупить мою бдительность, опустил веки (прямо, Вий, и не иначе). – Санька, с краем мира я прав на все сто... или на сто двадцать процентов. Правительство делает из нас, из своего народа, послушных марионеток. А как оно это делает?

Я пожал плечами. Я сегодня навкалывался в поле и теперь хотел пойти к Польке. Кстати, она знала, что я приду и готовила что-то там вкусненькое. А поскольку в желудке у меня начинало урчать, я думал, как бы более демократично выкинуть надоедливую Митяя вместе с его выпивкой на улицу...

– С помощью тэ вз, газет, как центральных, так и провинциальных, еще надо принять в расчет журналы и книги. Как ты не понимаешь, – Митяй аж, затрясся весь, видя, что мне, честно говоря, по барабану все его теории, – они же кормят нас сказками. Мол, инопланетян нет.

– Слышь, Митяй, а может, ты сам один из них? С Венеры, допустим.

– Не смешно. Вот, сказали тебе, что земля круглая, а ты и уши развесил.

– Но она – круглая. Это еще Джордано Бруно говорил. За что и полатился.

– И несмотря ни на что она – плоская!

– Дурь это твоя. А если даже и так, то, помимо китов под землей должен еще быть слон... – показал я свои познания в мифологии, одновременно припоминая нашу недавнюю беседу.

– Слона не видел!

И тут Митяй поведал мне о том, как в прошлом году ходил за грибами. Ну, вы должны знать, как это делают настоящие грибники: берут ножик, полиэтиленовый пакет, надевают сапоги, плащ и заходят в лес. Митяй, почему-то взял с собой вилку и лукошко, надел майку и шлепанцы (хотя, я не удивлен, странно, почему он вообще не пошел за грибами голым да с березовым венником под мышкой?). В лесу Митяй, понятное дело, заблудился, потерял вилку, был нещадно искусан комарами да мухами. Так он проплутал три дня, а потом его нашли геологи. Я помнил тот случай. Митяя привезли в коляске мотоцикла в шоковом состоянии. На его голове

красовалось потрепанное лукошко, а сам он твердил что-то о крае земли, но тогда мы его речам внимания не придали. А теперь он рассказывал мне, что во время хождений по лесу совершенно случайно набрел на край.

– Какой еще край? – спросил я, стараясь не показывать свое удивление.

– Земля там обрывается, пропасть страшная, а под ней – океан без конца и края. Только волны кривыми линиями идут от горизонта к горизонту. И хвосты китовые: один синий и два зеленых.

И до того красиво все шельмец описал, что я даже сумел представить картинку целиком: и бескрайний океан голубого цвета, и три кита, от которых видно только хвосты, время от времени бьющие по воде, и солнечная блямба, поднимающаяся из-за горизонта, и коричнево-зеленый блин земли – нет, один лишь край этого блина.

Попытавшись отогнать от себя митяевские наваждения, я выглянул в окно, однако и там видел призрачный океан. И солнце, оно поднималось над верхушками деревьев.

Я уже начал погружаться в приятную негу... только успел спросить:

– А какой тебе толк от этого края?

– Так это не мне, не для себя же я! – забормотал Митяй. – Это подарок всем влюбленным. Помнишь ведь:

«Пойду с любимым на край света»... Пусть идут, пусть видят этот самый край. Эту красоту.

Но мужики в селе еще долгое время сомневались, открыто называя Митяя дебилом, а меня (из опаски) «немного поддавшимся» или «чуть-чуть поверившим». Мы же с Митяем пытались доказать всем и каждому, что край с его океаном и китами, и восходом – не вымысел. И он необходим всем нам.

– Его должен увидеть каждый, – верещал Митяй.

– Каждый влюбленный, – добавлял я, бросая счастливые взгляды на Польку, стоявшую в очереди за мылом.

Кстати, Полина отнеслась к нашей с Митяем (не подумайте, что я решил подмазаться к его славе, просто без меня его давно бы наши ребята приговорили к смертной казни через «клизму») идее с пониманием. Она даже спрашивать не стала, а кому он нужен, этот край, просто обняла меня и проступала:

– Наверное, край света действительно необходим людям, Сашенька, и мне будет очень приятно, если найдешь его именно ты. Для меня и для других влюбленных.

– Ради тебя, ласточка моя любимая, я не только найду его, но и за шкуру приволоку к твоим ногам.

– К ногам не надо, милый. Если он действительно существует, ты отведишь меня к нему. Потом, когда вы вернетесь из экспедиции.

С месяц, наверное, мы готовились к экспедиции. Всего по предварительным подсчетам в ней должны были принять участие не более восьми человек. Но желающих увидеть очередное фиаско местного гения было намного больше. Мужики приходили записываться в экспедицию и спрашивали, можно ли им взять с собой ножичек, чтобы после казни вырезать на теле Митяя свои инициалы. Я, естественно, пресекал подобные настроения, мне не устроило заодно с Митяем оказаться растерзанным толпой. В окончательном вариан-

те количество участников было увеличено до пятнадцати человек, пятеро из которых (в том числе и Колян) основательно готовились к расправе, они предвкушали, как начнут пинать Митяя ногами, молотить руками и всем, что под эти руки попадется.

Как-то за неделю до выступления я конфиденциально сообщил о своих подозрениях гению, на что тот невозмутимо сказал:

– Все мы когда-нибудь умрем.

– Но не таким способом, не в лесу, не от кулаков односельчан.

– Всех когда-нибудь не понимают, не принимают.

– Ты, прям, Бруно, Джордано Бруно. Только более сумасшедший.

– Нет, я пытаюсь доказать обратное. Хотя, это не важно.

Накануне выступления мы с Митяем у меня в доме обсуждали план предстоящей экспедиции. Я боялся, что он неправильно начертит на карте наш путь и заведет мужиков в дедри.

– Все нормально, – заверил он меня, раскрывая карту.

Карта была порванная, облитая чаем и вином, некоторые названия совсем стерлись. Практически от центра, где махонькой точечкой Митяй обозначил родное село, тянулась кривая линия, должная показать весь маршрут нашего движения,

– Мы пойдем на запад, потом немного севернее, – объяснял Митяй, – а вот у этого дерева (высоченная сосна) свернем на восток, здесь будет поворот, разворот, топтание на месте, перекур, потом направо, еще раз направо...

– А почему нам не пойти по прямой? Так было бы быстрее.

– Потому что в тот раз я не шел по прямой. «Прямую» я не найду, – вдруг признался он, а я увидел страх, написанный в митяевских глазах.

– Не бойсь, – попытался я успокоить приятеля.

– Если бы смог, то не боялся бы. Страшно. Страшнее, чем с машиной времени.

3

Итак, после сбора урожая пятнадцать мужиков написали заявление на отпуск (Колян не привередничал, поскольку сам шел с нами, он только оставил за себя своего зама) и двинулись в путь на поиски края света. Мы вошли в лес под углом в сорок два градуса («Именно так я входил в прошлый раз», – убеждал нас Митяй, но мужики по большей части усмехались), прошли километров сорок и сделали привал. Разложили рюкзаки, соорудили костер и сварили супец с тушенкой. Вскоре все ели из общего котла и хвалили Митяя за то, что вытащил нас всех в лес, мол, хороший воздух, прогулка и добрые товарищи рядом, что может быть лучше? Но я-то чувствовал фальшь в их голосах. Колян тот вообще все время прятал в рюкзаке нечто необычайно длинное, похожее по форме на кавалеристскую саблю, прятал и улыбался, сходя за лучшего друга.

В тот день мы прошли еще километров тридцать, после чего нашли удобную поляну, на которой решили остановиться на ночлег. Развели костер и до полуночи травили охотничьи байки. Хоть никто из мужиков охотником не был (только

Петька Силин раз ходил на лису, да и то прострелил себе ногу, потерял ружье и вообще зарекся больше охотиться), каждый знал не меньше десятка историй, реальных и нет, про охоту. Вскоре Колян вытащил из потрепанного рюкзака завернутую в полотенце бутылку (первую, но не последнюю из наших общих запасов) с первачом, и разговор постепенно перетек в обычную пьянку.

Проснувшись на следующее утро, мы обнаружили, что пропала вся провизия и карта. Как позднее выяснилось, провизию слопал Никитка Узконос, слопал, не подумав о товарищах, не подавившись, в конце концов. Кое-кто из мужиков предложил прирезать Узконоса, мяса, мол, хватит на всю дорогу. Узконос каялся, потом закатывал рукава, показывая, как у него худенькие ручки – в них и мяса-то нет, одни косточки, так, поглотать немножко.

А вот, карту найти так и не смогли. Поговаривали, что Митяй сам ее спрятал в дупле старого дерева, дабы завести мужиков в непроходимые дедри.

– Сусанин, – так и называли они его, – куда ты нас ведешь, падла?

– К самому краю света, – осторожно отвечал он, не на шутку встревожившись. Он нутром чуял, ляпни сейчас что-нибудь этакое, и можно загреметь костями по лесной тропинке.

– И как мы теперь найдем край твой?

– Я помню дорогу.

Ну-ну...

Вы читали в детстве сказки Толкиена? Я однажды прочел его трилогию о братстве кольца, но мне, честно говоря, не очень понравилось. Зато теперь в этом лесу, шагая след в след за Мигаем и затылком чувствуя тяжелое дыхание тринадцати мужиков, я ощущал себя маленьким хоббитом Фродо.

«Попал в самое настоящее фэнтези, – думал я на привалах. – Кой черт дернул меня тащиться с Митяем? Все равно ни хрена мы не найдем в этом лесу, потому что не существует никакого края света, ну нет такого места с китовыми хвостами, с океаном от горизонта до горизонта. В конечном итоге наша экспедиция упрется в горную гряду или вонючее болото, а Митяй заявит, что сбился с дорога. Благо еще, если ему дадут возможность вернуться домой. А если обессилевшие и голодные мужики решат заняться каннибализмом. Тогда мне самому придется рвать когти и рвать их до самого дома..., если найду обратную дорогу, в чем после всех этих митяевских «туда-сюда, плюс направо через левое плечо» я начал сомневаться.

Митяй же стал совершенно спокойным. Как-то ночью я подполз к нему и, высказав опасения, предложил бежать.

– Куда? – Митяй сделал глаза круглыми.

– От них, – довольно туманно сообщил я свою мысль. – Ты хочешь жить?

– Как любой другой.

– Ты псих, Митяй.

– Может быть, – не то согласился, не то просто решил потакать мне сельский гений. – Хотя, я не более сумасшедший, чем любой другой.

– Они убьют тебя. И меня заодно.

– Успокойся, Саня. Осталось совсем немного. Завтра мы

выйдем к краю. И ты его увидишь, и все увидят. Только верь мне.

— Митяй, никто ничего не увидит, потому что нет никакого края, он — лишь в твоих фантазиях. Он посмотрел на меня, как на сумасшедшего. Его взгляд словно бы говорил: «Как это нет края Земли? Саня, все ли с тобой ладно? Край существует, он реальнее и тебя, и меня, и всего нашего мира». Так говорил его взгляд, а горло произнесло следующее:

— Зачем тогда мужики пошли за мной? — он даже закашлялся от возмущения. — Почему они не послали меня куда подальше и не остались дома, рядом с юбками жен, с горшками детей? Они же поверили в меня, и я их не подведу.

— Митяй, ты маленький? Они же только и ждут, чтобы расправиться с тобой.

Художник Татьяна Кулешова.

— Такого не может быть! Это было бы слишком глупо.

Так я и не смог убедить гения в том, что он не прав. Осталось поползти по земле в поисках Коляна. Нашел я предсателя на краю поляны. Он, задрал голову, рассматривал звезды.

— Ты только глянь, Санька, сколь их там! — вместо приветствия сказал он. — Висят и смотрят вниз. Парадокс, а?! Мы их разглядываем, а они — нас.

— Я от кого-то это уже слышал... — неуверенно начал я.

— Кого-то из наших?

Не, из приезжих. Или в журнале каком читал.

— А хотел-то чего?

— Поговорить, Колян. Ты ведь меня хорошо знаешь, с самого, можно сказать, рождения.

— Еще скажи, что я акушером был при твоих родах.

— Колян, поверь, он заколдовал меня, он это умеет. И вас всех заколдовал. Он этот самый, как его там... гипнотизер долбаный.

— Я знаю.

— Знаешь... Правда, знаешь? А то, что никакого края света нет, тоже знаешь?

— Конечно. И все наши это знают.

— Какого хрена тогда вы тащитесь за этим обалдусом и молчите? Он ведь уже завел нас черт знает куда — без компаса не выбраться.

— Никуда он нас не завел, нет у него сусанинской жилки. Я тут день назад деревцо сломанное заметил, так мы через него уже четвертый раз проходим. Ты сам-то не видишь, Санька, мы же кружим около села.

— Это шутка такая?

— Нет, приятель, это жизнь такая, страшная и противная. Мы с мужиками так решили: Митяй в село не вернется. Несчастный случай или еще чего-нибудь. На грузе подорвался, лопухами объелся, в паутине запутался. Не нужен селу такой гений, не нужен, и все тут.

Если быть до конца откровенным, я заранее чувствовал, в какое русло вольется разговор с председателем, но его слова все равно ошарашили меня. А если добавить, что он произнес их совершенно спокойным тоном...

— А почему вы не ... — я замылся, не в силах произнести то слово, которое подразумевалось. — Почему не сразу, не вчера, не позавчера, зачем ждать столько времени, идти, дышать ему в спину и изображать приятельские отношения?

— Пускай напоследок почувствует себя героем, спасителем села, человечества всего. Будем считать это его последней

волей. Ха, как перед смертной казнью.

Ошеломленный, я начал движение к костру, понимая, что заснуть в эту ночь не смогу. Вслед мне донеслись слова председателя:

– Санька, ради твоей безопасности: как только почувешь, что неладное, жмись ко мне – я тебя в обиду не дам. По старой дружбе.

Следующее утро началось с криков Митяя. Он расталкивал народ, заявляя, что сегодня мы дотопаем до самого края.

– Осталось совсем немного, – кричал он, носясь между просыпающимися мужиками. – Я уже чувствую ЕГО.

Нехотя мужики вставали, потягивались, разминали застывшие тела, на чем свет стоит костеря как Митяя, так и «его приспешника», а я затылком чувствовал полные ненависти взгляды, бросаемые в мою сторону.

Спустя час, во время которого мы позавтракали ягодами и листьями щавеля, которые нашли тут же на поляне («Мы что, коровы или козы, жрать эти листья?!» – «Листья намного полезнее мяса...» – «Вот сам и жри их!» – «А я и ем. У, как вкусно!»), вереница недоспавших мужиков выстроилась вдоль траектории движения солнца. Шли мы с небольшими остановками весь день. Я напоминал себе того самого зомби, о котором недавно рассказывал Митяй: я уткнулся ему в затылок, я буравил его взглядом, я хотел, чтобы он узнал, как я его предал. И в то же самое время я боялся того, что правда может всплыть.

К концу дня Митяй стал нервным, он все чаще припадал к земле, нюхал траву и прислушивался к лесным звукам. Наконец, он вывел нас на небольшую поляну, со всех сторон окруженную малинником и заявил:

– ЭТО здесь!

Он упал на колени и пополз к малиннику, с головой забрался в кусты и, матерясь, исчез из вида. Спустя минуты три, в течение которых до нас доносились лишь его стоны и проклятия, он появился на поляне, недоуменный и растерянный.

– Ты точно помнишь поляну? – поинтересовались у него.

– У меня феноменальная память.

И он начал буравить кусты с другой стороны. Так прошло полчаса. Митяй обследовал кусты: он заползал внутрь, рычал оттуда минут пять, после чего выползал к нам. Разводил руками и прикладывал ухо к земле, словно хотел услышать шум океана. Но, вероятно, кроме стрекота кузнечиков, ничего не слышал и потому как-то виновато улыбался. Мы стояли, уперев руки в бока, и ждали, когда он закончит издеваться. Наконец, он поднялся на ноги и пожал плечами:

– Я действительно мог ошибиться поляной. Или проход к краю света закрылся. Или его не было вовсе. Я ничего не понимаю, ребята.

– Его не было, – как эхо, отозвались мы, начиная медленно приближаться к Митяю.

– Надо будет еще немножко поискать вон в тех кустах. Или?..

– Или, – это был приговор.

Сказали так и повалили гения на траву. Когда одни устали пинать Митяя, они отходили в сторону, освобождая места для других. Каждому хотелось приложить отпечаток своего ботинка к телу гениального человека. Я старался не хуже

остальных, искоса замечая дружественные взгляды мужиков: я снова был в команде.

Колян тем временем отошел отлить. Ему надоело смотреть на то, как мы мутузим Митяя. Краем глаза я видел его фигуру, скрывающуюся в зарослях малины, краем уха слышал журчание струи в кустах. И вдруг все затихло, затихло, чтобы взорваться криком, примерно таким:

– О-о-о-у-у-а-а-б!

Мужики бросили Митяя и побежали смотреть, что же так поразило председателя, а я получил возможность упасть на траву и положить разбитую в щепки голову гения себе на колени.

– Прости, Митяй, я – Иуда, – мне оставалось плакать, и я действительно плакал.

– Все нормально, – Митяй попытался улыбнуться изуродованными губами. – Ты здесь ни при чем, это жизнь такая, поганая.

– Мы же просто-напросто боимся тебя, мы всегда боялись и будем бояться всех, кто думает не так, как все остальные, смотрит на мир под другим углом, слышит то, что не дано остальным. Ты даже представить себе не можешь этот страх.

– Нормально, Санька, страх пройдет. Страх всегда проходит.

– А что останется?

И я понял, что, когда страх исчезнет, подобно несчастной козе бабы Маши, в моей душе резко с хлопком образуется пустота, пустота, которую ничем нельзя будет заполнить, пустота, с которой жить и жить миллионы лет... или не жить.

Мужики вопили, как сумасшедшие, а Митяй тянул голову, покрытую кровоподтеками и синяками, пытаясь разглядеть, что творилось в кустах.

– Что там? – спрашивал он. – Что там происходит, Саня? Что они там нашли?

А я знал.

Мужики выскочили из кустов и остановились на краю пропасти, пропасти, резко уходящей вниз. Как шахта лифта пятидесятиэтажного здания. И увидели они, что Земля на самом деле – блин, точно такой же, какие жарит на постном масле Лукерья. И еще увидели они далеко внизу растянутое от горизонта до горизонта полотно океана, по которому ветер гонит светло-голубые волны. И еще яркая блямба солнца, медленно опускающаяся в воду...

Я знал, что не пройдет и двух дней, как мы с Полиной будем стоять на краю, и Полина скажет:

– Красотища, – моя любимая прижмется ко мне всем своим мягким и теплым телом и промурлычет. – И вся эта красотища для меня? Сашенька, ты правда нашел ее только для меня?

– Конечно, – после смущенного кашля останется произнести мне, произнести, опустив взгляд до самой земли, обрывающейся у наших ног, и еще дальше, дальше, дальше, до чернильного в лучах заката океана, и китов, от которых видны лишь хвосты: два синих и один зеленый.

Ермолина ЕКАТЕРИНА, г. Челябинск

Ермолина Екатерина Борисовна, 15 марта 1985 года рождения. Первые годы жизни провела в Челябинске. Закончила среднюю школу в 2002 году. Сейчас – студентка филологического факультета ЧелГУ. В 2001 году стала победителем районного конкурса сочинений «Моя малая Родина», в 2002 – победителем районного поэтического конкурса «Новые имена». Первая книга вышла 22 октября 2003 года.

МЯТА

Все, что было свято, все распято!
 Но еще остался привкус мяты,
 словно дар от ангелов небесных,
 В память лет ушедших, мятных, детских.
 Помнить луч, кузнечиков трескучих,
 Над рекой – сиреневые тучи,
 И в пруду за вишней у колодца
 Отраженье утреннего солнца...
 Помнить зиму, и сугробы-горы,
 Облака, и крыши, и заборы;
 Поезда, стучащие ночами,
 Крылья, крылья, крылья за плечами!
 Белый бант в косичке первоклашки,
 День, ушедший навсегда, вчерашний...
 По просторам неба голубого –
 Птиц, летящих в детства край чужого...
 Вот бы с ними мне!.. – да крылья смяты.
 Но еще остался привкус мяты,
 И, наверное, не так уж плохо
 Ощущать его на каждом вздохе.

Заснут, бывает, звезды за окном,
 Ложится на березы первый иней,
 И в тишине не думать ни о чем
 Легко, и говорить невыносимо.
 Молчат столбы, дорога и дома,
 И первый снег летит, такой беспечный –
 Так просто начинается зима,
 Что кажется, она пришла навечно
 В молчащее убожество квартир,
 Где лишь часы живут и стынет чайник...
 И кажется: есть где-то лучший мир,
 А здесь все – мимоходом и случайно.

ОДИНОЧЕСТВО

Так случается само собой,
 Надо или нет – никто не спросит.
 Серый мелкий дождь пойдет стеной.
 Ты поймешь, что на пороге осень.
 Ты поймешь, что некому звонить,
 Что твои вопросы без ответа.
 И, наверно, некого любить
 На последнем тихом вздохе лета...

И тогда появится оно,
 В дверь войдет заплаканной печалью,
 Перекличкой ля-минорных нот
 На чужом расстроенном рояле.
 Появившись так в твоей судьбе,
 Сядет у окна – до боли просто.
 Курит... Предлагает и тебе...
 Ты молчишь: отказываться поздно.
 И, дымя у форточки вдвоем,
 Осень отгоняя от порога,
 Вы разговоритесь ни о чем:
 Общих тем у вас до боли много!
 И сквозь кожу, будто бы сквозь сны,
 Высветятся вдруг на сердце раны...
 Побегут секунды вдоль стены –
 Слишком поздно или слишком рано.
 Но и в этот опустевший дом
 Принесут они свои законы:
 Гость уйдет, напуганный звонком
 Вдруг проснувшегося телефона.
 Только обернется, уходя,
 Со своей заплаканной печалью:
 «Смейся, что же! Я не навсегда...
 Я – не навсегда! – с тобой прощаюсь».

ЖЕНЬКЕ*Братику посвящается*

Снова придет ко мне снег,
 Он – как холодная ложь...
 Было – со мной или нет:
 Быстро и тихо растешь.
 Некогда слишком – всегда,
 Если торопятся дни.
 Встали мои поезда –
 и разбежались твои.
 Так не заметила я
 В беге измученных дней:
 Стал ты взрослее меня,
 Старшей сестренки твоей...
 Как мне узнать, почему
 Детство ушло в майский дождь?
 Этого я не пойму...
 Это – ты после поймешь.

Евгений ТУМАНОВ, г. Челябинск

Евгений Анатольевич Туманов родился в 1967 году в г. Челябинске. После окончания школы поступил в Челябинский политехнический институт, но с первого курса был призван в ряды Советской Армии.

Во время службы он поступил на заочное отделение Свердловской юридической академии и успешно её закончил.

Затем работал следователем в районном управлении милиции.

Имеет разряд по единоборствам.

В настоящее время работает в промышленности.

Стихи начал писать ещё в армии, потом писал рассказы и фантастику. Представленный фантастический рассказ – первая публикация автора.

Ветка сирени

Анна проснулась весьма недовольная: её разбудил телефонный звонок. Он прозвенел, когда солнце ещё только показалось из-за горизонта. Анна летом не привыкла вставать рано: летом занятий не было, и она любила понежиться в постели часов до одиннадцати. Но когда Анна сняла трубку, её недовольство мигом улетучилось, потому что звонил Он. Если бы родители, имевшие консервативные и старорежимные взгляды, узнали о Нём, они бы, наверное, выгнали её из дома. Он – это её Андрей, парень, с которым она познакомилась около трёх месяцев назад. Андрей был на добрых десять лет её старше и к тому же женат. Правда, с женой он уже не жил два года, и дело неудержимо двигалось к разводу, но сам факт разницы в возрасте и его статус женатого человека делали, по мнению родителей, невозможными их отношения. Несмотря на это, Анна, как ей казалось, любила Андрея, а он отвечал её взаимностью. Ей было с ним хорошо, надёжно. И всё время хотелось его видеть. Может, это и есть настоящая любовь?

Сейчас Андрей позвонил для того, чтобы уведомить её о предстоящей поездке за город. Анна улыбнулась и согласилась, хотя с тем же успехом могла и не соглашаться: Андрей всё равно поступит по-своему. Повесив трубку, Анна тяжело вздохнула: вечером опять придётся что-то врать родителям, которые уже начали кое о чём догадываться. Но это всё будет вечером, а сейчас надо быстро вставать и собираться: Андрей приедет через полчаса. И действительно, минут через двадцать-сорок Анна услышала во дворе шум автомобиля. «Шестёрку» Андрея она узнавала всегда, так как двигатель этой автомашины по шуму приближался

к средних размеров трактору. Анна подхватила сумку и выскочила за дверь. Когда она подошла к машине, Андрей подкачивал колёса. Увидев девушку с тёмными вьющимися волосами в лёгком летнем платье и с радостной улыбкой ожидания, Андрей закончил поскорее это занятие, убрал насос в багажник и, слегка обняв Анну за талию, поцеловал её. Это был даже не поцелуй, а лёгкое и осторожное прикосновение губ. Андрей боялся смазать помаду.

– Ну, вот, – буркнул он, – опять накрутилась. Всё равно я её слижу.

Анна улыбнулась: эта фраза стала у них чуть ли не ритуальным приветствием.

Андрей и Анна сели в машину.

– Куда мы едем? – осведомилась Анна.

– Увидишь, – последовал ответ.

Машина выскочила за городскую черту, и Андрей тут же прижал её к обочине. Не заглушив двигатель, Андрей обнял Анну и со смехом поцеловал её маленький носик, щёки, шею и, наконец, прижался к её губам. Поцелуй получился долгий и страстный, даже слишком, потому что проезжающая мимо машина загудела, а сидевшие в ней люди весело помахали им. Анна со смехом оттолкнула Андрея.

– Вот видишь, – укоризненно сказала она, – опять нас заметили.

– Подумаешь, заметили! Ну и что? Они нам просто завидуют. – Андрей, как всегда, был абсолютно равнодушен к вниманию окружающих.

Машина свернула на просёлочную дорогу, и минут через двадцать они выехали на берег озера. Народу, по слу-

чаю не особенно тёплой воды, было не очень много, и они без особого труда нашли очень уютное место на берегу. Это была небольшая полянка, со всех сторон защищённая деревьями. Андрей перегородил машиной единственный въезд на поляну, и можно было считать, что они совсем одни.

Погода была изумительная для загара: лёгкий ветерок не давал телу перегреться, и солнечные лучи ласкали тело. Однако Андрей, любивший холодную воду, первым делом полез купаться. Анна, удобно устроившись на надувном матрасе, решила позагорать. Но вскоре, на удивление быстро, ей надоело просто так лежать. Она подняла голову и увидела, что Андрей уже вылез из воды и разводит костёр. Тогда Анна протянула руку к сумкам и из той, что лежала ближе, Андреевой, вытащила книгу. «Дети ЛЛИРА», — прочла она на обложке. Там же красовалось изображение полубнажённой красотки с мечом в руке, которая отбивалась от какого-то чешуйчатого чудовища. Андрей обожал «фэнтези», а Анне этот жанр не очень нравился. Но солнышко припекало, вставать было лень, и Анна открыла книгу...

С дороги послышался автомобильный гудок, затем зашуршали кусты, и на поляну вышел парень в джинсах и светлой футболке. Волосы его, светло-русые и волнистые, были красиво подстрижены, лицо обрамляла аккуратная бородка, которая его вовсе не старила. На вид парню было лет двадцать пять. Его серые глаза смотрели с беспокойством, и весь его вид говорил о том, что пришелец был сильно встревожен. Анна не обратила бы внимания на все эти подробности, но её поразила реакция Андрея: увидев пришедшего, он бросил костёр, выпрямился и удивлённо воскликнул:

— Ратомир? Как ты сюда попал?! Что случилось?!!

Столь необычное имя удивило Анну, но ещё больше её удивили действия этого самого Ратомира. Подойдя к Андрею, он опустился на колени и, склонив голову, произнёс:

— Приветствую тебя, Повелитель!

Андрей взял Ратомира за плечи, поднял его и ответил:

— Привет и тебе. Что случилось?

— Беда, Повелитель. Моор прорвал статис на шестнадцатом уровне, их там сотни на каждого нашего, сдержат нет сил. Влад погиб у Врат. Моор знал, что нас немного и долго готовился. Силы его огромны, мы не знаем, что делать. Я прибыл за тобой.

Выслушав Ратомира, Андрей ударил кулаком по раскрытой ладони и выругался. В присутствии Анны Андрей старался следить за своей речью, поэтому ругательства получились витиеватые и слегка наигранные, но сказаны они были от души.

— Идём, — бросил он Ратомиру, — нельзя терять ни минуты. Затем он повернулся к Анне:

— Прости, девочка моя, — сказал он, — но я должен идти. Случилось большое несчастье, меня ждут. Я не знаю, увидимся ли мы когда-нибудь ещё, но помни: я люблю тебя. Прости меня и прощай.

Анна ничего не поняла в происходящем, но, поднявшись навстречу Андрею, спросила:

— Ты куда-нибудь едешь?

— Да, Анн, я уезжаю. Ты закроешь машину и пешком дойдёшь до дороги. Там поймаешь попутку и вернёшься в город. Никому ничего не рассказывай, а если я не вернусь, то постарайся забыть меня.

— Но куда ты едешь? — Анна никак ещё не могла поверить, что всё это всерьёз. Она взглянула в его глаза и тут только поняла: он не шутит.

— Я не могу это сейчас тебе объяснить, но это очень далеко.

Андрей обнял Анну и поцеловал так, как целовал только он. Анна почти машинально ответила, но затем, почти неожиданно для самой себя, она схватила его за руку:

— Я с тобой.

— Это невозможно, девочка, ты даже не представляешь себе, куда мы отправляемся...

— Пусть так, но я хочу быть с тобой и... — она не знала, что ещё сказать, и продолжала держать его за руку. Андрей мягко высвободился и погладил её по щеке.

— Это невозможно, Анна, невозможно, — ещё раз произнёс он и направился вслед за идущим к дороге Ратомиром. Анна смотрела ему вслед и ничего не понимала. Вдруг молнией в её голове сверкнула мысль: «Я могу навсегда потерять его!» И хотя она осознала, что дело, с которым связан Андрей, очень опасно, она кинулась вслед за ним. Анна догнала Андрея, остановила его, обняла и заревела. Она хотела сказать ему, чтобы он не уходил, что она любит его и не может без него, но у неё ничего не вышло. Лишь слезы продолжали катиться из глаз. Андрей смотрел на неё долгим пристальным взглядом, а потом перевёл глаза на Ратомира. Тот еле заметно кивнул.

— Ладно, пошли, — бросил Андрей, — ничему не удивляйся и ничего не бойся. Ратомир присмотрит за тобой.

— Интересно, — отозвался Ратомир, — какой она будет после перехода?

— Увидим, — сказал Андрей.

Он взял Анну за руку и бегом бросился к стоящей на дороге автомашине. Ратомир бежал рядом, Анна едва успевала за ними. Они подбежали к автомобилю — это был «Мерседес» в самом шикарном исполнении — и сели в него.

— Ратомир, трансфер включается на какой скорости? — спросил сидящий за рулём Андрей.

— Двести десять, — коротко ответил Ратомир. — Сначала откроются закрылки...

Андрей запустил двигатель и тронул машину с места. Только тут Анна сообразила, что на ней и на Андрее, кроме купальных костюмов ничего нет.

— А как же одежда? — спросила она.

— Одежда... она нам больше не понадобится, — ответил Андрей.

Машина набирала скорость. На неровной просёлочной дороге её сильно трясло, но ни малейшего звука не проникало в салон. Скорость увеличивалась, возникло ощущение

ние полёта, и Anne стало страшно. Стрелка спидометра подползла к цифре «двести десять». Это была невероятная скорость для такой дороги, но машина без труда набрала её. Андрей потянул, как показалось Anne, рычаг стоячного тормоза, и на дороге впереди машины возникло тёмное пятно наподобие стены.

– Врата! – воскликнул Ратомир, и машина на полной скорости врезалась в эту стену...

Anne зажмурилась, но тут что-то произошло: жар, свет, движение, темнота – всё смешалось. Сидеть стало неудобно. Anne открыла глаза и вскрикнула. Дороги, леса, озера, даже машины – ничего этого не было. Она сидела верхом на великолепном чёрном скакуне. Её тело облегли чёрные с серебром одежды и доспехи. Длинный чёрный плащ был схвачен под подбородком серебряной пряжкой. На боку висел чёрный, без ножен, меч. На левой руке – круглый щит, украшенный сверкающими камнями. На её голове был надет шлем без забрала, также украшенный крупным бриллиантом. Она взглянула на своих спутников: Андрей и Ратомир также были верхом, только кони, доспехи и оружие у них были белые, украшенные золотом и лазоревыми вставками. Щитов у мужчин не было, но на поясах у обоих висели по два сверкающих белизной клинка.

Все три всадника стояли на вершине холма. Под ними простиралась светло-фиолетовая равнина. Дальний край её у горизонта был охвачен чёрной мглой, там полыхали зарницы и отблески огня. Мужчины вглядывались в эту мглу.

– Наши ещё держатся, – отметил Ратомир.

Наконец её спутники повернулись к ней и... Казалось, что кони отпрянули сами собой, мужчины схватились за рукоятки мечей, в их глазах мелькнул ужас.

– Чёрная Принцесса, – еле слышно прошептал Ратомир.

Удивлённая и испуганная их реакцией, Anne тронула коня и подскакала к Андрею. Она не могла сказать, откуда у неё взялось умение управлять конём и держаться в седле, это получилось у неё как бы само собой. Андрей опустил рукоятки мечей, но всё ещё с недоверием смотрел на Anne. Она нерешительно коснулась его плеча:

– Андрей, что произошло? – спросила она недоумевая.

Андрей расслабился, настороженность исчезла, но на вопрос Anne он так и не ответил. Вместо этого он произнёс:

– Аннушка (Андрей редко называл её так), значит, это ты Чёрная Принцесса? Вот это сюрприз... С другой стороны подъехал Ратомир: – Повелитель, она – Чёрная Принцесса, в этом нет никаких сомнений, что теперь будет?

– Вспомни предсказание, – отозвался Андрей, – Чёрная Принцесса и Повелитель света встретятся у стены станицы и наступит час рока – рагнарёк.

– Но ведь предсказание говорило о битве, – возразил Ратомир, – а сейчас... Ратомир не закончил фразы, но Anne поняла и так.

– Андрей, я не знаю, где мы и что произошло, я не по-

нимаю, что со мной и почему вы называете меня Чёрной Принцессой, но я люблю тебя и всегда буду рядом.

Произнеся эту фразу, Anne удивилась сама себе – несмотря на явную необычность обстановки, никакого страха она не испытывала. Как будто не она даже сидит в седле в этих доспехах, а кто-то другой, и не она сама говорит, а кто-то подсказывает ей фразы. Anne обняла Андрея и поцеловала. Ответный поцелуй был жаркий и обжигающий, Андрей обнял её, а потом, заглянув в её глаза, едва заметно улыбнулся и тихо произнёс:

– Я тоже люблю тебя, и мы всегда будем вместе.

Потом он осторожно отстранился и пришпорил коня. Ратомир и Anne сделали то же самое, и все три всадника понеслись по склону холма на равнину.

Всадники скакали молча, даже не глядя друг на друга. Anne скакала бок о бок с Андреем, Ратомир чуть сзади.

Воспользовавшись предоставленной ей паузой, Anne попыталась привести свои мысли в порядок, тем более местность вокруг располагала к этому: плоская равнина была покрыта только ровным ковром фиолетового мха и низкой, на высоту конского копыта, травой также сиренево-фиолетового цвета. Несмотря на однообразие пейзажа, равнина не была надоедливой и утомительной. Переливчатые и изменчивые узоры, образованные разными оттенками травы и мха в сочетании с тёмно-голубым небом при ярком ультрамаринном свете создавали совершенно изумительную картину. Скакать по этой равнине было одно удовольствие, ни ямки, ни выбоинки. Даже тени, и той нет. «Кстати, – удивилась Anne, – а почему нет тени?». Оглядев небо от горизонта до горизонта, Anne с удивлением отметила, что солнца нет и в помине. Просто небосклон плавно переливался от светлого, глубокого, голубого цвета над ними до полной черноты у горизонта. Свет, казалось, шёл со всех сторон и не давал тени. В этом мире не было солнца!

Это обстоятельство почему-то настолько поразило Anne, что она некоторое время не могла думать ни о чём другом. Мир, в котором она очутилась, не являлся Землёй! Это было совершенно невероятно, но это был факт! При других обстоятельствах она была бы сильно напугана, но теперь здесь рядом с ней был Андрей, а с ним она привыкла ничего не бояться. Поэтому ею овладел не испуг, а удивление и безграничное любопытство. Её всё удивляло: и столь необычное путешествие, и этот удивительный наряд на ней – она ведь раньше никогда не носила кольчугу и шлем, и даже то, что она с такой уверенностью держится в седле.

До этого ей приходилось ездить верхом только пару раз в колхозе у бабушки да один раз в городском парке. Естественно, все три раза она ездилась лишь шагом и рысью, под присмотром инструктора. Здесь же кони шли широким галопом, а Anne чувствовала, что тело само удерживается в седле, не требуя никакого контроля со стороны разума. Откуда у неё появились навыки наездницы, Anne не знала. Она также не могла объяснить, почему доспехи на ней были для неё привычны, а рука, держащая щит, не чувствовала усталости.

Она хотела спросить об этом у Андрея, но взглянув на его напряжённое лицо, глаза, неотрывно смотрящие вперёд, отказалась от своего намерения, решив отложить расспросы до более подходящих условий. Анна посчитала, что со временем всё само собой объяснится. Поэтому она целиком углубилась в созерцание окружающей местности.

Ей казалось, что равнина вокруг похожа на гигантский калейдоскоп, постоянно изменяющий оттенки и узоры. Зрелище действительно было захватывающее и вызывало те же чувства, которые появляются при взгляде на огонь – чуть жутковато, завораживающе и прекрасно. Ей чудилось, что она летит через море фиолетового цвета в беззвездную ночь. Анна потеряла представление о времени.

Когда она пришла в себя, то обнаружила, что небо над ними уже не яркое, а такое, какое бывает вечером, темнеющее и тревожное. Но цвет его по-прежнему оставался голубым, точнее, тёмно-голубым, почти синим.

Андрей и Ратомир пустили коней рысью. Анна, замешкавшись, вырвалась вперёд, но сразу же вернулась и поехала рядом с Андреем. Увидев, что лицо Андрея, хотя и оставшееся напряжённым, потеряло тревожность, она задала ему свой первый вопрос:

– Почему мы сменили галоп на рысь?

– Видишь ли, Анн, – отозвался Андрей, – если мы будем скакать в том же темпе, то загоним коней и всё равно не успеем. Фиолетовые равнины широки, никто ещё не пересекал их меньше, чем за два дня.

– Два дня? – переспросила Анна. – Значит, сейчас ночь?

– Нет, девочка моя, здесь нет ночи. Просто мы пользуемся стандартными двадцатичасовыми периодами времени. Здесь, на фиолетовых равнинах статиса, такое измерение времени наиболее подходящее. Хотя и оно условно: ведь никаких часов нет. Время здесь определяется чисто интуитивно.

– А почему здесь нет часов? И почему здесь нет вообще никаких механизмов? Даже луков нет в нашем арсенале. А куда делась автомашина, на которой мы сюда прибыли? И вообще, что это за место, что это за статис, о котором вы говорили? Куда мы скачем и куда не успеем? Почему Ратомир называет меня Чёрной принцессой? И кто такой Моор? И как...

– погоди, Анн, не всё сразу. Сейчас мы сделаем привал, поужинаем, и ты задашь все свои вопросы. Потом мы отдохнём сами и, главное, дадим отдых лошадям, а через восемнадцать часов нам надо быть в Городе.

– Что это за Город?

– Не торопись, всему своё время. Ратомир! Ратомир прищипнул коня и поравнялся с Андреем.

– Как у нас дела с топливом и провизией?

– Еда – стандартные пайки десантников, а топлива наберём. По моим подсчётам километра через три будет полоса сухих мхов. Они-то и пойдут нам на костёр.

Анна посмотрела на Ратомира и увидела, что на лице у него играет весёлая, заразительная улыбка. Такая весёлая

и заразительная, что, глядя на него, Андрей и Анна сами широко улыбнулись.

– Знаешь, Повелитель, – обратился Ратомир к Андрею, – мне почему-то кажется, что всё будет хорошо, что древнее пророчество не сбудется.

– Всё может быть, – сразу посерьёзnel Андрей, – поживём – увидим!

Они проехали ещё пару километров и впереди, среди сине-фиолетово-лилового ковра показалась широкая, почти до горизонта, полоса сухой травы и мха. Всадники пустили коней шагом. Ещё через несколько минут Анна увидела следы бывшего привала. Очевидно, это место было хорошо знакомо Ратомиру. Он спешился, вслед за ним спешился и Андрей. Анна последовала их примеру.

Мужчины сняли с седел небольшие перемётные сумы и расседлали коней. Анне пришлось только расседлать коня, сумок у неё не было. Расседывая коня, Анна лишний раз убедилась, что у неё действительно появились навыки всадника: она прекрасно знала, как снять седло и узду, как потом заседлать лошадь.

Анна оглянулась на мужчин: те, освободив коней, перестали обращать на них внимание. Анна поступила также. Взяв седло, она подтащила его ближе к кострищу и приспособила в качестве стула, как до этого сделал Андрей. Ратомир оставил седло рядом с сумками. Очевидно, он прекрасно обходился без подобного «стула». Заметив, что мужчины сняли часть доспехов и вооружения, Анна положила щит на землю, сняла шлем, расстегнула и сняла плащ. Скинула пояс с оружием. Кольчугу же, по примеру спутников, она снимать не стала. Но Ратомир, глядя на неё, улыбнулся: – Принцесса, вы можете снять броню, – произнёс он, – здесь мы ПОКА в безопасности.

Решив, что Ратомир вряд ли ошибается в этом вопросе, Анна сбросила и кольчугу, оставшись не то в куртке, не то в рубахе из чёрного с серебряным отливом бархата. Тем временем Андрей из своих сумок достал и расстелил на земле три прозаического вида туристических коврика. Такие продаются в каждом спортивном магазине. Ратомир же, в свою очередь, вытащил из сумок три пластиковых пакета с эмблемой вооружённых сил США и длинной надписью на английском языке.

– Сухой паёк, – улыбнулся он.

Из той же сумки Ратомир вытащил пластиковую ёмкость с какой-то жидкостью. Затем мужчины в несколько приёмов натаскали огромную грудку сухого мха. Часть принесённого мха Ратомир сложил на место старого кострища, затем вытащил из ножен кинжал и ударил по лезвию кремнем. Брызнул сноп искр, мох затлел. Ратомир осторожно раздул огонь и вскоре небольшой костерок запылал, разгоняя вечернюю мглу.

Андрей распечатал пакеты и на коврики стал выкладывать банки. Те из них, которые необходимо было разогреть, Андрей расположил вокруг костра. Остальные он вскрыл и расставил на одном из ковриков, который подтащил поближе к огню. На коврике появились пакеты с уже

нарезанным белым хлебом, баночки с джемом и маслом, ёмкости с соком, шоколад. Краешком глаза Анна заметила, что у костра разогреваются банки с консервированным супом и индейкой. Ратомир водрузил над костром ёмкость с жидкостью, которую Анна видела раньше.

– Кофе, – пояснил Ратомир, – а пластик несгораемый, поэтому и кофейник не нужен.

Банки разогрелись, и Ратомир с Андреем ловко стали открывать их кинжалами. По всему было видно, что такие ужины им не впервой. Ели в полном молчании, сосредоточенно и вдумчиво. Только время от времени Андрей и Анна обменивались быстрыми взглядами, и тогда на их губах появлялись лёгкие усмешки. Ратомир тоже улыбался, когда ему удавалось перехватить их тайные взгляды. При этом Анна почему-то смущалась.

Когда ужин закончился, Ратомир собрал опустевшие банки и коробки, сложил их в кучу и, отойдя от костра, закопал. Потом он вернулся, набил трубку и закурил, блаженно растянувшись на своём коврике.

Андрей передвинулся к Анне, обнял её и поцеловал, поцеловал осторожно, в щёчку. «Чтобы помаду не смазать», – буркнул он. Анна весело засмеялась, и сама поцеловала Андрея, он ответил. Так, в поцелуях и ласках они провели некоторое время.

Из блаженного состояния их вывело ироничное покашливание Ратомира. Анна смутилась, оттолкнула от себя Андрея и шутливо ушпинула его за бока. Андрей тут же принял рассерженную позу и свирепо зарычал. Они оба рассмеялись, а затем Андрей, уже серьёзно, спросил:

– Ну что, Анн, кажется, у тебя накопилось много вопросов?

– Конечно, – отозвалась она, – очень много. Вот, например, что это за место и что такое статис?

– Статис, Анн, это, вероятно, центр мироздания. Это та точка, которая разделяет реальное пространство от ирреального, светлые миры от тёмных. На вид это огромная радужная стена, находящаяся в скальной пещере. Мы там будем завтра, вернее, через шестнадцать часов. Если повезёт, сама увидишь. Так вот, статис разделяет миры, не давая им войти в соприкосновение. Откуда и когда он взялся, никто не знает. Изучить его при помощи приборов невозможно, а пройти с нашей стороны до сих пор никому не удавалось. Но это не значит, что его вообще нельзя преодолеть.

Повелитель чёрных миров, Моор, несколько раз прорывал статис и устраивал грозные вторжения. Но мы были наготове и всякий раз нам удавалось останавливать его на фиолетовых равнинах. Но об этом я расскажу чуть позже, сейчас продолжим о статисе.

Статис имеет тридцать уровней, но все они – один и тот же статис. Вернее, к статису можно попасть в тридцати местах. Везде будет одно и то же: фиолетовая равнина и в конце неё – скальная пещера со стеной статиса. Однако это разные места.

На каждом уровне у нас есть наблюдатели и стража.

Но статис един. Можно сказать, что это различные воплощения одного и того же. Мы привыкли называть эти воплощения уровнями. Сейчас мы на шестнадцатом уровне. Именно здесь Моор прорвал стену статиса. Я не знаю, откуда он узнал, что у нас на этом уровне мало людей. Удар, нанесённый им, был очень силен. Погиб начальник заградотряда Влад.

– Кстати, – обратился Андрей к Ратомиру, – как погиб Влад?

– Влад совершал обход стражи, когда померкла стена статиса. Вернее даже, не померкла, а погасла. Она погасла сразу, вдруг, как будто её выключили. А из чёрной пустоты хлынули воины Моора, и не было им числа. Охрана Влада погибла сразу же, но сумела задержать воинов Моора на несколько десятков секунд. Влад организовал отпор из дежурной стражи врат, а мне сказал, чтобы я срочно нашёл тебя. Я уже покидал зал статиса, когда Влада сразило копьё: воины Моора сумели прорвать линию стражи. Но Симург сумел отбросить их обратно. Сейчас он и командует стражей. Покидая уровень, я известил стражей ближайших уровней и, я думаю, сейчас у границы Города находится не менее десяти тысяч воинов. Но все подойти явно не успеют.

– Но почему, – вмешалась в разговор Анна, – нельзя сразу подойти к стене? Почему мы скачем на конях, а не едем на машине?

– Видишь ли, Анн, фиолетовые равнины – очень странное место. На них, начиная от стены статиса и до самых холмов, где мы появились в первый раз, не действует ни один механизм. Ты уже заметила, что у нас нет даже луков. Мы не знаем, с чем это связано, но даже луки не стреляют. Только то, что приводится в движение непосредственно живой мускульной энергией, и может двигаться на равнине. Поэтому-то наш трансфер и установлен на холмах, в двух «днях» пути от статиса.

– А что такое трансфер?

– Трансфер, девочка, это чрезвычайно сложный... Эээ... передатчик. При помощи него можно мгновенно перемещаться в пространстве, попадать на различные планеты и на все уровни статиса. Но это ещё не всё. Трансфер – почти разумный, вернее даже не почти, а разумный механизм, он во время перехода в точности определяет сущность перемещаемого объекта и на конечной точке снабжает его всем необходимым для действий в этой точке, частично трансформируя его облик. Те же вещи и тот облик перемещаемого объекта сохраняются в памяти трансфера и при возвращении в первоначальную точку «выдаются» объекту.

Сложность этой машины перемещений и трансформаций невообразима. Она создавалась многими сотнями миров не одно тысячелетие. С течением времени у трансфера появились черты, присущие только разумному существу – в частности, юмор. Сухой паёк и туристские коврики – это его «прикол». Он мог бы снабдить нас чем угодно, но выбрал именно это. Произведя анализ наших сущностей, он

точно определил, какой облик, одежду и вооружение нам необходимо иметь. Он решил, что ты – Чёрная Принцесса, и придал тебе такой облик. К несчастью, или к счастью, но трансфер никогда не ошибается. И ты оказалась Чёрной Принцессой...

– А что это значит? Это плохо или хорошо? Вместо Андрея ответил Ратомир:

– Видите ли, принцесса, статис почти не управляем. Нет никаких механизмов, включающих и выключающих его. Прорвать или закрыть статис может только человек. Или другое разумное существо, если допустить, что Моор – не человек. Причём, людей, способных прорвать статис, не существует, кроме Моора. А вот закрыть статис могут несколько: во-первых, сам Моор. Во-вторых – Повелитель. Про этих двоих известно точно. И ещё закрыть, а может быть, и открыть статис может Чёрная Принцесса. Причём это не достоверно. Просто в последнее вторжение Моор провозгласил, что он придёт, когда у стены статис встретятся Повелитель света и Чёрная Принцесса. Тогда наступит час рока – час борьбы света и тени, час решений судеб мира.

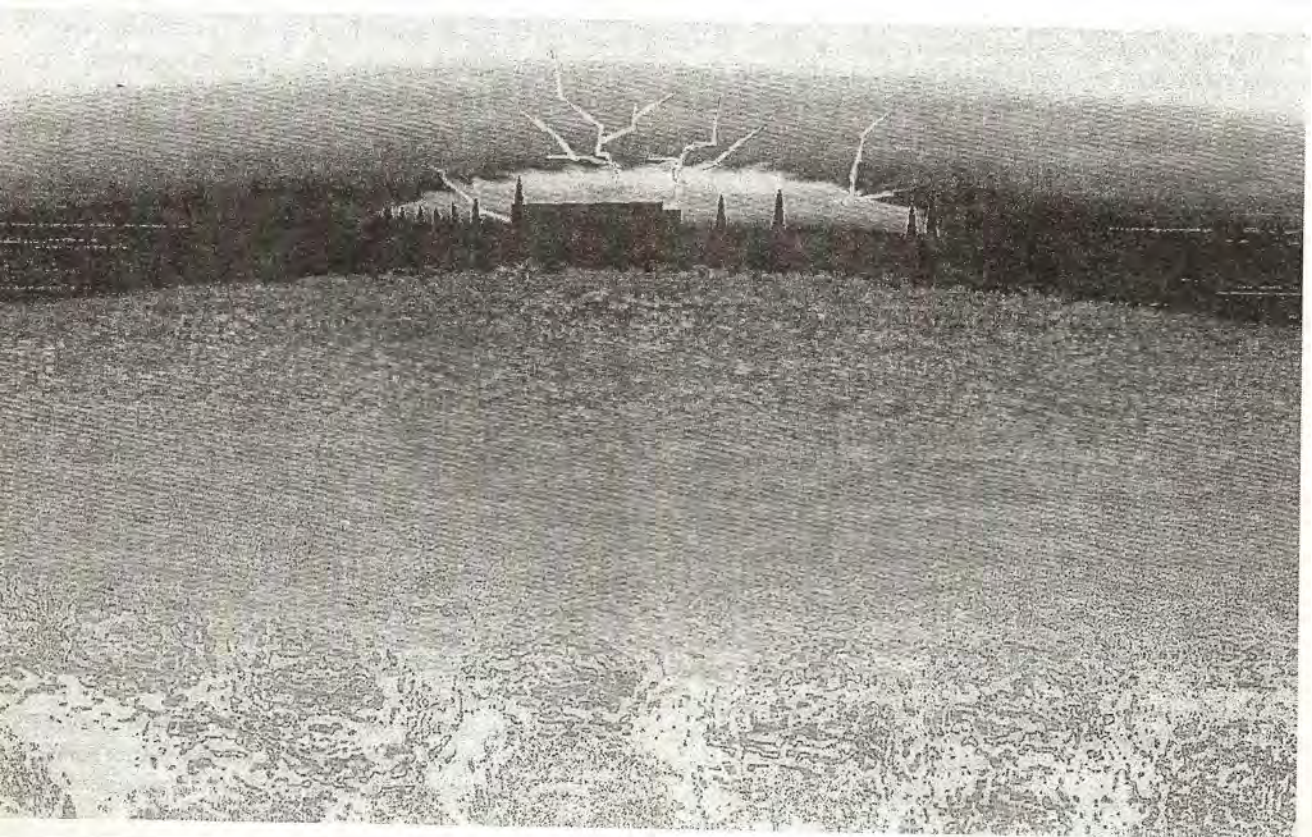
Мы ждали появления Чёрной Принцессы, гадали, кто она, но мы никак не могли предположить такого исхода. Моор не сказал, кто Чёрная Принцесса и как она выглядит, но мы поняли, что она где-то здесь, в нашем мире, по эту сторону статиса. Мы пытались найти её, но, как оказалось,

это невозможно было сделать. Волею судьбы Чёрной Принцессой оказалась девушка Повелителя. Кто бы мог подумать! Мне кажется, даже Моор не мог предугадать этого. Тем более, невозможно предположить, что произойдёт, когда вы все втроем, а Моор непременно появится, встретитесь у статиса. Рагнарёк – так называли Час рока скандинавы -близок. Он должен окончиться битвой света и тьмы. Какую роль в ней сыграете Вы – неизвестно...

– Но в любом случае, – вмешался в рассказ Ратомира Андрей, – нам необходимо остановить Моора на фиолетовых равнинах и очистить путь к статису. Там видно будет...

От слов Ратомира Анне сделалось холодно, ей стало жутко: неужели она станет врагом Андрея? Нет, этого не может быть! Моор, которого она возненавидела только за его пророчество, не считая всего остального, ошибся! Она любит Андрея, она никогда не покинет его. Никогда? Что там было сказано насчёт тысячелетий? Господи, да люди ли они?

Почувствовав страх Анны, Андрей обнял её и прижал к себе. Анна сделала было попытку освободиться, но потом затихла и уткнулась лицом в грудь Андрею. Ратомир тоже умолк, умолкло всё вокруг. На Анну навалилась жутко-тревожная тишина. Андрей ещё крепче прижал Анну к себе и легко, нежно, чуть касаясь, гладил её волосы. И Анна почувствовала, как от этих движений постепенно улетучивается её страх, уходит из сердца тоска и ужас, мир об-

ретаёт привычную реальность. Ей стало тепло, она сама обняла Андрея и прижалась к нему. Он здесь, рядом, и, значит, всё будет хорошо. Незаметно для себя она уснула.

Анну разбудило тревожное ржание коней. Она проснулась сразу, вдруг, ясно представляя себе, где она находится и что с ней произошло. Анна открыла глаза и увидела, что оба мужчины стоят в кольчугах с мечами в руках, напряжённо всматриваясь куда-то в сумрак. Тогда она гибким движением встала и положила руку на рукоять кинжала, но вытаскивать его не стала. Очевидно, прямой опасности ещё не было, иначе её бы разбудили.

Анна оглянулась по сторонам: кони находились рядом с кострищем, уже осёдланные и приготовленные к скачке. Все вещи были убраны, кроме её доспехов и оружия. Анна быстро облачилась в доспехи, удивляясь их малому весу и своему умению надевать их. Она поняла, что эти навыки, как и многое другое, пришли к ней через трансфер.

Одевшись, Анна подошла к Андрею и встала рядом с ним. Она также стала вглядываться в сумрак, хотя не понимала, что же всё-таки она должна там увидеть. Вместе с тем она заметила, что небо на горизонте стало чаще прорезаться зарницами, отсветы на нём стали сильнее и вроде бы приблизились. Анна даже различила отдалённый шум пожара.

Но мужчин встревожило не это: стал слышен приближающийся стук копыт. Затем из сумрака вынырнули два всадника. По доспехам Анна поняла, что оба они из дружины Света – их цвета, также как доспехи Андрея и Ратомира, были лазорево-белые и слегка светились.

Первый всадник порывистым движением соскочил с коня и бросился к Ратомиру. По движениям и фигуре Анна поняла, что это девушка. Она подбежала к Ратомиру, который уже вложил меч в ножны, и бросилась ему на шею. Ратомир одним мощным движением подхватил её на руки, обнял и поцеловал. Второй всадник тем временем на полном скаку подлетел к Андрею, осадил коня и, не слезая с седла, сделал рукой приветственный жест.

– Симург? – удивлённо воскликнул Андрей. – Что случилось? Как ты нас нашёл?

– На Эллин кольцо слежения, – последовал ответ, – а здесь я потому, что дела наши неважные. Войска Моора сумели прорваться из Вратного зала, сейчас бои идут на улицах Города. Отсветы, которые ты видишь – это зарево пожаров. Город горит. Всех, кого можно, я вывел на равнины, в Городе остались только заслоны из добровольцев. Они не смогут долго сдерживать Моора. А на равнинах мы не сможем долго держать оборону – у Моора слишком много сил, он долго готовился к наступлению.

– Подкрепления подошли?

– Частично, но я не использовал бы их для боя. Сейчас около двенадцати тысяч всадников охватили Город со стороны равнин по периметру. Ими командует Рон. Заслонами в Городе командует Шаарсен. Все ждут тебя. А кто это с вами?

В этот момент Симург перевёл взгляд на Анну, а, раз-

глядев её, едва не упал от удивления и ужаса из седла. Но в следующий же миг его конь, подчиняясь руке всадника, встал на дыбы, а в левой руке Симурга сверкнул меч. Конь захрапел и попятился. Симург внезапно осевшим голосом выдохнул:

– Чёрная Принцесса!

Анну опять кольнула острая ненависть к Моору, несколько слов которого делали её в глазах этих людей страшным монстром. Но вместе с этим чувством в ней проснулась доселе неведомая её ярость – Ах, так! Ты против меня! Тогда берегись! Рука Анны сжала рукоять кинжала. В сумерках воронёное лезвие было бы не видно, но сейчас оно чёрным блеском отразило далёкое зарево. Андрей шагнул между ними:

– Стойте! Ни с места! Всем стоять! – повелительно воскликнул он. – Анна, спрячь оружие. Симург, если вы видели нас в кольце, то до тебя уже должно было прийти, что она на нашей стороне. И вообще, вы уже должны были знать, кто со мной.

– Откуда? – оправдывался Симург, смущённо записывая меч в ножны. Настроение его изменилось разительно, едва он услышал спокойный и чуть повелительный голос Андрея. – Кроме Эллин, в кольцо никто не смотрел, а она ничего не сказала.

– А что я вам должна была сказать? – отозвалась вдруг девушка, которую Ратомир всё ещё держал на руках, – в кольце я видела Ратомира, а остальных – нечётко. А то, что она чёрная, я вообще не рассмотрела. Да и мало ли кто это мог быть! Вон, например, у хантеров тоже чёрные доспехи.

То ли слова Андрея, то ли то, что в речи девушки не прозвучало и тени враждебности, то ли смущение Симурга убедили Анну убрать оружие. И пряча кинжал в ножны, Анна поймала себя на мысли о том, что вспышка ярости, охватившая её, вовсе ей не свойственна. Сейчас она даже не могла назвать её причину.

Эта мысль заставила Анну смутиться, а глядя на смущённую улыбку Симурга и капризно-вызывающую улыбку Эллин, Анна улыбнулась сама. Глядя на них засмеялся Андрей, ему весело вторил Ратомир. Напряжение пропало само собой.

Симург соскочил с коня и протянул Андрею листы бумаги. «Карты и схемы», – догадалась Анна. Ратомир отпустил Эллин и также подошёл к Андрею. Мужчины склонились над листами, о чём-то вполголоса переговариваясь. Девушки были на время предоставлены сами себе.

Анна сделала несколько шагов и остановилась напротив Эллин. Обе девушки с интересом разглядывали друг друга. Эллин была несколько выше Анны и шире в плечах. Анне она показалась тем самым типом женщины, полногрудым, широкоплечим, с узкой талией, который сразу же привлекает внимание мужчин.

Двигалась Эллин уверенно и гибко, золотисто-русые волосы были убраны под шлем, и только по пряди волос, выбившейся сбоку, можно было судить об их цвете. В целом

Эллин была одета и вооружена так же, как и мужчины, но вместо забрала на её шлеме блестело серебристое кольцо, которое, вероятно, могло спускаться на лицо. Сейчас кольцо было поднято и закреплено на шлеме, придавая ему несколько сказочный вид.

– Так вот ты какая – Чёрная Принцесса, – слегка растянув фразу, произнесла Эллин. – Значит, Моор не соврал, и ты появилась, когда он пришёл. Но ты попала сюда вместе с Повелителем и, следовательно, с его ведома. Ты давно его знаешь?

– Я люблю его! – с вызовом произнесла Анна.

Но Эллин вызова не приняла. Грустная и одновременно приветливая улыбка озарила её лицо, и она просто ответила: – А я люблю Ратомира и теперь всегда буду рядом с ним. Ты здесь, и час Рока уже близок. Возьми, мне это уже не нужно.

С этими словами Эллин подняла руки и сняла со шлема кольцо. Оно снялось на удивление легко. Эллин протянула кольцо Анне.

– Возьми, – повторила она, – это кольцо слежения. В нём, если ты очень захочешь, ты сможешь увидеть Повелителя. Конечно, если ты его действительно любишь.

Анна приняла кольцо, но, не зная, как с ним обращаться, вопрошающе посмотрела на Эллин. Та ещё раз улыбнулась, на сей раз уже просто приветливо, взяла кольцо в руки и стала укреплять его на шлеме Анны. Укрепив его, она сделала шаг назад и полюбовалась на свою работу. И тут Анна увидела, что улыбка Эллин на мгновение сменилась ужасом и восхищением. Затем на лице Эллин появилось выражение смущения и удивления.

– Знаешь, Принцесса... – начала Эллин, но Анна прервала её:

– Меня зовут Анна.

– Знаешь... Анна, я только сейчас увидела, что ты действительно Чёрная Принцесса, и мне на секундочку стало страшно. Расскажи, как ты попала сюда? Анна в нескольких словах рассказала свою историю, а потом спросила:

– Эллин, а как этим кольцом пользоваться? И почему оно работает?

– Анна, оно работает потому, что это не механизм. Кольцо само по себе цельнолитое. Оно усиливает телепатические способности человека, но не всякого, а только того, кто уже имеет такой дар, в ком это первоначально заложено. Ты, как Чёрная Принцесса, должна обладать этим даром...

Эллин ещё что-то говорила, но Анна уже не слушала. Она вспомнила, как ещё на Земле, когда она сдавала экзамены и зачёты в институте, Андрей ей как-то сказал: «Девочка моя, если будет совсем плохо, что-то забудешь, посмотри вправо от себя и увидишь меня. Я подскажу».

Анна восприняла тогда его слова как шутку и засмеялась. Но через неделю, при сдаче зачёта по философии, она от волнения сбилась, потеряла нить рассуждений и страшно смутилась. Ей мучительно захотелось, чтобы кто-то подсказал, что отвечать дальше.

Она непроизвольно взглянула вокруг и вздрогнула: справа от себя она отчётливо увидела Андрея. На нём была камуфляжная форма, и Анна поняла, что Андрей сейчас на работе. Он выпрямился, на лице его отразилось удивление, а потом он приветливо улыбнулся. Анна сразу же успокоилась, вспомнила материал, и дальнейший ответ произошёл уже без запинки.

Вечером, при встрече, Анна рассказала обо всём Андрею, но тот только улыбнулся. Анна решила, что всё это ей померещилось. Теперь же, здесь, на фиолетовых равнинах, после слов Эллин, у Анны мелькнула мысль: а может, и тогда не померещилось вовсе, может, Андрей уже тогда знал, кто она? Нет, – отмела эту мысль Анна, этого не может быть. Ведь Андрей сам был удивлён её превращением в Чёрную принцессу, он не сумел скрыть этого. Значит, дар телепатии у неё действительно был ещё на Земле.

– ...опусти кольцо на лицо и смотри, – закончила Эллин. Анна удивлённо посмотрела на неё. Та, поняв, что Анна её не слушала, только укоризненно вздохнула и хотела было повторить объяснения, но тут совещание у мужчин закончилось.

– Девчонки, по коням! – крикнул Ратомир.

Всадники вскочили в сёдла и сразу же пустили коней в галоп. Снова по сторонам заструились фиолетовые узоры. Только теперь они были в один цвет, почти чёрные. Изменение их было не цветное, а скорее из-за насыщенности чёрным. Зарницы, похожие на длинные кроваво-красные молнии, вспыхивали и отражались на доспехах воинов. Серебрились шлемы и кольчуги, зловещим, рубиново-красным цветом отливало кольцо на шлеме Анны...

Всадники скакали уже несколько часов. Сколько именно, Анна сказать не могла. Часов у неё не было, усталости она не чувствовала. Поле сражения значительно приблизилось, уже ясно видны были пылающие дома, а за ними – высокая каменная гряда, подножие которой освещалось пламенем пожаров.

Несколько раз по дороге им попались конные разъезды. От них всадники узнали, что Шаарсен ещё держится в развалинах Города, но армии Моора уже дважды прорывались на равнину. Рон оба раза сумел отразить нападения и ликвидировать прорывы, но солдаты Моора всё прибывали и прибывали.

Новости заставили всадников поторопиться. Минут через сорок впереди показалась какая-то светлая полоса. По мере приближения полоса приобретала очертания большого растянутого войска. Отряд мчался прямо туда. Когда они оказались на расстоянии нескольких сотен метров, Анна разглядела, что это были всадники, стоявшие в несколько десятков рядов лицом к месту битвы. На всех были светлые доспехи, и Анна поняла, что это стражи других уровней, прибывшие на помощь. От рядов всадников отделился небольшой конный отряд и поскакал им навстречу.

– Это Рон, – произнёс Семург. Рон поравнялся с Андреем и вскинул руку в приветствии:

– Приветствую тебя, Повелитель. Мы ждали тебя. – ска-

зал он. Анна склонилась к Эллину:

– Эллину, а почему его все зовут Повелителем? Он что, действительно повелитель мира?

– Не совсем, – улыбнулась Эллину. – Дело в том, что он может закрыть статис, и, в некотором роде, является повелителем белых сил вообще. Ну, то есть, повелителем белой силы как силы. Но он отнюдь не является повелителем людей или миров. Да и вряд ли в реальном мире возможен такой властитель. Только в хаосе нереального может возникнуть такой властелин. Но здесь, на фиолетовых равнинах, мы все ему подчиняемся, так как только от него зависят все наши действия.

Анна выслушала Эллину, а потом, с некоторым трепетом, задала вопрос, который её волновал после разговора с Андреем у костра. Но прямо спросит она не решилась:

– Эллину, а... сколько тебе лет?

– Ты хочешь узнать, сколько ЕМУ лет? – понимающе улыбнулась та в ответ. Анна согласно кивнула головой.

– Не волнуйся, ему лет тридцать, он такой же человек, как и ты. – Эллину запнулась и недоумённо посмотрела на Анну:

– А ты-то человек? – спросила она.

Анна поняла невольную двусмысленность ответа Эллину и поспешила ей на помощь:

– Эллину, я человек, я родилась на Земле девятнадцать лет назад, почему и как я стала Чёрной Принцессой, я не знаю.

– Ну, и Он тоже родился на Земле, – Эллину облегчённо вздохнула. – Повелитель Света – это, как бы сказать, способность, передаваемая как бы по наследству, но не по прямой линии, а, скорее, по состоянию духа, что ли. Но точно этого никто не знает. Я знаю только одно: наши учёные каким-то образом находят нового Повелителя. Он тайно проходит подготовку. Это облегчается ещё и тем, что на фиолетовых равнинах нет времени, вернее, нет старения. А, может, и то, и другое вместе. Во всяком случае, пробывший на фиолетовой равнине даже сто лет, при возвращении в свой мир попадает в ту же временную точку, из которой он ушёл, ну, может, с разницей в несколько часов. При этом он внешне не изменяется, физического старения для него нет. Но сейчас не время об этом...

– А «потом» может не быть вовсе, – упрямо возразила Анна, но продолжать расспросы не стала.

Тем временем Рон доложил об обстановке. Она оказалась даже хуже, чем о ней рассказал Симуриг. Хотя Шаарсен всё ещё каким-то чудом держался, не оставалось сомнений, что враг сумел накопить по эту сторону статиса достаточно сил, чтобы сокрушить оборону не только Шаарсена, но и вообще всех дружинников Света. По подсчётам Рона, сейчас в Городе накопилось не менее ста пятидесяти – двухсот тысяч воинов Тьмы. Дружинников Света было не более пятнадцати тысяч. Конечно, отовсюду шли подкрепления, но пока они подойдут, Моор вырвется на просторы равнин, через Врата статиса он сможет перебросить сколько угодно воинов, и тогда он сумеет дойти до

Холмов. Там его будет не остановить.

– Почему? – задала вопрос Анна.

– Принцесса, – ответил Ратомир, – на равнинах механизмы и машины не работают, но на Холмах они уже ДЕЙСТВУЮТ. Добравшись до холмов, Моор сможет там установить свой трансфер – а он наверняка располагает чем-нибудь подобным, – и тогда он вместо сложного и относительно узкого пути через Врата статиса сможет напрямую перебрасывать свои силы на холмы. И не только солдат – любые механизмы, любое оружие, корабли и всё, чем он ещё располагает. А это конец. Остановить его мы не сможем, никто не сможет. Реальный мир намного меньше и физически слабее безумия и хаоса.

Только после этих слов Анна сообразила и поняла всю опасность положения. Она поразилась выдержке этих людей, на глазах которых рушился мир. Может, это от безнадёжного отчаяния? Но, взглянув в их глаза, Анна поняла: нет, это – другое.

Анна взглянула на равнину и увидела, что от Города стремительно отходят в разные стороны группы и группы, даже одиночные воины в светлых доспехах. А за ними, широким чёрным потоком, разливается море чёрных воинов. Их было так много, что казалось невозможным даже приблизительно определить их число. Армии Моора устремились в решительную атаку.

Анна взглянула на светлых рыцарей: чего они медлят? В этот момент Андрей окликнул её и Ратомира. Они подъехали, Эллину увязалась за ними. Андрей обратился ко всем сразу:

– Моор начал атаку, задержать его мы не сможем. Остаётся только одно: нужно прорваться во Вратный зал и закрыть статис. Тогда, сколько бы врагов сюда не проникло, опасность будет ликвидирована. Поэтому ты, Рон, возьми пять тысяч воинов и оцепишь периметр. Будешь прикрывать нас с тыла. Постарайся, по возможности, не выпускать воинов Моора из кольца. Если оцепление будет прорвано, бросай всё, сдвигай все силы в кулак и иди к нам на помощь. Симуриг, мы с тобой с восемью тысячами будем прорываться в зал статиса. Только вперёд, другого пути нет. Ратомир и ты, Анна, вы останетесь с двумя тысячами здесь. Ратомир, ты головой отвечаешь за принцессу, ты должен быть там же, где и она, послужишь её щитом. Если мы не сможем прорваться в зал статиса, вместе с принцессой отойдёте к Холмам и там соединитесь с остальными силами. Дальше – по обстоятельствам. Возражения есть?

Прежде, чем кто-либо успел открыть рот, вперёд выехала Анна. – Андрей, я останусь с тобой, – твёрдо сказала она.

– По местам! – выкрикнул Андрей и, когда Рон и Симуриг ускакали, ласково взяв Анну за руки и, глядя ей в глаза, сказал:

– Девочка моя, я тебя люблю, но ты последняя надежда. Только ты сможешь закрыть статис, если меня... если мне не удастся это сделать. Если мы погибнем вдвоём, не

останется даже надежды. Будь умницей, до встречи!

Андрей поцеловал её и прищипил коня. Светлые дружинники расступились, пропуская Андрея вперёд, а сотня всадников, во главе с Симургом, замкнула вокруг него кольцо. Земля задрожала под копытами.

Анна, глотая слезы, осталась на месте. Справа от неё, неподвижный, как статуя, застыл Ратомир, слева – Эллин. Анна не видела, как по команде Ратомира оставшиеся воины сомкнулись кольцом. Она не замечала, как чёрное воинство во многих местах соприкоснулось с границей оцепления и как воины Рона отчаянно сражаются, сдерживая их натиск. Анна видела лишь, как отряд Андрея врезался в чёрные ряды, разметал их, прошёл, как ледокол, оставляя за собой просеку из кровавых тел, доскакал до домов и скрылся в пылающих развалинах.

Анна с болью отметила, как мало светлых воинов, что на каждого витязя приходится десятки врагов. Прошло минут десять после того, как последний воин скрылся за домами. Внешне на поле ничего не изменилось. Всё так же напирали чёрные полчища, и так же твёрдо и нерушимо стояли воины Рона. Сотни и тысячи воинов Моора падали сражённые, но их место занимали новые тысячи. Они всё шли и шли.

Анну охватило отчаяние: если здесь, где воины стояли плечом к плечу, так трудно, то что же делается там, среди развалин? Шли минуты, десятки минут. Отчаяние Анны возрастало. Неожиданно она почувствовала на своём запястье руку Эллина:

– Кольцо, – произнесла, почти прошептала она, – кольцо слежения!

Анна вспомнила о подарке Эллина и рывком опустила кольцо на лицо. Сначала она ничего не увидела, но затем сражение, которое она видела сквозь кольцо, померкло, а внутри кольца появилась достаточно чёткая картина. Вначале от неожиданности у Анны перехватило дыхание, затем на неё обрушилась волна изумления и ужаса: картина и впрямь была феерическая и страшная. Дружинники, уже пешие, сражались плечом к плечу среди пожарищ. Пламя отсвечивало на их мечах и доспехах, временами казалось, что в руках сражающихся не мечи, а пылающие угли, а сами они – языки огня. Строй же чёрных воинов, наоборот, потерял очертания и в свете пожаров казался какой-то чёрной не то тучей, не то стеной, ошестинившейся мечами и копьями.

Андрей сражался без щита, в каждой руке его сверкал меч. Дружинники, как могли, прикрывали его с боков и сзади. Мечи в руках Андрея казались живыми. Его удары повергали всё в прах. Андрей шёл вперёд и только вперёд. Вслед за ним ступала его дружина. Путь за ними был засыпан павшими.

Анна была так поглощена этим зрелищем, что ей казалось, что это она там, среди развалин. Удар, защита, выпад, полшага назад, пока свалится тело, снова удар, рывок, парирование – ещё кто-то упал сбоку. Вперёд! Удар ногой, выпад – рывком сбросить тело, блок крестом – против силь-

ного удара секирой, поворот на полкорпуса – удар! Безголовое тело валится вперёд, под ноги. Не отставать! Удар!...

Из этого состояния её вывело прикосновение руки. Тотчас же картина в кольце потеряла чёткость и исчезла. Анна оглянулась вокруг и ужаснулась. Оцепления Рона уже не было, лишь отдельные группы ещё сражались, сдерживая натиск чёрных орд. Основные уцелевшие силы Рона прорывались к Городу, на помощь рыцарям Андрея. Но их было не более тысячи.

Кроме того, Анна заметила, что наиболее сильные заградительные отряды стоят между чёрным воинством и насыпью, где находится отряд Ратомира. Сам Ратомир молящим взором смотрел на Анну. С другой стороны ёрзала от нетерпения Эллин.

– Ну, – выдохнул Ратомир, – ты видела? Что ТАМ?

Анна, как могла, описала увиденную картину. Ратомир развернул схему и нахмурился. Он показал Анне на схеме место, где, по его понятиям, мог находиться Андрей. Он был в трёх ярусах от входа в привратный лабиринт.

В этот момент впереди раздались громкие возгласы и шум битвы. Передовые чёрные отряды прорвались через основные заградотряды и вступили в схватку с небольшой группой воинов прямо перед кольцом Ратомира. Анне стало страшно: она всё-таки была обычной городской земной девушкой, никогда не державшей в руках оружие. Ратомир среагировал мгновенно: – Эллин, милая, возьми триста человек, удержи их! Сделай это, и... я люблю тебя. Эллин и Ратомир обнялись и поцеловались. Эллин тронула коня, выкрикнула какой-то приказ на неизвестном Анне языке и понеслась вперёд. Триста воинов отделились от отряда и полетели за ней. Удар Эллина был стремителен и неотвратим. Чёрные войска, окружившие последний отряд, были смяты и изрублены. Оставшиеся в живых воины присоединились к отряду Эллина и образовали прочный заслон. Они сумели обратить в бегство толпы врагов. На время площадка перед отрядом Ратомира очистилась, но от Города, где в полном окружении сражались последние воины Рона и Шаарсена, объединившиеся в один отряд, шли новые толпы.

– Смотри, – хрипло проговорил Ратомир, – смотри дальше!

Анна снова взглянула в кольцо. На этот раз картина проявилась сразу. Анна увидела, что Андрей и его воины сомкнулись в тесный круг на какой-то площади. С одной стороны площадь обрамляли горевшие здания – «интересно, из чего они сделаны, что так долго горят?» – промелькнула ни к селу ни к городу мысль в голове Анны. С другой стороны площади полукольцом возвышались отвесные скалы. Прямо посредине скал виднелся вход в огромную пещеру. Оттуда выходили и выходили чёрные рати. Моор гнал в битву всё новые силы.

У Анны от ужаса свело пальцы: она увидела, как мало осталось в живых дружинников. Анна поняла, что у Андрея не хватит сил пробиться к стене статиса. Не хватит совсем немного, может быть, тех самых двух тысяч, стоящих

за спиной Ратомира. Анна «погасила» картину и стала умолять Ратомира вмешаться в битву, но тот был неумолим. Лицо его побледнело от бессильной ярости, но он произнёс:

– Я не могу, Принцесса. ОН приказал быть там, где и Вы, быть вашим щитом.

Ратомир не смотрел Анне в глаза, но его поза, казалось, говорила сама за себя: я не могу вступить в битву без приказа, но ведь ТЫ-то можешь! Тогда я последую за тобой!

Анна поняла его, но ей, незнакомой с опасностями, неподготовленной было до боли страшно окунуться в эту кровавую мясорубку.

Между тем чёрные отряды ударили по отряду Эллин. Казалось, чёрный прилив обрушился на сияющий утёс. Во все стороны полетели «брызги» – разбегающиеся в ужасе чёрные воины..., но следом шла другая волна. И тут Ратомир вскрикнул: Эллин покачнувшись в седле. Из её плеча торчал обломок дротика. Эллин зажала рукой рану, но меч не выронила, и ближайший к ней воин рухнул из седла.

Ратомир рванулся было вперёд, но, взглянув на Анну, остановился. Анна увидела, что в уголках глаз Ратомира блеснули слезы отчаяния. Чтобы не видеть этих глаз, она вновь взглянула в кольцо. Внезапно острее чувство беды перекрыло всё, что она до этого испытывала: возникшая перед Анной картина была настолько чёткой и реальной, что ей показалось: бой идёт в нескольких шагах от неё. С замершим, остановившимся сердцем Анна увидела, как рухнул, пронзённый чьим-то копьём дружинник, прикрывавший Андрея.

Как в замедленном кино Анна увидела, что страшный удар секиры обрушился на левое плечо Андрея, смял доспех и швырнул Андрея на землю. Душа Анны заледенела, и, уже не испытывая ничего, кроме ледяной пустоты и отчаяния, Анна увидела, что секира взметнулась для нового удара. «Н-е-е-е-г!» Анна рывком отбросила кольцо на шлем. Огромная, всепоглощающая ярость, подобно развернувшейся пружине, захлестнула её. Меч сам собой прыгнул ей в руку. Тело обрело уверенность, рука – силу. Конь взвился на дыбы и полетел стрелой вперёд. Дружинники едва успели расступиться – Анна уже была перед строем чёрных воинов.

– Нет! – воскликнула она ещё раз. Удар! Обезглавленное тело откатилось под ноги коню. Ещё удар, и ещё один чёрный воин валится на землю.

Охваченная ненавистью и яростью, она не видела, не замечала, как с радостным кличем устремились вслед за ней Ратомир и его рыцари. Они горной лавиной смели чёрных воинов, окруживших отряды Эллин и Рона. Вслед за Анной воины летели к городу, и ничто не могло остановить их.

Анна не заметила даже, что кольцо свалилось со шлема. Поэтому она не могла видеть, как дружинники сдвинули щиты и закрыли Андрея от удара. Она не знала, что Сатург, уже дважды раненый, сразил воина, свалившего Андрея. Она не видела, как Андрей, которого спасла крепость

доспехов, опираясь на плечо Сатурга, тяжело поднялся с земли. Левая рука его, онемевшая от удара, висела плетью. Но меч в правой руке был по-прежнему смертоносен.

Придя в себя, Андрей снова вступил в бой. Только теперь слева от него шёл Сатург, и страшен был каждый удар их мечей. Оставшиеся в живых воины Андрея пробились ко входу в Лабиринт. Там было уже полегче, узость коридоров не давала врагу использовать численное превосходство. Но дружинников осталось так мало!

Отряд Анны мчался по улицам Города. В глазах Анны стояли слезы: ненависть уступала место горю. Не сразу осознала Анна, что на неё и на её отряд никто не нападает. При виде неё чёрные воины либо бросали оружие и разбежались, либо валились ниц. Меч был по-прежнему в руках Анны, но она им не пользовалась. Анна смотрела по сторонам и память её механически запоминала детали, но душа Анны была подавлена горем.

На одном из перекрёстков она увидела огромную груды тел в чёрных доспехах. Над нею в полный рост стоял воин с мечом в руке. Это был Рон. Он улыбался, улыбался как человек, хорошо сделавший свою работу. Грудь его была пробита десятком копий, намертво пригвоздившим его к стене.

В другом месте она увидела курган из нескольких сот голов. В центре него был воткнут кол, увенчанный головой. У головы были выбиты глаза, отрезаны нос и уши. Ратомир тронул Анну за плечо и, указывая на голову, с горечью произнёс: «Это Шаарсен»

Так, погружённая в горе, Анна скакала через этот город скорби. А впереди, как ей казалось, её ждало ещё большее горе. Хотя могло ли быть для неё ещё что-нибудь страшнее? Андрея, её Андрея больше нет! Но есть ещё проклятая стена статиса. Она будет умицей, статис будет закрыт. Но не исполнится древнее пророчество Моора – Повелитель Света и Чёрная Принцесса не встретятся у стены.

Неожиданно для Анны, её отряд вылетел на площадь, ту самую, которую видела Анна в кольце. Увидев Чёрную Принцессу, находившиеся на площади чёрные воины бросились врассыпную.

В ужасе Анна увидела, чем они занимались. Воины Моора рубили на куски тела погибших дружинников. Анна побледнела. Ей представилось тело Андрея, порубленное мечами. Её вновь охватил гнев. Пришпорив коня, она подскакала к воротам Лабиринта.

Всё вокруг было завалено телами погибших. Пол в коридорах покрывали убитые воины. Вокруг никого не было. Рыцари Ратомира спешили и вслед за ним и Анной вошли под своды Лабиринта. Пройдя несколько поворотов, Анна увидела в глубине коридора группу воинов. С ног до головы они были в крови, поэтому трудно было понять, кто они. К тому же мертвенный свет, исходивший от стен, искажал цвета и пропорции. Лишь подойдя ближе, Анна разглядела, что это были воины Света. Впереди них стоял Сатург, опираясь на плечо одного из дружинников. Анна пошла к нему испросила:

— Где он?

— Там, — махнул Симуург куда-то вглубь коридора. — Спешите! Вы еще можете его спасти. Со мной же остались только те, кто не может двигаться.

Анна заметила, что воины, находившиеся с Симуургом, изранены и стоят, опираясь на стены. Многие не могли даже стоять.

«СПАСТИ?!» — это слово не сразу дошло до сознания Анны. Значит, Андрей... жив?! Отвечая на её немой вопрос, Симуург сказал:

— Да, он жив. Он и с ним несколько воинов прорвались в зал статиса. Спешите!

Горе Анны мгновенно сменилось необузданной радостью и энергией. Теперь её уж точно никто не остановит, она будет рядом с ним! Анна бегом устремилась вперёд, Ратомир, Эллин и остальные воины — за ней.

С разгона Анна влетела в огромную пещеру и замерла на пороге: пещера была просто необозримой, несколько сот метров длиной. В высоту она была не менее ста метров, и приблизительно такой же была в ширину. Противоположная далёкая стена пещеры чернела огромным провалом, это и была стена статиса.

Но не пещера остановила Анну: у самого входа, прижатые к стене, отбивались от врагов Андрей и последние пятеро дружинников. Прибытие Ратомира и его отряда изменило соотношение сил. В проёме статиса возникла невообразимая давка. Бегущие в ужасе воины смешались с теми, кто двигался им навстречу. Никакого сопротивления не было и в помине. А сзади, настигая их, уже надвигались воины Ратомира.

Но Анна ничего этого уже не замечала. Она стояла, обняв Андрея, плакала от радости и не могла сказать ни слова. Андрей, выпустив из рук меч, устало откинулся на стену. Левая рука его, всё ещё парализованная ударом секиры, бессильно свисала вдоль тела. Правой рукой он обнял Анну за плечи, и Анна чувствовала всю усталость, навалившуюся на них.

Так прошла минута. Затем Андрей ласково отстранил от себя Анну и, подняв меч, направился к стене статиса. Подойдя к ней на расстояние броска копья, Андрей медленно, преодолевая боль и онемение, поднял руки вверх, взял меч двумя руками за рукоять и остриё его направил на стену мрака. Анна ясно видела, как из острия меча ударил белый луч, скрывшийся в стене. Стена на глазах стала менять цвет — из матово-чёрной она стала молочно-белёсой. Движение через стену прекратилось, но радужной, как говорил Андрей, стена статиса не стала. Анна видела, как напряглось тело Андрея, как свело скулы, но ничего не менялось.

— Я не могу закрыть его! — выкрикнул, опуская меч, Андрей.

Анна подбежала к нему, и тут середина Стены с треском раскололась, полыхнула фиолетовая молния, и через образовавшееся отверстие в зал вошли пятеро воинов. Один из них, тот, который шёл посередине, был на голову

выше остальных. Лицо его скрывала чёрная маска-забрало. В руках у него не было оружия, но из-за правого плеча виднелась рукоять тяжёлого двуручного меча. Воины, шедшие с боков, расступились, и человек в маске оказался прямо напротив Андрея. Все, находившиеся в зале, замерли.

Неизвестный рассмеялся, и смех его раскатисто и издевательски прозвучал под сводами.

— Ну вот, я и пришёл, — закончив смеяться, произнёс он. — «Когда Повелитель Света и Чёрная Принцесса встретятся у стены статиса в Час рока, я приду, и решится судьба Мира». Вот я и пришёл!

— Моор, — выдохнул Андрей.

— Да, это я, — ответил пришедший. — Пять раз от сотворения Мира я переходил эту границу, и пять раз на моём пути становился Повелитель Света. Но сейчас сила на моей стороне. Сейчас у стены мы вдвоём. Сила Чёрной Принцессы поможет мне. Я знал, что она есть, я искал её, я звал её. И вот она здесь. Я доволен, с её помощью я войду в этот мир.

— Не выйдет, — твёрдо сказала Анна, становясь рядом с Андреем, — твоё воинство побеждено! А я, я люблю его, и ты ничего не сможешь сделать!

Хохот Моора потряс стены. Казалось, что даже его маска кривится от громового смеха.

— А тебе ничего и не надо делать, глупая, — сквозь хохот произнёс Моор, — достаточно того, что ты здесь. Ты думаешь, это я помешал ему закрыть статис? Нет, это твоя сила, соединённая с моей, помешала ему. Ты — часть твоего Мира, часть его силы, которой я могу управлять. Даже бессознательно, попав в этот зал, ты помогаешь мне. А если захочешь, — голос Моора изменился, он стал мягким и обволакивающим, он туманил сознание и не давал сосредоточиться, — поможешь мне и по доброй воле. Только захоти, и мы вместе будем повелевать этим Миром — ты и я. Это в твоей власти.

Голос Моора проникал в сознание Анны, глушил чувства, останавливал мысли. Лениво шевельнулось желание: а почему бы и нет? Ведь сделать надо не так уж много...

— Анна-а-а-а... — донеслось откуда-то издалека. «Зовут? Ну и пусть зовут, её-то какое дело?» Анна всё глубже и глубже погружалась в апатичное состояние. Перед глазами стояла улыбающаяся маска Моора. Разве может маска улыбаться? Странно... Нет, это не маска, это лицо человека. Знакомое лицо. Человек устал, но доволен...

— Анна-а-а-а!! Кто бы это мог быть? Она точно знает его, видела совсем недавно.

— Анна-а-а-а!!! Кто это её зовёт, голос знакомый и ... РОН!!! Анна вспомнила, она всё вспомнила! Эта улыбка была на лице прибитого копьями к стене Рона. Голос, который её зовёт — голос Андрея, её Андрея. Андрей, где ты? Анна выплыла из тумана забытья, мир вновь приобрёл реальность. Моор, стоящий перед ней, отступил на шаг. Его голос звенел от гнева:

— Ты смеешь противиться моему могуществу?! Так смотри же, как умрёт твой Повелитель.

Моор выхватил из-за спины меч и тяжёлым, разящим ударом обрушил его на Андрея. Андрей, смертельно уставший в предыдущих схватках, всё же успел среагировать: толчком плеча он отбросил в сторону Анну, сам же покати́лся в другую. Клинок Моора обрушился на пол, посыпались искры. Моор молниеносно развернулся и вновь занёс своё оружие.

Андрей уже был на ногах, сжимая свой меч в правой руке. Левая рука его всё ещё плохо слушалась, и он не мог ею владеть. Удар! Меч Моора скользнул по умело подставленному мечу Андрея и ушёл в пол. Усталость помешала Андрею воспользоваться этим, и его ответный удар Моор парировал. Удары учащались, с клинков сыпались искры. Бойцы кружились по залу, ни на секунду не упуская противника из виду.

В какое-то мгновение Андрей оказался спиной к одному из чёрных воинов. Тот занёс для удара копьё, но, прежде чем он его нанёс, в воздухе сверкнул кинжал Ратомира, и чёрный воин упал на пол, сражённый метким броском.

Бойцы даже не заметили этого, их внимание было поглощено друг другом. Моор правильно рассчитал, что уставший и раненый Повелитель не сможет долго сопротивляться. Удары Андрея потеряли силу и быстроту, защита стала более проницаемой. На какую-то долю секунды он раскрылся. Чёрный меч Моора, сверкнув, описал в воздухе восьмёрку.

Первый удар выбил меч из рук Андрея, второй оставил на его щеке тонкую царапину, из которой сразу же стала сочиться кровь – Андрей всё же успел уклониться. Третьего удара не последовало. Развернувшись, Андрей нанёс круговой удар ногой – урамаваши. Удар достиг цели. Сбитый с ног Моор покати́лся в сторону. Андрей подхватил своё оружие и вновь встал в оборонительную стойку. Но Моор не спешил вставать: оглянувшись, он вдруг отбросил свой меч и метнулся к Анне. Всё произошло настолько стремительно, что никто не успел среагировать. Моор левой рукой обхватил шею Анны, а правой приставил к её горлу кинжал.

– Брось оружие, – потребовал он, – не то она умрёт! Меч Андрея звякнул о плиты пола.

– Вот так-то лучше. Ты оказался сильнее, чем я думал, но и на тебя есть управа, – Моор отбросил кинжал, поднял с пола меч.

– Ты не хотела мне помочь? Ну что же, теперь смотри, как погибает твой герой.

Моор оттолкнул Анну в сторону, и с занесённым мечом шагнул к Андрею. Клинок свистнул, но Андрей сумел уклониться, сам не понимая как. Но при этом движении он потерял равновесие и упал на спину.

– Ну, вот и всё! – воскликнул Моор и занёс оружие для последнего удара.

– НЕТ! – закричала Анна. Её охватило то же чувство, что и тогда, перед сражением, когда она видела падающего под секирой Андрея. Единным движением она выхватила из кольца на поясе свой меч и швырнула его Андрею. И Андрей успел! В падении он успел среагировать, подхва-

тил оружие за рукоять и резко выбросил руку вперёд и вверх. Удар был точен и неотразим. Остриё клинка вошло в горло, под маску. Моор странно булькнул, захрипел и, выронив меч, опрокинулся на спину. На глазах у изумлённой Анны он и его воины стали как-то растекаться, рассеиваться и чёрными облачками втянулись в шель статиса. Стена сразу же закрылась, и по ней побежали радужные разноцветные всполохи.

– Статис закрылся, – не то доложил, не то просто сказал Ратомир.

Андрей поднялся с пола, отбросил в сторону ставший уже ненужным меч и подошёл к Анне. От всех переживаний лицо её осунулось и как-то повзрослело. Лишь глаза её, большие серые глаза, которые так любил целовать Андрей, смотрели по-прежнему живо и юно. Андрей обнял Анну и тихо прошептал:

– Девочка моя, спасибо...

Анна потянулась навстречу, её губы коснулись губ Андрея... ..Ослепительная белая вспышка полыхнула в её сознании, ещё, и ещё... Вспышки следовали одна за другой. Пространство вокруг неё стало вращаться, вспышки слились в единый пульсирующий фон. И вдруг наступила тьма...

Анна открыла глаза. В первое мгновение она не поняла, где находится и что с ней произошло. Потом её утомлённое сознание стало фиксировать окружающее: качающиеся над головой ветки сирени, ласковое солнце, щебетание птиц, плеск воды, запах дыма и шашлыка. Анна скосила глаза и увидела сидящего рядом и улыбающегося Андрея. В руках он держал огромный букет сирени.

– Что, маленькая, я тебя разбудил? Ну да ничего, всё равно скоро обедать. Это – тебе, – Андрей протянул Анне букет.

Анна, всё ещё ничего не понимая, взяла букет, но тут же положила его рядом с собой на землю и села.

– А как же статис? – спросила она.

– Какой статис? – улыбнулся Андрей, но брови его удивлённо поползли вверх.

– Но Ратомир...

– Какой Ратомир? – брови Андрея взлетели ещё выше.

Анна недоумённо огляделась, а потом рассмеялась. «Наверно, мне всё приснилось, – подумала она, когда её взгляд упал на книгу, лежащую на коленях, – недаром Андрей говорил, что сознание может сыграть с нами самые разные штуки». Но тут взгляд её упал на плечо Андрея, и Анна вздрогнула: на его левом плече виднелся огромный синяк, совсем свежий.

– Откуда это у тебя? – встревоженно спросила она.

– Ах, это! Это я свалился с дерева, когда лазил за сиренью, – беспечно ответил Андрей.

Анна посмотрела на высокие ветви сирени, и тревога опять покинула её. Наверно, всё так и было. Андрей упал с дерева, и заработал этот синяк. Синяк и эту тонкую горизонтальную царапину на щеке, с которой он только что незаметно стёр кровь...

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Александр Челноков, редактор раздела.

А. БЕЛЫЙ

Пятерка на Полярном

Е. РОТБЛЮТ

Из туристических дневников
и записных книжек

А. СЕРЕБРЯКОВ

Ночной поход на Шунут

В. КОРОЛЕВ

ТрансАзия. Великие озера Азии
и другие материалы

Декабрь, наверное, самое приятное время в году. Приятное своей насыщенной суетой. Даже у нас в редакции с приближением Нового года ощущается огромный объём работы, но, не смотря на это, всё делается как-то легко, без напряжения.

Что ни говори, приближение праздников каким-то необыкновенным образом стимулирует человека. Даже прохожие на улицах, кажется, расцвели. С каждым днём всё больший интерес вызывают прилавки с мишурой и ёлочными игрушками. И, наверняка, в эти дни взрослые начинают верить в Деда Мороза и в то, что грядущий год будет, без сомнения, лучше предыдущего. Вдруг возникает спонтанное желание купить домик в деревне, и обязательно с большой красавицей ёлкой во дворе, чтобы можно было её украшать и водить вокруг шумные хороводы.

Да, декабрь, как ни крути, удивительное время безумных мечтаний и ожидания чудес. Надеюсь, что все сокровенные желания в будущем году сбудутся. Да и как может быть иначе, ведь даже небо в декабре над нами совсем другое. И этот пушистый снег добавляет волшебства в хмурую обыденность. И ёлки у торговцев на улицах с каждым днём становятся для нас актуальнее политики.

А это уже хорошо.

С НОВЫМ ГОДОМ!

Зам. редактора раздела «Встречный ветер»
Раскольникова Маша.

Андрей БЕЛЫЙ, г. Березники Пермской обл.

Пятерка на Полярном

Идея организовать поход пятой, высшей из возможных на Урале категории сложности, возникла у Андрея Затонского три года назад. Мало кто в Березниках был готов к такому походу. И все-таки, за несколько лет группа единомышленников была собрана. Всем им хотелось испытать себя перевалами, вершинами, переходами по каньонам, ледникам и болотам.

За день березниковцы проходили от 15 до 23 километров. Это довольно много, если учесть, что девушки несли на себе рюкзаки весом по 24-27 кг – половину своего веса. Мужчинам доставалось на 10 кг больше.

Поход пятой категории сложности подразумевает прохождение 250 километров. Это расстояние необходимо преодолеть за 20 дней. Многолетним опытом доказано, что продуктов на большее количество дней унести невозможно. В этом походе на каждого участника было предусмотрено 630 г продуктов в день.

Для того, чтобы сделать питание полноценным, калорийным и небольшим по весу, приходилось идти на разные хитрости. В походе необходимо мясо, которое не портится. Тушенка – лишняя тяжесть. Ребята приготовили мясо самостоятельно. Они шесть часов варили его в жире. В результате мясо потеряло две трети своего веса, но при этом сохранило все питательные и вкусовые свойства.

Не последнюю роль в рационе играл и спирт. Но совсем не для того, чтобы весело отмечать очередное восхождение. В походе нагрузка резко увеличивается, организм настолько устает, что ему сложно полностью переваривать пищу. Спирт помогает лучшему усвоению пищи, а, кроме того, это довольно калорийный продукт.

Лето в тундре длится около полутора месяцев. Примерно в середине июля сходит снег, и вся природа оживает. Растения стремятся успеть за три-четыре недели зацвести, дать семена и подготовиться к очередной полярной зиме.

Одновременно распускаются ветреница и иван-чай, незабудка и лютик. Тундра наполняется жизнью. Именно в это время туристы из Березников начали свой поход по Полярному Уралу.

Выйдя из поезда в поселке Полярный, они на вездеходе добрались к началу маршрута на реку Хадата.

Березниковские туристы прошли по наиболее красивой и сложной северной части Полярного Урала. Ребята восходили на вершины в хребтах Оченырд, Лядгей, истоках реки Малая Кара, Горно-Хадатинском узле. На многие из них приходилось забираться с помощью специального снаряжения, со страховкой.

Вообще, сложности подстерегали туристов на каждом шагу. Были переходы по болоту и леднику. Им приходилось идти по осыпи и по камням размером, например, с холодильник.

Каждая встреча с человеком посреди бескрайней тундры – событие. Туристы из Березников за все время похода встретили четыре семьи оленеводов. В отличие от южных народов, которые, вопреки сложившемуся мнению, вовсе не отличаются гостеприимством, мешают туристам излишним вниманием, а иногда и пытаются вымогать, местные жители очень радушны и миролюбивы.

Семья Вененго работает в одном из салехардских совхозов. Они пасут оленей. Их жизненный уклад соединяет первобытные традиции предков и последние достижения цивилизации. Живут они в чуме, покрытом и оленьими шкурами, и современным полиэтиленом. Позади жилища стоит японский дизель-генератор, и в любой момент они могут смотреть видео. Большой популярностью у них пользуются пластиковые канализа-

ционные трубы. Только используют их весьма своеобразным образом: разрезают вдоль и делают накладки на полозья нарт. Деревянные накладки нужно менять через каждые 100-150 километров, а пластиковые служат в три-четыре раза дольше. Да и оленям легче бежать, считают Вененго.

Мужчины в семье занимаются оленями, а женщины хозяйством. Девочки, как и их бабушки много веков назад, учатся вышивать традиционные узоры бисером. Так же, как и их далекие предки, Вененго знают несколько языков соседних народностей: манси, зырянский, вогульский, ненецкий. А дети, которые зимой живут в интернате, изучают еще и английский.

Сейчас, когда поход окончен, березниковцы удивляются, как им удалось совершить все задуманное. Туристы постоянно бывают на Полярном Урале. Однако редко кто составляет отчеты о своих путешествиях. Поэтому каждой последующей группе приходится самостоятельно решать, как взобраться на вершину или перейти перевал.

То и дело ребят подстерегали неожиданности. Например, при восхождении на хребет Оченырд, когда они поднялись до высоты 820 метров, перед ними оказалась отвесная скала высотой с пятиэтажный дом. Взобраться на нее было совершенно невозможно. Пришлось долго искать обход. Но все же Оченырд был покорен.

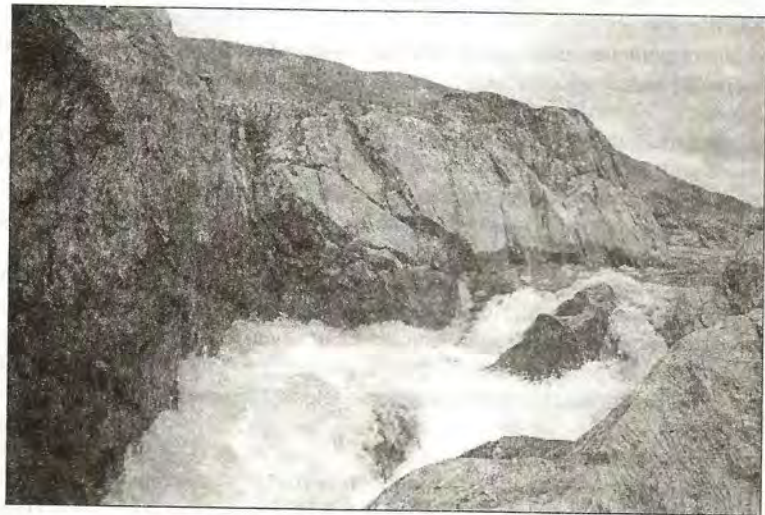
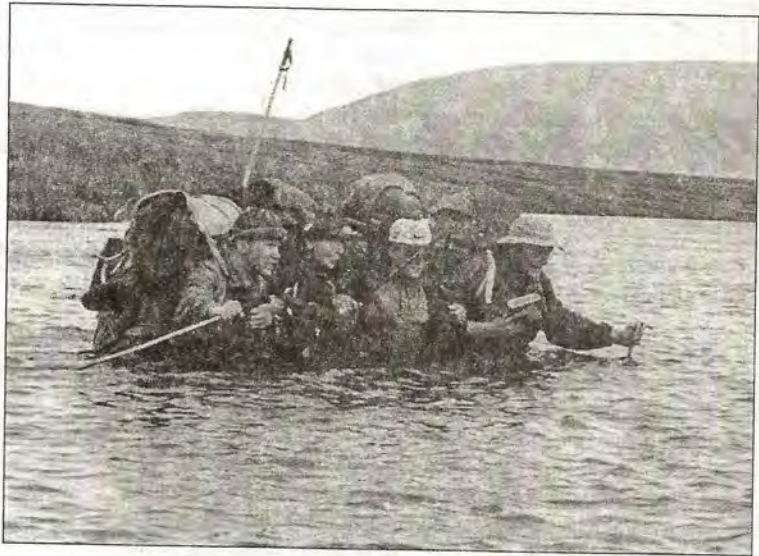
Бывали и приятные неожиданности, когда в скучной долине небольшого ручья вдруг обнаружился великолепный 40-метровый водопад.

После похода на Полярный Урал туристы могут легко причислить себя к моржам. Мыться им приходилось в речках и озерах, где вода намного холоднее той, что течет у нас из крана. Устроить туристскую баню в тундре, когда на костре раскаляются камни, невозможно. Для этого бы потребовалась не одна сотня килограммов дров. Карликовая березка не годится. Природа сама устраивала туристам душ. Как-то раз две девушки пошли мыться. Едва они намылили головы, как хлынул ледяной ливень.

Во время похода по Полярному Уралу березниковские туристы стали первопроходцами. Они первыми взойшли на вершину высотой 1149 метров над уровнем моря. За красоту березниковцы назвали ее Принцессой.

На этой вершине ребята сложили тур – пирамидку из камней. В ее основании они спрятали записку с информацией, что первыми восходителями здесь были березниковцы. Также они совершили первопрохождение сложного траверса между безымянными вершинами.

За время похода туристы из Березников вместо 250 км прошли маршрут протяженностью 334 км. Всего пройдено 7 вершин, 10 перевалов и 10 вододелов.

Из туристических дневников и записных книжек...

Я слышал: один человек очень долго шёл. И вот однажды вечером он увидел море. Оно волновалось, как большой догорающий костёр. И тогда человек понял, что всё остальное не имеет значения.

А может быть, я всё перепутал, и этот человек прожил всю свою жизнь в пещере, а однажды нашёл выход и увидел солнце. И тоже был вечер, и солнце было точно польня, точно пылающая прорубь. А может быть, он встретил розовую чайку, и была осень, и он её больше не видел.

Но одно я знаю точно: он понял, что всё остальное не имеет значения.

Я видел море. Оно пилило берег. Круто, по-мужски. Я видел его величие. И солнце — я часто вижу солнце и очень ценю его! Вот чайку я не видел. Но всё равно, я и тому, третьему не верю до конца. Конечно, чайка — живое существо, но ведь её можно встретить ещё раз... А я тебя уже не встречу никогда. Вот поэтому всё остальное не имеет значения. А если бы ты была со мной, если бы я был с тобой? Наверное, тем более, всё остальное было бы неважно.

Но надо, конечно, жить. По-человечески, а не как скотина. А всё остальное просто не имеет значения.

Я встречал погасших людей и не понимал, зачем вообще они живут! Они казались мне свечами без фитиля. А сейчас я понимаю — однажды они узнали, что всё на свете не имеет значения. Всё, кроме чего-то одного.

В отличие от настоящего эмигранта, промотавшегося до нитки, у меня ещё остаётся Земля. Я люблю её — это правда.

Всё-таки удивительна жизнь!

Я во Владивостоке.

Широкие листья, как сильные ладони, вселяют уверенность, придают силы, веры.

Сопки в куполах деревьев, точно тесно сбившиеся в кучу барашки пасутся.

Удивительный лес! Поры его, точно паутиной, затянуты подлеском. Кажется, сети развесили для просушки. И дышат они, точно нагретый колеблющийся воздух.

Жёлтые листья! Не наша сплошная зелень. Пятна стены и рамы.

Ключья зелёного дня.

Автобус из-за поворота — точно Кавказ -77. Удивительная жизнь.

Край приморского тумана, как край нечёсаной бороды.

Сами очертания сопки, изменяющих вид — стимул к жизни. И вот — море.

Въезжаю в город, и он становится реальностью, и нет уже никакой другой реальности.

Да, тот же дом, та же лестница, те же ступени — словно никуда и не исчезали.

Так я же и не уезжал.

Человеку нужны еда, тепло, любовь. А если всё есть, тогда главная опасность — скука.

Сосны: малыши ростом с ладошку, с пухлыми ровными пальчиками. Катаются по ковру, играя друг с другом. Гордые подростки, скрученные, но прямые взрослые.

Сосны больше всего похожи на людей.

Я люблю стоять на берегу моря и смотреть, как волны за волной накатывают на берег.

Есть люди, которые пытаются остановить море, превратить его в незыблемую сушу, на которой можно твёрдо стоять, а лучше — в бетон. Мне жаль этих людей.

В зыблущейся воде даже камни, кажется, дышат. А мертвое то, что выброшено на берег.

Я всем владею и всё люблю, всё понимаю и всё могу, я никому и ничему **нечужой**. Никогда я не чувствовал себя таким свободным и сильным. Был отгорожен от жизни, став постарше, делал вылазки, но если они затягивались, становилось страшно — и обратно в свой подвал! А сейчас я, кажется, развалил последние стены. И вокруг светло и свежо.

Как иссушает, опустошает бумага! Это всё равно, что останавливать волны.

Выход только один: и написанное должно быть колдовскими, неостановимыми волнами.

Остальное — мертвое.

Поэтому я не очень люблю фотографию. В ней есть факт, есть помпа, а нет чуда...

И факт и помпа бывают великолепными, но чуда-то нет!

Чудо — это колдовство неразделимого целого, всё едино!

Откуда-то в нас есть страх, и он ничем не объясним.

А это самый страшный страх — необъяснимый. Мы получили его в наследство?

Не все мои ровесники живут в страхе — вот они и счастливы, они молодые.

С дождём всё было давно уговорено, и сияющий в отглаженном собственном костюме, он едва ли не прыгал через ступеньки. Пешком шёл он по городу, а город, казалось, посвежел. Расклеены были новые афиши. Он любил афиши: они не успевали стариться, всегда были неожиданными, волновали. Он с удовольствием рассматривал понравившуюся афишу в пятый или десятый раз – в новом окружении... Так хорошую книгу или какую-нибудь безделушку он покупал оптом и не мог налюбоваться.

Только два интереса, делающих внимание свободным и безграничным: интерес исследователя и интерес любящего.

Внутренняя свобода. Смесь множеств «я» – развитых и зачаточных, состоявшихся и возможных... Вопросительный знак, желающий или пытающийся стать знаком равенства.

...Ты – художник, пишущий автопортрет в соавторстве с жизнью. Очевидность – ещё не Истина. Сначала человек играет роль, а потом роль – человека. Медленно, но верно и тело, и лицо, и чувства, и ум начинают принадлежать тому Некто, которого вы поселяете внутри себя.

Слепое повиновение МОДЕ. Человек всегда идёт вперед, к новому, даже если это на самом деле назад. И новое может оказаться чересчур старым, не задержавшимся в памяти. И поэтому человек, не помнящий своего прошлого, обречён пережить его снова.

Если он человек, не притих, идёт вперёд.

И вовсе не облегчение жизни – цель. Разве легче стала жизнь у воинов Чингисхана? Нет, дело всё же в росте человеческих сил.

Самолёт стоял, чуть подрагивая, и вдруг тронулся, и взрослые сравнялись с детьми: каждый притих, точно ребёнок в ожидании фокуса или неожиданного чудесного превращения. Каждый невольно тянется к окошку, точно пытаясь по лучше запомнить стандартное, как блюдо, серое поле с серыми строениями вокруг. Это власть необычайного предчувствия – как выйдешь из самолёта на другом уже краю страны. В поезде такого чувства не испытываешь: выйти можно в любой момент (и на ходу тоже). И нет провала, похожего на провал памяти.

Люди непохожи друг на друга. Люди настолько разные, трудно поверить. И вот что я всей душой ненавижу: когда всех равняют под одну гребёнку.

А больше всего ненавижу, когда людей уничтожают, равняют вообще со скотами!

Меня душат долги и замыслы. Долги нужно отдавать, а замыслы осуществлять!

ИНАЧЕ НЕ БЫТЬ СВОБОДНЫМ!

Меня душит праздность – праздник не для праздных людей! – и то, что я не в пути, что я на месте. А ведь я люблю путь и чувствую себя в пути счастливым! Что же мне мешает

прокладывать путь в этих стенах? Другой, непохожий – это и будет счастье?

Жажда земли. Не та, вторичная, жажда богатств и власти, а настоящая, первобытная жажда самой земли.

Разбуженная жажда, человек разбуженной жажды – заполнение пустоты. Дервиши в поисках счастья, а что его искать? Непромотанная жизнь и есть счастье.

Жизнь – вещь сквозная, и если обрезаны корни и побеги, оставлена мелкая лужа сиомиинутного столкновения – выходит убожество.

Евтушенко – мастер фаршировки, но фарш остаётся фаршем и не срывается с оболочкой. А вот у Куваева жизнь – цельный сквозной поток. Живой прежде всего. У Айтматова то же.

Это магия времени, биение времени – стебель жизни.

Но как добиваться того, чтобы разные времена срастались, а не соседствовали? Как это в жизни? Как в истории? Как, наконец, в книгах тех, кто владеет этой магией?

Человек потерял природную гармонию, Смириться, однако, не может, ищет «выравнивающий компонент» – и находит! И достигает гармонии на миг. (После перевешивает уже другая чаша).

А художник – тот, кто не на миг обрёл, а владеет ею всегда...

А есть люди, которые так привыкли летать, что не замечают ни взлёта, ни посадки, не испытывают ни чувств, ни предчувствий. Они читают газету или спят. Они быстро ко всему привыкают, эти люди. Они и к восходу солнца, должно быть, привыкли, увидев его однажды, и, наверное, прежде, чем он успел догореть. А скорее всего, они прочли о нём в газете.

Ошибка человека в том, что он разорвал мысль и чувство. Человек единственный в природе может мыслить равнодушно, бесстрастно (ещё гордиться этим!). А это его беда.

Она ставит вне природы. Вот дети – ближе к ней и не принимают демагогии... Ненцы.

Мы часто, бывает, вспоминаем иную минуту своей жизни и понимаем, что она была неповторимой, необычайной. Но не это ценно. А вот ощущать эту минуту тогда, когда она жива, увидеть её необычность, притихнуть и слышать гул жизни – вот что действительно дорого и никакой монетой не измерить. Как часто мы не разумеем притихнуть, за треском своих слов, шумом своих шагов, плеском своих вёсел не слышим вечно-го, мощного гула жизни.

Мы несвободны!

Свободу даёт знание плюс воля. Ещё должно быть сердце, но это уже не к свободе. Злой человек свободен часто, а добрый – реже, потому что должно всё сочетаться!

От того, что я понимаю, что я мыслю, я получаю наслаждение, которого ничто никогда у меня не отнимет. Действительно, что «я мыслю, значит, я существую».

* * *

Я не верю, что горе от ума. Горе от бессильного ума, от недоброго ума.

* * *

Я вижу и говорю правду! И я становлюсь нужен людям!

* * *

Зима для меня – прежде всего солнце!

* * *

Ни один человек никому не посторонний. Он сам делает себя таким.

* * *

Я верю в мысль и считаю, что как бы ни был покалечен человек, жестоко и беспощадно о себе трезво мысля – постоянно, работой, а не сеансами...! Он найдёт верный путь!

* * *

Я хочу будить людей, не давать им покоя, заставлять их вспоминать, что они вообще-то не сволочи! Чтобы у людей, уснувших в благополучии – ложь, что угодно! – чаще бывало похмелье, чтоб они активно осознали вдруг, что они – хорошие люди! – живут неправильно, по-свински! Чтобы у них защемило вдруг в груди!

* * *

Презираемые – «деловые люди». А ведь это те, с кем можно иметь дело! У каждого человеческого качества два полюса, и оба они, если говорить честно, достаточно отталкивают, и они всегда по сути – скупость и мотовство. И выходит должна быть какая-то мера. Но как не проскочить её?

И воистину все недостатки – это доведённые до крайности достоинства.

* * *

Сентябрь

Вода дрожит, как сердце в предчувствии чего-то непонятного, необычного. И дома над прудом – точно в них вдохнули что-то живое, отличающее их от таких же домов на дне города, в глубине. И деревья машут жёлтыми ладошками. Фонарь литой, чугунный. Он для людей? Я люблю его. И трамвай я люблю: он тоже для людей. А больше всего в городе я люблю афиши. Они не успевают состариться, а юностью их наслаждаешься; види знакомую афишу на другом месте, с нежностью всматриваешься в её линии, цвета и даже запах. Ты предвкушаешь в ожидании – будь то спектакль или концерт – и весь дрожишь, затаившись, как городской пруд.

* * *

Мужик с удочкой. Он отсутствует? Он властвует сейчас над миром, и его инструмент – удочка. Два военных лётчика – молодой и толстяк. Может и не лётчики, а техники. Но буду считать их пилотами. У них инструмент – самолёт. И Экзюпери говорил о самолёте, как об инструменте. Многим посчастливилось в детстве приобщиться к какому-то инструменту, а что ещё человеку нужно? Мастеру достаточно, а мастер – это то, чем должен быть человек. Это – цель пути, человек светоч в конце тропы...

О, увечное действо! Ты калечишь человека безжалостно! Давайте беречь детей, давать им жить, учить владеть инструментом – не важно каким...

* * *

Грани. Вот что меня интересует, и всегда интересовало, и будет!

И в походе перевал, а не вершина, и сам поход – грань между двумя нашими мирами.

Турист – человек с двойным дном.

Грань, граница, «лезвие бритвы». Мы всё время стремимся прикаяться, занять место в одном из двух миров, довести крайности до её края. А так ли несчастлив неприкаянный?

Каждый день его – грань между вчера и завтра.

Но если месиво, тесто? И грани давно расплылись на потном солнце? Я устал быть...

Всегда старался согнуть палку до конца и только сейчас понял, что такое гармония.

Любовь – вот гармония. Потому что есть женщины, с которыми хорошо в быту, а есть – с которыми хорошо в постели. А по-настоящему твоя она только тогда, когда любима.

И не перегнуть палку.

* * *

Обыденное и чрезвычайное – вот ещё один вечно неразрешимый дуэт. Вечнозелёная вражда. Чехов: обыденное и есть чрезвычайное. Он первый понял это.

* * *

Растёт груз лет за спиной, и всё острее становятся старые недомогания.

Паралич, оцепенение, враждебность жизни.

Пытаюсь спрятаться под одеяло, не видеть, не слышать.

Вчера Лёня говорил тост за симфонию жизни. Какая, к чёрту, симфония!

Унылая однообразная мелодия отчуждения.

Кончилась юность, которая пробивала всё напрочь, как хороший ледокол.

Она во всём, в каждом дне умела находить радость. Ещё когда он не начался.

А поход? Каждое утро – нетерпение, ожидание, радость! Каждый миг наполнен смыслом, и терять его – варварство.

Здесь же – безрадостное начало каждого дня, и даже обычное средство – вечерние встречи – уже бессильно и только тяготит своим бессилием. Я на пороге новой жизни, и какой она будет? Всё от меня. Сумею – будет жизнью, не сумею – как раз окажусь в числе проигравших жизнь впустую. Никогда меня не отделяло от них столь краткое расстояние. Да, Решающий миг.

Нашёл слово – изгнание. Чужбина. Всё хорошо, всё красиво, всё правильно. Но, – ЧУЖИЕ. Воздух не тот, и небо не то, и нет любимого человека, и вообще люди другие. Те же, но здесь – другие. Совсем другие.

А там, в горах или в лесу, неважно – действительно симфония жизни, и твоя родина, и ты свой. Человек нашёл свою родину, и каково ему теперь в чужом краю?

А кто-то свылся с чужой землёй и иной не представляет, как стопроцентный американец.

И теперь напоминаю изгнанника.

Всё хорошо, и красиво, и удобно, но – пусто! Нет смысла, нет радости.

А может, это давняя проблема «война и мир» – неумение военного человека жить мирной жизнью.

* * *

Сегодня 15-е, день спуска... Это был самый правдивый день. Я шёл, и каждый шаг был в тягость.

До чего трудно стало встретить человека, который рубил-

ся бы сквозь жизнь, как сквозь тайгу – через бедствия, потери, катастрофы. Наши жизни больше похожи на ухоженный, хорошо просматривающийся парк, в котором тоже, конечно, гибнут любимые деревья.

Но сколько же людей не могут жить, что-то мешает им!

Одних не научили ходить, и каждый шаг им в тягость.

Другие не знают или не верят, что есть горы, и им негде взять смысла, чтобы шаги свои наполнить.

Есть люди, которые не отличают жизнь от небытия: не довелось им увидеть разницу, кроме той, что жизнь требует усилий и потому тягостна. Жить надеждами мы быстро разучаемся, власть надежды уже не так сильна над нами, как в детстве, и всё властнее забирает над нами верх отчаяние.

Что-то очень важное мы утратили, и, может быть, мучаясь сознанием непоправимой этой потери, цепко держимся за каждый принадлежащий нам клочок, больше всего боимся потратиться.

Сейчас подрастают другие, приспособившиеся к нашему странному бытию. Они как будто бы ничем не дорожат и ничего не признают всерьёз. Прежде всего – самих себя.

Даст ли им это что-нибудь? Посмотрим. А вот у нас это всё равно не получится, надо найти что-нибудь иное. Нам слишком больше двадцати и слишком меньше сорока.

Мы – как засохшие зёрна. Что засушило нас? Наши родители не узнают нас, говорят, что мы перечеркиваем всю их жизнь, всю историю страны. Откуда мы?

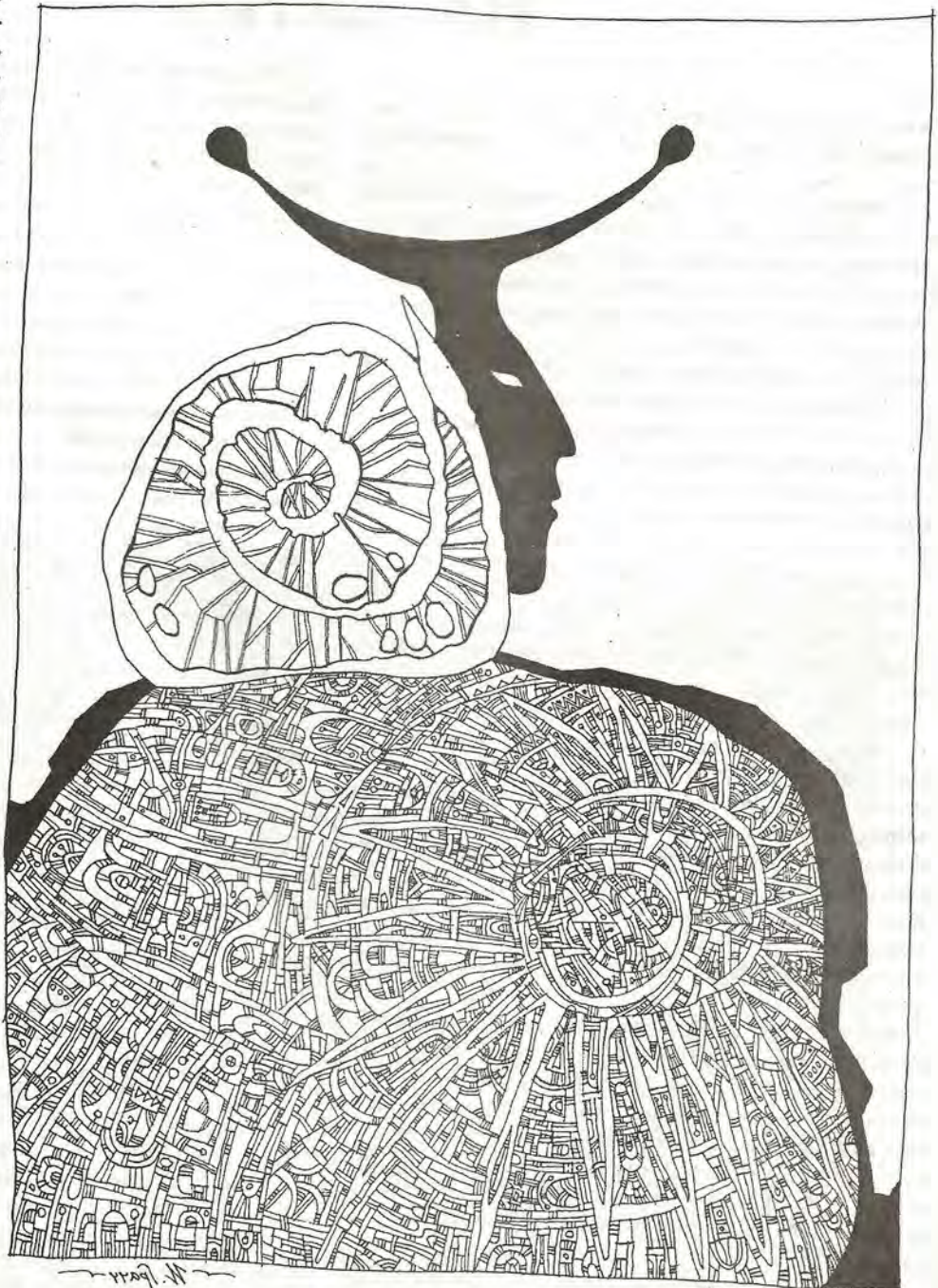
А в Историческом сквере, плечом подперев глыбу мрамора, высокий парень бестолковыми жестами загонял себя в кадр. Девушка смеялась, едва не роняя «Смену». Увидев меня, свернувшего с тропки асфальтовой, он с досадой потянулся за сигаретами.

Но услышал: «Давайте

сфотографирую – вдвоём». Они не улыбались натужно, наружу и вправду рвалась Радость... Искристая, как вода из фонтана, который недавно построили, и я невольно уменьшил выдержку.

А на «спасибо»... отшутился: «Влюблённым сам чёрт помогает...»

Но, поднявшись на мост, я испугался, а вдруг фотография не получится?..

Художник Инна Лебедева-Грачч.

Андрей СЕРЕБРЯКОВ, г. Екатеринбург

НОЧНОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ НА ШУНУТ

...

Бывает так: читаешь днем в субботу книгу, и вдруг – бамс – понял, что хочешь, что тебе нужно... туда... ты должен быть там!..

В 6 вечера я уже вышел из автобуса на темную улицу поселка Краснояра. Одиноким местным жителем сообщено, что не знает, есть ли тропа на Шунут, но мне все равно, я в бахилах... Посмотрел, как уезжает мой последний путь отступления с мягкими креслами и зеленоватым отсветом лампочек на красных шторах.

А теперь – вперед, мимо окошек деревенских домиков, где еще можно попроситься переночевать и никуда не идти одному ночью по лесу. Кака-то собака пыталась изобразить, что вот-вот она перепрыгнет через забор...

Вместо тропы была лыжня по запорошенной снегом лесной дороге, фонарик я сэкономил на обустройство лагеря, поэтому включал его лишь при соскальзывании в ямы, или при сомнениях в своем внутреннем компасе. Последний взгляд на исчезающие огоньки деревни – и я остался один на один с лесом. Тогда пришел страх, (он ждал меня уже давно, например, на вокзале в Ревде, когда мне вдруг захотелось вернуться домой и не садиться в автобус).

Волки. Мне думалось, что они где-то рядом. Я вспомнил рассказы про то, как во время войны волки перегрызли всех собак в деревне Б. Лая под Н. Тагилом, быть может, они даже таскали маленьких детей, оставленных без присмотра (последнее мне крайне не понравилось, и я решил, что это враки). Знакомый старый турист рассказывал, что видел сразу трех волков несколько лет назад, причем в этих краях; вспомнились рассказы Джека Лондона, как волки охотились стаей и нападали на людей. Я попытался вспомнить, когда они собираются в стаю. Осенью? Вряд ли, осенью они сыты.....

Медведь. Нет, медведи уже спят., а если шатун... Дед рассказывал, что видел фотографии двух геологов, которых загрыз медведь прямо в палатке. Правда, медведя потом застрелили, это меня обрадовало, я предупредил его о неминуемом возмездии за мое поедание, мысленно или вслух – не знаю... Точно могу сказать, что пытался петь бодрые песни, но слова куда-то прятались, забывались целые куплеты, в голове же крутились одни мрачные: про смерть, про мертвых, про чертей.

Потом еще деревья. Стук, треск, вздохи, всхлипы, стоны, возгласы удивлений, угроз, иногда в них слышалась даже неразборчивая человеческая речь...

Рысь, я вспомнил. Где-то слышал, что она убила охотника, прыгнула ему на шею с дерева... Кроме освещения подозрительных шорохов по сторонам, пришлось освещать и деревья. Жалко, что рюкзак у меня не такой высокий, не ухватила бы за шею сразу... Представил, как падаю на спину, пытаюсь придавить гадскую кошку у меня на рюкзаке...

Присел на привал, достал шоколадку... полетчало на целых 3-4 минуты. Потом все снова: волки, рыси, медведи... На следующем привале еле удержался, чтобы не вернуться в деревню. Где-то на окраине сознания я понимал, что все это только мои страхи, что животные равно нападают как днем, так и ночью, а днем мне спокойно. Видимо поэтому не снимал с рюкзака ампулятор (нож-мачете), он бы мешался и замедлял движение.

Звезд нет, луны нет, только слабовато белесит небо над верхушками елок (в которых, конечно же, рыси). Страшно, иногда аж дрожь берет по всему телу, но топаю, на привалах шоколад лопаю.

Никого нет, тишина, только деревья скрипят и стонут. Иду дальше, размышляю. Зачем им на меня нападать? Они голодные, а я съедобный... Но я просто так не дамся, тоже, как минимум, укушу за лапу., пну гадскую кошку. Я буду сопротивляться, нет, отчаянно сопротивляться. Ведь и у меня есть инстинкты, они мне помогут. Мы раньше были... обезьянами, нет, это слишком давно, лучше так: раньше мы были охотниками, древними людьми. Еще посмотрим кто кого... Без боя не сдадимся. Я представил себя великаном, пусть звери чувствуют, кто здесь сильный. Я сильный, как медведь, нет, как пять двухметровых медведей. Стала понятна причина тотемизма. Я ловкий, как рысь, я кровожаден, как десять волков. В память пришел рассказ «Запах мысли». Животные боятся огня. Я – огонь, я – камень, я – дерево (как вывод: я несъедобен, этому ловкому ходу я порадовался; я еще и хитрый, как лиса).

Шел дальше. Иногда кричал, рычал, свистел. Хотел отпугнуть, а мог и привлечь хищников... Стало возникать желание остановиться и разбить лагерь. Странно, но что-то внутри меня считало, что на горе я буду в безопасности, там меня не тронут, туда нужно идти. Вышел на дорогу, но легче не стало, кроме, может быть, понимания пройденной трети пути. В 5 метрах от меня из-под снега взрывались куропатки. Вдрагиваю и провожаю их полет пучком света. Стали мерещиться искорки костра, какие то блики. Иногда казалось, что появились звезды, присмотришься – монотонное, чуть бледное ночное небо...

Вдруг, в 50 метрах впереди, через дорогу перепрыгнула тень размером с половину лося, форму разглядеть не успел. Лось, волк, черт? Следов там не увидел.

Я стал понимать, почему пошел именно один. Это что-то вроде обряда инициации, который проходили наши предки, дабы стать мужчиной, воином... Здесь, где в какой-то степени есть реальная угроза жизни, человек один на один борется со своим страхом. Я боялся, но шел дальше.

Еще одна вещь, время текло ужасно медленно, казалось, должен уже давно прийти к подъему на Шунут. На привале смотрю на часы, подбадриваю себя: «Что стоим, в 12 часов пельмени в лагере, горячий чай...» Вот ведь человек, сидел бы себе дома, тупо смотрел телевизор с тупыми программами, ничего бы не боялся (а может наоборот)...

Увидел и свежие следы серого брата, бодро поприветствовал его, но все же какое-то время оборачивался и вращал фонарем по сторонам. Меня уже стал бесить мой страх, мне было противно, он мешал мне жить, он мешал мне наслаждаться лесом, пусть я умру через минуту, но эту минуту я хочу дышать свободой. Тогда проснулась старая истина: «Мы ничего не имеем, мы всего лишь существуем». Стало легче. Уже вблизи скал вершины почувствовал себя под защитой.

Заглянул к источнику, закрытому навесом из плотно приставленных друг к другу жердей. Вода во льду. Свет фонарика создавал такой уют в этом деревянном уголке, так и

хотелось скрючиться здесь на пенке и разжечь перед входом костер, чтобы никакая зверюга не подошла.

Бросил рюкзак прямо у первой скалы Шунута, здесь, куда ни сунься, всюду гуляет ветер. Палатку ставлю между двумя березками, тент присыпаю снегом. Время около часа ночи. Зачем по темноте уходить за дровами, а вдруг фонарик накроется... еще потеряюсь. Ужин – луковица со слезами, сосиски, хлеб с шоколадом. Все это запиваю четырьмя пригоршнями снега и лезу в палатку. Забыл ампулятор – вернемся. Забыл еще одни носки – обойдемся, ноги в спальник и в рюкзак. Слишком много курток, спальник не закрывается, какая жалость: придется снимать пуховик... Ну все, спим до утра, до рассвета. Что-то не спится, холодно, зябко. Кто-то ходит, прямо слышу, как скрипит снег. Мыши, наверное, макароны на улице нашли... Ничего себе мыши! Так могут скрипеть только мыши-мутанты размером с мою собаку. Волки... меня не тронут, я в палатке. Надо спать. Прислушиваюсь – ходят вокруг. Я громко, вслух возмущаюсь – валите отсюда. Вроде притихли... Сплю. Вдруг, прямо почти надо мной ходит, рядом с палаткой. Кричу ругательства, где фонарик, где ампулятор?! От моих криков не уходят. Ну все, сами напросились. Одеваю ботинки, в одной руке фонарь, в другой мачете. Выглядываю. Никого, следов тоже нет. Наверное, это снег шуршит на тенте, когда его ветер поднимает.

P.S. Спал я аж до 10 утра: на моей голове лежал пуховик, из-за чего казалось, что еще ночь.

Особенности личного и группового снаряжения в лыжном путешествии

Одежда и обувь. Особенность одежды для лыжного маршрута – большее количество шерстяных вещей: тренировочный костюм, лыжные брюки (плотные, без начеса), рейтузы, плавки, носки; одна смена нижнего белья также должна быть шерстяной. Надо иметь шерстяную лыжную шапочку и подшлемник, ветрозащитную маску из фланели, лицевой вырез штормовки желательнее обшить мехом.

Размер штормового костюма должен быть на один-два номера больше обычного, чтобы можно было его надевать поверх теплой куртки. Куртка-анарака из болоньи также должна быть просторной, с широкими проймами рукавов.

Для привалов рекомендуются меховые чулки (тапочки) и теплая (меховая, пуховая, ватная) куртка. В крайнем случае под обычную штормовку можно сделать пристегивающуюся подкладку из ватина. Для защиты ботинок от снега и для сохранения тепла ног следует сшить специальные чехлы-бахилы. Материал для бахил – тонкий брезент, капрон; конструкция – мешок длиной около 40 см. Хорошие бахилы могут исключить необходимость в сушке обуви.

Лыжные ботинки должны иметь высокий верх, широкий носок и быть большой полноты. Лыжные ботинки берут на два номера больше обычной обуви и надевают на 2-3 шерстяных носка. В ботинки кладут толстые (можно меховые) стельки. Рукавицы рекомендуется связать между собой тесьмой, которая протягивается через рукава штормовки.

Лыжи. Наиболее удобны широкие турист-

ские (7-9 см). Подбирают их по правилу: носок поставленной вертикально лыжи должен доставать до запястья вытянутой вверх руки. Более точно (учитывая разность в комплекции людей) длина лыж может быть определена цифрой, которую получают, если к росту человека в сантиметрах прибавить половину его веса в килограммах.

В горных районах или при движении по крепкому насту хороши окантованные лыжи, с деревянной скользящей поверхностью. Из креплений используются полужесткие, желательнее с тросиком (так называемые универсальные), палки и кольца к ним рекомендуются металлические.

В групповое снаряжение туристов-лыжников входят валенки. В зависимости от количественного состава группы их может быть 1-3 пары. Поскольку валенки нужны для костровых и кухонных работ на привале, а также как запасная обувь на случай порчи лыжных ботинок, их

размер должен быть рассчитан на самую большую ногу в группе.

Необходимо иметь также набор лыжных мазей (в особенности мазь для оттепели), пробки для их растирания, жирную смазку для пропитки обуви, запасные крепления.

На маршрутах, проходящих вдали от населенных пунктов, а также при отсутствии у туристов практического опыта ремонта лыж в походной обстановке или при сильных морозах рекомендуется взять одну-две запасные лыжи. При достаточно плотном насте и сравнительно равнинном рельефе целесообразно иметь несколько нарт-волокуш, роль которых могут играть пластмассовые санки.

Для походов второй и выше категорий сложности желательно иметь специальную палатку и переносную печку. Эти предметы снаряжения обычно изготавливаются самими туристами или по их чертежам и раскрою различными мастерами.

Палатки. Утепленную зимнюю палатку можно сделать с двойным потолком и двойными стенками, отделенными друг от друга на 5-8 см. Внутренние стенки шьют из перкаля, наружные из непромокаемого материала. Вход в палатку представляет собой отверстие с рукавом. Рукав затягивается шнуром. Над входом имеется отверстие для дымовой трубы, на которую в месте соединения ее с тканью палатки надевают асбестовую рубашку.

Другой вариант – однослойная шатровая палатка. Она может иметь вертикальные боковые стенки высотой 50-70 см и шатровый верх с крутизной скатов в 40°. В центре палатки в качестве центрального кола ставят связанные лыжи. На пол

в шатре расстилают большой лист полиэтилена, а на него уже укладываются полипропиленовые ковры. Закрайны палатки подгибают внутрь. Общие требования к зимним палаткам: они должны быть достаточно просторными для размещения всей группы; достаточно высокими и легко просушиваться у костра (палатки легко обмерзают). В безлесной зоне дополнительными требованиями являются ветростойкость и воздухопроницаемость палаток.

Спальный мешок. В зимних условиях следует предпочитать многоместный – на троих-шестерых. Мешок можно сделать из нескольких одноместных с длинными разъемными молниями или из теплых ватных одеял. Желательно иметь двухслойный мешок.

Походная печка. Ее конструкции тесно связаны с зимними палатками.

Печку изготавливают из стального листа или жести толщиной 0,3-0,5 мм. Трубу делают из нескольких конусообразных частей, убирающихся в нерабочем состоянии в печку. Трубу можно изготовить из одного длинного узкого листа гибкой тонкой стали: при установке печки его сворачивают в длинную трубу, при транспортировке – в короткую.

Возможно изготовление полностью разборной походной печки. Ее основа – цилиндр диаметром 220 мм и длиной 350 мм, получающийся из свернутого листа стали толщиной 0,3 мм.

На основания цилиндра надевают крышки: в одном из них дверца с регулируемым поддувалом, в другом – патрубок для крепления трубы. Вес печей 1,5-4 кг. Переносить печи надо в чехлах.

текст – Владимир КОРОЛЕВ, фото – Сергей СТЕПАНОВ, г. Челябинск

ТрансАзия

Великие озера Азии

**Дневник экспедиции, предпринятой челябинскими автотуристами
с 22 мая по 1 июня 2003 года на Телецкое озеро**

Для посещения Телецкого озера туристы обычно выбирают время с середины июня по конец августа. Но известно, что каждое время года имеет свои прелести и по-своему может заинтересовать туриста. Странную картину представляют наши Уральские озера в начале ноября, когда вы не найдете там ни одного туриста или рыбака. Тих и прозрачен воздух, и, сидя на припекке, вы можете спокойно понаблюдать, как семья ондатр готовится к зиме. Вот и мы выбрали необычное время для посещения Телецкого озера

Если посмотреть на карту Азии, на ее огромные пространства, то бросается в глаза, что в центре этого крупнейшего материка расположилась самая высокая область Сибири – Горный Алтай.

«Алтай» от тюркско-монгольского «Золотой» – «Алтан». Здесь, как нигде, поражает разнообразие природных ландшафтов, многообразие природного и растительного мира, богатство недр, хорошо сохранившаяся до наших дней природа. Хребет за хребтом, зеленые громады с белоснежными верши-

котловине северо-восточной части Горного Алтая на стыке с Западными Саянами. Территория бассейна озера занимает 20400 км² и представляет самостоятельную горную страну, огражденную на востоке и юго-востоке хребтами Абаканский (с наибольшей высотой 2840 м) и Таптальский (с высотой 3360 м); на юге хребты Чихачева и Курайский (с высотой 3300 м); на юго-западе Айгулакский (высота 2500 м); на западе Сумультинский (высота 2737 м); на севере хребет Тарот (1340 м).

Гребни всех хребтов уходят выше границ леса и называются гольцами (т.е. оголенными, без растительных покровов), кроме гребня хребта Тарот – он на всем протяжении покрыт великолепной тайгой.

Бассейн Телецкого озера – это одна из двух вершин великой си-

бирской реки Оби. Реки же, берущие начало с Сумультинского, Курайского и хребта Чихачева, текут в противоположном направлении от бассейна Телецкого озера и являются правыми притоками самой крупной реки Горного Алтая – Катуня, притока реки Оби.

Основные водораздельные хребты Восточного Алтая сложены в основном гранитами, гранитогнейсами, слюдянистыми сланцами и имеют вид узких альпийских гребней.

В стороне от основных водных артерий, от водораздельных хребтов отходят платообразные нагорья, сильно расчлененные на узкие гривы. Горные долины с крутыми склонами, как правило, сжаты в нижнем течении рек, а в верховьях широки и открыты.

Разнообразие природных ландшафтов позволяет наблюдать в бассейне озера глухую тайгу, альпийские и субальпийские луга, и высокогорную тундру. В широких долинах, цирках, седловинах, по горным плато находится масса мелких очень живописных озер.

Телецкое озеро находится на высоте 4304 м над уровнем моря в окружении необыкновенно красивых берегов. Максимальная глубина озера 325 м (средняя 175 м). Глубокая руслообразная котловина озера вмещает 40 км² воды, площадь зеркальной поверхности 223 км². Длина озера 77,8 км, длина береговой линии 181 км. Максимальная ширина 5,2 км (в южной части), минимальная 0,6 км (у мыса Карташ), годовое колебание воды в озере в среднем 4 м. В озеро впадают 70 больших и малых рек. Основной приток Телецкого озера – многоводная река Чулышман (протяженностью 241 км) берет начало из самого крупного высокогорного озера Джулуколь (в переводе – «Теплое озеро»), расположенного на высоте более 2000 м. Вокруг этого озера на широком плато более 300 различных по величине озер. На всем протяжении Чулышман представляет собой типичную горную реку со стремительным

нами уходят вдаль за линию горизонта, и повсюду необычайной голубизны большие и малые пятна – озера. Из них самое крупное и, несомненно, живописнейшее озеро – это Телецкое. «Алтын коль» – любовно называют его алтайцы, что означает «золотое озеро». С незапамятных времен оно привлекает своей таинственностью и красотой, и богатством окружающей тайги.

Интерес к Горному Алтаю и, особенно, к Телецкому озеру не ослабевает и сейчас. Тысячи любителей природы и странствий приезжают на Горный Алтай, и основная масса туристов старается спланировать свой маршрут так, чтобы их тропа обязательно привела к Телецкому озеру.

Впервые русские увидели озеро в 1633 году, когда отряд казаков во главе с боярским сыном Петром Сабанским у истоков реки Бии вышел к глади озера. Там же нашлось маленькое поселение алтайцев под названием «Артыбаш» – «Голова порога». В Артыбаше жили люди из алтайского племени Телесов, поэтому озеро Сабанский назвал Телецким (Телесским).

В 1826 году озеро посетил первый ученый-естествоиспытатель, молодой барнаульский врач Александр Александрович Бунге. Наблюдая с высоких берегов, он отмечал, что огромные косяки рыб один за другим медленно плывут вдоль берега. Плотность косяков такая, что не видно дна там, где плывет косяк. К изучению озера приложили руку такие видные российские ученые, как: Академик Григорий Петрович Гельмерсен (1803 – 1885), Петр Александрович Чихачев, английский художник Томас Аткинсон, профессор томского университета В.В. Сапожников, известный ботаник Порфирий Никитович Крылов. Попобывали на озере и известные советские писатели В.Я. Шишков и В.В. Бианки. Владимир Чивилихин создал здесь знаменитый «Кедроград». А в 2002 г. здесь сплавился на плотках мэра Москвы Лужков.

Поговорим о самом озере. Оно расположено в огромной

течением, массой серьезных порогов и доступен только для подготовленных туристов-водников.

В северо-западной части в озеро впадают реки Самыш (30 км) и Ойор (14 км). Река Самыш образовала при впадении в озеро широкую ровную долину. Здесь долгое время существовал поселок старообрядцев. Отсюда же уходила вверх дорога к золотому прииску Колычак, давно несуществующему.

В восточной части в озеро впадает река Камга с притоками Малый и Большой Шалстан. Далее по восточному побережью впадают реки Корбу, Аю-Кепчес, Кокши, Челюш, Баскон, Кыга. На западном берегу – Большая и Малая Чили, Кур-Куре. По южном берегу – река Колдор. Часто реки обрываются водопадами, их множество. Главные: Корбу – 12,5 м, Киште – 8 м, Большой Шалтан – 20 м.

На озере всего один маленький остров – в дельте реки Чулышман. Вода в озере кристально чистая (прозрачность 14 м), мутная только весной.

Северная часть озера ежегодно покрывается льдом, тогда как южная, наиболее глубокая замерзает очень редко. В отдельные годы лед бывает исключительно прозрачным, через него просматривается дно на 6-8 м. Достаточно на коньках выскочить на лед, как тебя подхватывает порыв ветра и стремительно мчит по идеальному катку. Особенно впечатляюще зрелище ночью, когда на льду четко отражаются горы и звезды. Льда не видно, и создается впечатление, будто ты в воздухе, а вокруг тебя – небесные светила.

Климат долины озера континентальный: в горах суровый с очень холодной зимой; внизу, в прибрежной полосе, мягкий.

Автомобильная дорога из Горно-Алтайска обрывается у

турбазы Золотое озеро. От Артыбаша по правому берегу тропа тянется до кордона Караташ (7 км). В южной части озера по восточному берегу тропа идет от кордона Челюш к поселку Беле и далее, огибая Кыгинский залив, проходит по подножью горы Туалок в долину реки Чулышман.

Растительный мир удивительно богат и разнообразен. До высоты 700 м преобладают лиственные породы. В верхнем поясе (1200-1700 м) преобладает кедр. Везде высокая трава. Основу леса составляют хвойные: кедр сибирский, ель, сибирская пихта, сосна, лиственница сибирская. Благодаря исключительным климатическим условиям (обилие осадков) в бассейне озера растительность достигает гигантских размеров. Деревья здесь гораздо крупнее своих сородичей в других регионах Сибири; непролазные заросли кустарников, среди которых масса ягодных, и высокий травяной покров.

День 1

Первый день – день старта из Челябинска. Ранним утром из Рошино наша машина направилась в сторону Кургана, и за окнами потянулись бескрайние курганские болота. Иногда они прерывались то небольшими березовыми рощами, то прекрасными озерами с точками белых лебедей. Наверное, впервые за один день мы увидели столько лебедей. Монотонность пейзажа несколько разнообразили поломки автомобиля

Это ремешок ГРМ проскакивал по непонятной причине на один – два зуба. Но это не помешало нам до 19:00 вечера проехать Омск и на утро оказаться в Новосибирске.

Далее мы узнали, что родины земляных черепах и лягушек является город Бийск, где мы немного походили по магазинам. Больше в Бийске у нас дел не было, и машина двинулась в сторону Горно-Алтайска. По дороге нам удалось заехать

в знаменитые Сростки – родину Шукшина. Поражает ухоженность музея и обилие экскурсионных автобусов с детьми из Бийска, Барнаула, Новосибирска, Кемерово.

Фотография не может передать осязающей запах этой громадной цветущей яблони. Уезжать не хотелось, но впереди нас ждал Алтай. То, что мы уже в горах, видно по появившимся «жаркам» или «гогонкам». Эти цветы – визитная карточка сибирской тайги. Еще несколько часов вдоль по берегу полноводной Бии, и перед нами открылась панорама Телецкого озера.

Мы у цели!

День 2

26 мая началось с посещения новой турбазы Юрток. И, хотя по-русски это обозначает: «стоянки нет», база очень уютная. Понятно, что очень приветлив персонал, тем бо-

лее, что он состоит из именитых туристов-водников. База специализируется в основном в области сплавного туризма (рафтинга) и предлагает множество маршрутов по Алтаю.

На берегу озера можно увидеть ржавые корпуса кораблей, когда-то бороздивших его просторы. Много лет они пугают своим видом людей. Через год-два, наконец, будет готова автомобильная дорога Горно-Алтайск – Кемерово, и тогда, наверное, их быстро порежут и увезут в металлолом. Не хочется, чтобы такая судьба постигла остатки первого на озере парового судна. Сделанное в Швеции в 1903 году, оно только в начале 60-х годов было списано. Нам удалось найти это судно.

«Made in Sweden»

На озере нас принимал Генрих Генрихович Собанский. Известный биолог-естествоиспытатель, он всю жизнь посвятил изучению животного мира тайги. Опубликовал множество книг. И сейчас на пенсии в свои 76 лет он продолжает ежедневно вести наблюдения за погодой, воспитывать внуков, писать очередную книгу, содержать прекрасный сад, где в теплице растет виноград. Вечером у костра мы до поздней ночи слушали его таежные истории.

День 3

27 мая. В этот день Андрей поехал в Бийск, а Пономарев, Королев и два Степановых по берегу ломанулись в тайгу. Пройдя мимо еще одного брошенного кораблика, мы углубились в дэбри, но не на долго.

Из тайги мы вышли, наверное, на пастбище мамонтов. У нас лошади или коровы не делают такие большие кучи. Хотя у Сетона-Томпсона описано, что так себя ведут олени (канадские).

Раньше здесь стояла деревня Кокоиха, теперь просто местные жители летом пасут свой скот, косят траву. Есть мнение, что это место как нельзя лучше подходит под строительство турбазы. Здесь видно, как встревожен Степанов: сотни энцефалитных клещей атакуют нас со всех сторон. Идти дальше можно, но как-то не прикольно, и мы поворачиваем назад.

Из путеводителя мы знаем, что на третьей речке есть очень красивый водопад. Когда мы его, наконец, достигли, то поняли, почему нужно ездить на Алтай в мае, Ревущий поток, тучи брызг – вот, что мы увидели вместо маленькой речушки. У водопада нужно сидеть долго и подзаряжаться энергией воды.

День 4

28 мая. Весь день Королев посвятил общению с родственниками, а оба Степановых и Пономарев на весельной лодке поплыли в Каменный залив. В этом месте в склон горы врезался громадный метеорит, оставив циклопическую воронку. И сегодня это место считается священным у местных жителей, на что указывают ритуальные деревья.

День 5

29 мая. Утром толпа собралась, и на моторной лодке ломанулась вокруг озера.

Королева опять оставили на берегу, так как с ним лодка не могла выйти «на редан». Есть подозрение,

что участники экспедиции тайну о том, как провели этот день, поклялись никому не рассказывать.

Но из фотографий видно, что они были на водопаде Корбу, в гостях у индейца Монтаны (он же лесник Андреич), у сгоревшей бани и еще бог знает где.

День 6

30 мая. В 6:45 утра Пястолов попил чаю и уехал в Бийск опять, а мы решили попытать счастья в тайге. Проблема была в клещах – внизу, рядом с озером их было очень много. Поэтому мы на автомобиле по лесовозной дороге поднялись в горы до высоты около 1400 метров, здесь клещ уже не живет. В мае в тайге нет ягод, грибов, кедрового ореха и людей. И настоящий любитель природы любит ее бескорыстно. Мы увидели стан добытчиков ореха: их летний балаган, печь для сушки шишек, громадные кучи шишечной чешуи. Собрали по мешку экологически чистого листа бадана, накопили саженца кедра.

Хорошо в тайге весной...

День 7

31 мая. В этот день мы уже готовились к отъезду, прощались с озером, покупали сувениры. Кстати, о сувенирах. Местные бондари бочки и кадучки изготавливают из кедра, т.к. липа в Сибири не растет. Таким образом, отличная кадучка с крышкой стоит 300 рублей, а шайка – 250 рублей. Невыносимо жалко расставаться с озером и только надежда на возвращение греет нас...

День 8

1 июня. Утром мы отправились в Горно-Алтайск и не заезжая в центр, поехали по дороге на Чамал, по течению реки Катунь. Дорога все время идет по долине рядом с рекой. Эти места раскручены в туристском отношении, много баз, шашлычных, ГАИшников, продавцов сувениров. Работает сотовый телефон. К вечеру мы были в Новосибирске и тут узнали, что утром Пономарев и Степанов покупают машины. Вот тебе и на...

«Да обойдут тебя лавины...»

* * *

Как-то забрасывались мы на ГАЗ – 57 к верховьям реки Капандар. Сверху сыпет камушками, небольшими такими булыжничками с кулак величиной. Руководитель командует: «Всем одеть каски!!!» Одеваем... Вряд ли спасут хоккейные шлемы... Но психологически немного успокаивает. Доехали. Отпустили машину и начали не спеша собирать катамараны (у всех «горняшка» началась...) Вверху зашумело и ...вдруг в воздухе словно огромный выдох... Справа от нас, закрывая нам путь обратно по дороге, сошла «мокрая» лавина. Мгновенно соображаем, что попали не в то место и не в то время. Продолжаем собирать катамараны, но уже гораздо быстрее. Еще раз ухнуло, зашумело, зашуршало над головой, и слева от нас сползла огромным белым языком еще одна лавина. «Ну все попали в вилку!...» – задираем головы на горы. Катамараны уже собраны: надо быстро удирать в более безопасное место. На ходу одеваем спасжилеты и каски, рюкзаки прихватываем лишь в двух местах. Участок на реке сложный и опасный, но мы идем без разведки и страховки... (по нам – уж лучше приключения на бурной воде, чем задохнуться под тоннами тяжелого снега!) Через полчаса трудного сплава нашли нормальное место и разбили новый лагерь.

Рассказал Игорь Петров.

* * *

Я тоже вспомнил один случай, связанный с лавинами, кто-то из наших водников рассказывал. Ходили в конце восьмидесятых уральские туристы на Памир, по-моему, даже на знаменитую реку Муксу (крутая шестерка!), а руководителем, кажется, Леня Скрипов был. Так вот, идут они по реке, и где-

то уже в середине похода происходит такое... Остановились на ночлег. Дежурный пошел за водой к реке, а в реке-то воды совсем и нет. Возвращается ...смеется: «Вода куда-то пропала... Как завтра сплавляться будем..?» А Леонид сразу сообразил, что где-то выше по реке сошла очень большая лавина и устроила плотину... но Муксу свирепая река, и долго ее не удержать. Прорвет, и тогда здесь начнется такое... мало не покажется! Необходимо срочно поднять катамараны как можно выше. И только начали подъем, как в коридоре каньона загудело, заревело (это как в метро приближается электропоезд, только в несколько раз громче..!), и из-за поворота вырвался и понесся, набирая неостановимую мощь, огромный селевой поток (смесь грязи и камней). Он сметал все на своем пути. Люди бросились вверх, а два катамарана сломало и унесло вниз по реке. Сплавляться на оставшихся катамаранах было нельзя: всех не увезут, а по берегу пешком не пройти. Решено было сниматься с реки, а над головой семитысячник... Раскинули карты, нашли перевалы, через которые надо идти в населенку. И пошли. В гидрокостюмах (защищают от мокрого снега и ветра), в касках и спасжилетах (в них теплее, и от ушибов при падении спасают), а в руках, словно альпенштоки, весла. И вот спускаются наши уральские парни с перевала на какое-то плато, а им навстречу поднимаются альпинисты. Все они связаны одной веревкой, в руках ледорубы, на ногах «кошки». Вот восходители и удивились, встретив водных туристов на такой высоте. Спустились аккуратно, все живые и здоровые, только в контрольные сроки чуть-чуть не уложились... вертолеты уже подняли в воздух.

Содержание журнала «Уральский следопыт» за 2003 год

РЕКА ВРЕМЕНИ

ТРОПОЙ ПОИСКА

Р. Хайряйтинов. Как Пласт не стал Екатеринбургом	№ 1
Ю. Гунгер. Шестьдесят на шестьдесят	№ 1
В. Ищенко. С Маминым из Саранпауля	№ 1
С. Панина. Невеста из Подчегана	№ 2
В. Шилов. Канкор, или дом на Каме	№ 3
Н. Корепанов. Медь Мотовилихи	№ 3
С. Левицкая. На встречу с Дельвигом	№ 4
С. Левицкая. В ночном бою у села Буконтово.....	№ 5
Ю. Рязанов. Год рождения не подтвердился	№ 6
М. Бессонов. Походяшин на Айбе	№ 6
Ю. Ключников. Найдена картина Шевченко?	№ 8
Н. Корепанов. Заимка Меджера	№ 8
В. Ищенко. Старинная карта самоцветов	№ 9
И. Плотноков. Восьмой из расстрельного дома	№ 10
П. Федотов. От Шамаханской царицы до хана Шемахи ..	№ 10

ДАЛЕКОЕ-БЛИЗКОЕ

В. Пластинин. Часовня	№ 3
И. Плотноков. Чехословацкий корпус.....	№ 4
П. Бушняк. Загадка САФТ	№ 6-8
А. Ольховиков. Копально	№ 7
С. Рожкова. Человек построил дом – дом построил человека	№ 8

В. Новиков. Русская Орда	№ 10
В. Вейхман. Операция «Страна чудес»	№ 11-12
Е. Вертилецкая. Письма, не пришедшие на фронт.....	№ 12

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ

В. Суренков. Подарок Меденки	№ 1
Н. Черемных. «Кукушка» и ее дети	№ 3
Н. Черемных. Канонеровский корень	№ 4
Л. Заварзин. Жемчужные бусики	№ 9
Н. Зайцев. Тайна дубового острова	№ 11

ВЕРСИЯ

Н. Зайцев. Страна под Полярной звездой	№ 6
С. Ковалев. Представление о Мире в диалогах	№ 9-10
М. Домов. Где вы, Рипейские горы?.....	№ 12

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА

М. Петров. Судно на Серге	№ 2
В. Трусов. После набега	№ 2
Т. Тимохова. Иванка Нос из Ныроба	№ 2
К. Всеволожский, Н. Соломин. Опальный архитектор ..	№ 2
В. Трусов. Загадки горы Караульной	№ 4
Л. Лисюткина. В итальянском дворике	№ 5
В. Попов. Выигрыш – 200 миллиардов	№ 6
А. Пискунов. «Бумажные» горы	№ 7
В. Семибратов. Вятский Тютчев	№ 10
А. Трофимов. Читая историческую прозу.....	№ 10
В. Трусов. Пушки на барках	№ 11

В. Шилов. Прошлое, утонувшее в море	№ 11
П. Федотов. Сорокинская пристань.....	№ 12

ПОРТРЕТЫ

М. Эбергардт. Любовь к отеческим гробам.....	№ 1
Т. Крафт. Гармония со зверем	№ 2
А. Молчанов. ARRANGER Арсения Поповича	№ 7
С. Титова. И будет сад камней	№ 8
Е. Баранова, А. Жукова. Александр из рода Берсов	№ 10
В. Голдин. Писатель Маленький.....	№ 12
П. Евладов. Встреча с гением.....	№ 12
О. Лузянинов. Тропа Есенина в Усть-Утке.....	№ 12

МЕМУАРЫ

Г. Павлов. Оболенский в моей судьбе, или почему в России пуд таланта.....	№ 2-3
В. Циканов. Железная дорога, которую мы прошагали.....	№ 11

ПО БЕЛУ СВЕТУ

Г. Гончарова. Долина каменных «баб»	№ 7
Н. Зайцев. Слоны и пиррова победа	№ 7

ЮБИЛЕЙ

А. Слепухин. Рок-н-ролл у наклонной башни	№ 1
Э. Молчанов. В двадцать первом, как в юности ранней.....	№ 6
Н. Позднякова. Екатеринбург, 20-е годы.....	№ 8

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ЛЕТЫ

В. Голдин. Поэт весны	№ 1
Н. Мезенин. Демидовы в литературе	№ 2
В. Голдин. Песня и штык Харитоновы	№ 5
В. Голдин. Поэт с «испорченной» биографией.....	№ 7

ДАВНЫМ-ДАВНО

А. Гурьева-Сажаева. Ильин день	№ 4-5
Л. Всеволожская. На зависть Архимеду.....	№ 9

НАСЛЕДИЕ

О. Лузянинов. Рожденный трижды.....	№ 1
И. Шаманаева. Дороги Николая Хрущева.....	№ 5

РОДОСЛОВНАЯ

Е. Арапова. Демидовы из Первопрестольной.....	№ 3
Л. Всеволожская. Всеволожские на карте России.....	№ 7

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

Б. Путилов. Головыринские были.....	№ 11-12
-------------------------------------	---------

СТРАНА ТОПОНИМИИ

Ю. Дунаев. Фаламиха-Паламиха.....	№ 3
-----------------------------------	-----

ЗАОЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

В. Трусов. Правда о пограничном обелиске.....	№ 3
---	-----

ГАЛЕРЕЯ

Т. Суворова. Живой город, живые люди.....	№ 1
---	-----

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ СУДЕБ

И. Семенчик. Горячий осколок.....	№ 5
-----------------------------------	-----

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ НУМИЗМАТИКА

В. Пуронен. Что было до монет.....	№ 1
------------------------------------	-----

В. Пуронен. Самые первые.....	№ 2	В. Осипов. Стихи.....	№ 7
В. Пуронен. Какие бывают монеты.....	№ 3	Н. Смирнова. Стихи.....	№ 8
В. Пуронен. Реверс, аверс, гурт... ..	№ 4	Т. Кулешова Стихи.....	№ 9
В. Пуронен. Античные монеты	№ 5	К. Шишов. Стихи.....	№ 12
В. Пуронен. Монеты средневековья	№ 6	НАШ ГОСТЬ	
В. Пуронен. Кое-что о менялах	№ 7	А. Якимов. Стихи.....	№ 8
В. Пуронен. От талера до доллара	№ 8	А. Чередник. Бабуня.....	№ 9
В. Пуронен. Первые монеты России	№ 10	Н. Бодров. Велители снов.....	№ 11
В. Пуронен. От «денги» до денег	№ 11	Ю. Невзоров. Край света.....	№ 12
ЗАПОВЕДНЫЕ ЗЕМЛИ УРАЛА			
А. Шукшаев. Из истории Зауралья	№ 3	Ю. Глушков. «Под солнцем здешним».....	№ 6
Т. Беспалова. Природный парк окружного значения «Кондинские озера»	№ 4	П. Родимов. Стихи.....	№ 7
А. Шукшаев. Путь длиной в три века	№ 4	Е. Касимов. Стихи.....	№ 8
А. Шукшаев. На пороге национального парка	№ 5	В. Говорков, А. Ольховников, В. Сухоруков, А. Кузнецов, М. Смирнов, И. Грачч.....	№ 10
А. Шукшаев. Режевские самоцветы	№ 6	Ирина Аргутина. Стихи.....	№ 11
А. Шукшаев. Режевские самоцветы	№ 7	ЭКСЛЮЗИВ	
А. Шукшаев. Режевские самоцветы	№ 8	С. Эст. 1 позиция.....	№ 5
ИЗ «СУНДУЧКА УРАЛЬСКОГО КРАЕВЕДА»			
Г. Кулагина. Головоломки	№ 3	Ф. Арда. Чушь в картинках.....	№ 6
Г. Кулагина. Головоломки	№ 4	А. Мельников. Шутливые заметки.....	№ 6
Г. Кулагина. Головоломки	№ 5	Л. Вишня. Рыжий.....	№ 7, 8
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА			
Г. Полуянова. Солнце на лето – зима на мороз.....	№ 9	В. Машнин. Я и моя дочь.....	№ 12
ПОЛУНОЧНЫЕ ЭТЮДЫ			
Ю. Горбунов. Евлалия Кадмина	№ 11	ШУТЛИВЫЕ ИСТОРИИ	
АЭЛИТА			
ДОБРЫЕ ПОПУТЧИКИ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»			
П. Родимов. «Хранительница памяти» (отрывок из книги).....	№ 1	М. Раскольникова. Сказка для Алика.....	№ 8
П. Родимов. Стихи ветеранов.....	№ 2	ГАЛЕРЕЯ	
ФАНТАСТИКА			
А. Кирьянова. Метро.....	№ 3	Т. Суворова. Загадки изменений.....	№ 2
И. Даньев. Отец Сейшенэль.....	№ 3	СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА	
Л. Андропова. Страж Йегу-Инн	№ 4	С. Поляков. Золотинка.....	№ 4, 5
Ю. Невзоров. Счастье	№ 5	Н. Медведев. Дом.....	№ 6
Н. Текина. Случиться может все... ..	№ 6, 7	А. Чуманов. Приемный сын.....	№ 7
С. Мерзляков. Голодная тундра.....	№ 8, 9	Л. Подистова. Одиночество.....	№ 9
Е. Туманов. Ветка сирени.....	№ 12	В. Блинов. Вождь и Красотка	№ 10, 11
ПРОЕКТЫ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»			
Победители конкурса «Большие Надежды»-2002.....	№ 6	НАХОДКА НОМЕРА	
НОВЫЕ ИМЕНА			
Литературная мастерская им. Бориса Марьева. В. Чемоданова, В. Охотникова, Е. Байдосова, А. Рябова			
Победители фестиваля «Свезар». Е. Симонова, Е. Егорова, С. Матросов, Ф. Тихоненко, А. Васецкий			
СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ УРАЛА			
Е. Шукаева. Стихи.....	№ 2	И. Домрачева. Мальчик и «Пионерская правда».....	№ 5
М. Еременко. Стихи.....	№ 2	СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА УРАЛА	
Н. Перетягина. Стихи.....	№ 2	А. Ильенков. Плевое дело.....	№ 1
О. Боченина. Стихи.....	№ 3	К. Богомолов. Фермарист.....	№ 1
Челябинская литературная мастерская. Н. Ягодинцева, П. Потапова, И. Аргутина, Н. Бондарев, Ю. Брызгалов, А. Петрушкин, О. Павлов.....			
С. Ивкин. Стихи.....	№ 5	Б. Телков. Полет слепых. Второй этаж.	№ 2
СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ УРАЛА			
Е. Шукаева. Стихи.....	№ 2	Н. Коляда. «... Нелюдимо наше море...».....	№ 3
М. Еременко. Стихи.....	№ 2	ЛИТЕРАТУРНОЕ ТЕЧЕНИЕ «ДОБРЯНЕ»	
Н. Перетягина. Стихи.....	№ 2	Н. Мережников. Стихи.....	№ 1
О. Боченина. Стихи.....	№ 3	Н. Терехова. Сапоги	№ 2
СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ УРАЛА			
Е. Шукаева. Стихи.....	№ 2	ДЕБЮТ В «УРАЛЬСКОМ СЛЕДОПЫТЕ»	
М. Еременко. Стихи.....	№ 2	А. Вдовин. Стихи. «Орлы и куропатки».....	№ 1
Н. Перетягина. Стихи.....	№ 2	Н. Семенов. Рассказы.....	№ 4
О. Боченина. Стихи.....	№ 3	К. Шалобаева. Стихи	№ 5
Челябинская литературная мастерская. Н. Ягодинцева, П. Потапова, И. Аргутина, Н. Бондарев, Ю. Брызгалов, А. Петрушкин, О. Павлов.....			
С. Ивкин. Стихи.....	№ 5	П. Госсен, В. Дектярева. Уродина	№ 6
СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ УРАЛА			
Е. Шукаева. Стихи.....	№ 2	О. Исаченко. Стихи.....	№ 7
М. Еременко. Стихи.....	№ 2	И. Игнаткова. Стихи.....	№ 8
Н. Перетягина. Стихи.....	№ 2	Н. Шатрова. Стихи.....	№ 9
О. Боченина. Стихи.....	№ 3	Н. Семенов. Рассказы.....	№ 10
Челябинская литературная мастерская. Н. Ягодинцева, П. Потапова, И. Аргутина, Н. Бондарев, Ю. Брызгалов, А. Петрушкин, О. Павлов.....			
С. Ивкин. Стихи.....	№ 5	Е. Ермолина. Стихи.....	№ 12
СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ УРАЛА			
Е. Шукаева. Стихи.....	№ 2	СОБЫТИЕ	
М. Еременко. Стихи.....	№ 2	Е. Изварина. «День памяти, признания, любви».....	№ 9
Н. Перетягина. Стихи.....	№ 2	ДРАМАТУРГИЯ	
О. Боченина. Стихи.....	№ 3	О. Богаев. Человек-корыто.....	№ 1, 2

В. Сигарев. Замочная скважина	№ 1
ЮМОР	
А. Папченко. Педагогический триллер	№ 7

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

ДЕТИ В ПОХОДЕ

А. Лыхин. Наши Саяны	№ 1
М. Мелека. Тяжела и неказиста жизнь уральского туриста	№ 2
А. Лыхин. В самом центре Азии	№ 8
С. Белов. Первая победа	№ 9

УРАЛЬСКИЕ ТРОПЫ

А. Казаков. Однажды зимой	№ 1
Е. Тамплон. Шарташские каменные палатки	№ 1
Е. Тамплон. Каменные ворота	№ 2
Т. Афанасьева. Как мы ходили на Таганай	№ 2
Е. Тамплон. Озеро Шарташ	№ 4
Л. Букрин. Приполярный Урал	№ 6
А. Полежаев. Охотники на Чусовой	№ 7
Е. Полуэктов. Кумба	№ 8
А. Белый. Пятерка на Полярном	№ 12

ЭКСПЕДИЦИИ

В. Юкчубаев. Непройденный маршрут	№ 1-4
С. Баранов. 1000 километров в сторону горизонта	№ 5
Е. Корбут. Дневник похода по Восточным Саянам	№ 6
В. Юкчубаев. Костёр на снегу	№ 9
В. Юкчубаев. Возвращение	№ 10

СЕМЕЙНЫЙ ТУРИЗМ

Н. Ступина. Карельская река	№ 1
ЧЕЛОВЕК В ЭКСТРЕМАЛЕ	

В. Шумков. Шунутский экстремальный кросс	№ 1
М. Клеткина. Экстремальный бег на гору Конжак	№ 8
М. Раскольников. Уральское сафари	№ 9
М. Раскольников. Люди идут в горы...	№ 10
М. Раскольников. Всю жизнь мечтать, однажды воспарив	№ 11
А. Курочкин. А все-таки Белуху мы взяли	№ 11

СОВЕТЫ СПЕЦИАЛИСТА

А. Крюков. Я выбираю спальник и рюкзаки	№ 2
Почётные знаки федерации спортивного туризма.....	№ 6
Правила проведения соревнований, туристских спортивных походов, путешествий и организации спортивных туров.....	№ 7
Комплектование туристской группы.....	№ 8
Подготовка к походу. Оформление маршрутных документов.....	№ 9
Выбор туристского снаряжения.....	№ 10
Ночлег в палатке с печкой в лесной зоне.....	№ 11
Особенности личного и группового снаряжения в лыжном путешествии.....	№ 12

ПРОЕКТЫ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА».

М. Раскольников. Майские рокеры-экстремалы	№ 3
М. Раскольников. Майский экстрим. Как это было	№ 5
М. Александрова. Музыка против наркотиков	№ 6
ПУТЕШЕСТВИЯ	

С. Баранов. Маньпупунер – гора Богов	№ 3
А. Курочкин. Туристская солидарность	№ 4
В. Буланов. Одиночный сплав по Койве	№ 7, 8

Л. Букрин. На огнедышащей Камчатке	№ 9
В. Королёв. Страна, где нет кошек	№ 10
В. Королев. ТрансАзия. Великие озера Азии	№ 12
НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ	

И. Петров. «Спасибо, Тимофеевич!»	№ 4
Л. Букрин. Избы в лесу у туристов Уралмаша	№ 5
Э. Румянцев. Зов тайги	№ 8
А. Байдаков. Два слова про спортивное ориентирование	№ 9
А. Серебряков. Ночное восхождение на Шунут	№ 12
В ГОСТЯХ У НЕВЕДОМОГО	

Т. Суворова. Прошлое: белые пятна	№ 4
ГАЛЕРЕЯ	

Н. Степаныхева. Несерьёзные этюды	№ 4
ЗАПОВЕДНЫЕ ЗЕМЛИ УРАЛА	

Н. Паэгле. Заповедные люди	№ 6
А. Курочкин. Национальный парк Зюраткуль	№ 8
ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ ПРОФЕССИИ	

Т. Суворова. Где слоны – там мой дом родной	№ 3
ЗАПИСКИ ОЧЕВИДЦА	

Ю. Владимиров. За тех, кто в поле	№ 3
Ю. Владимиров. Встречи в горах	№ 4
Ю. Владимиров. Ущелье Кук-Креу	№ 6, 7
А. Некрасов. Орлята учатся летать	№ 8
Е. Ротблют. Из туристических дневников	

и записных книжек.....

№ 12.

ПУБЛИЦИСТИКА

Ю. Дёмин. О торжестве морального уродства	№ 3
А ТЫ СУМЕЕШЬ?	

М. Шестакова. Главное – дольше и дальше!	№ 2
Н. Кулешов. Майская прогулка: время познать себя	№ 5
НАШИ УВЛЕЧЕНИЯ	

М. Моденко. «Что нам снег, что нам зной...»	№ 2
М. Моденко. Дети – парашютисты	№ 5
ИСТОРИЯ ТУРИЗМА.	

В. Ротблют. Отортен	№ 2
В. Шумков. Поднять город до своего уровня	№ 7
ПОРТРЕТЫ.	

Т. Суворова. Когда клоун серьёзен	№ 5
ЮМОР.	

Л. Аржековская. Демонический мужчина	№ 5
МУЗЫКАЛЬНАЯ ГОСТИНАЯ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»	

М. Раскольников. Без доброты в этом мире не справиться	№ 7
ТУРИСТСКИЕ БАЙКИ	

Рассказы на привале.....	№ 8
Встречи в лесу.....	№ 9
Рассказы на привале.....	№ 10
Азиатские пыльные тропы.....	№ 11
«Да обойдут тебя лавины...».....	№ 12
ОХОТА И РЫБАЛКА	

Э. Румянцев. Азарт	№ 9
М. Герасимов. Осень на Серге	№ 11
ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА	

И. Лебедева. Вышегород	№ 11
-------------------------------------	------

Литературный конкурс «Большие надежды» Уральский следопыт. 2004»

Условия участия в конкурсе:

1. Прислать в адрес редакции
 - заявление (рукописное) на участие в конкурсе;
 - анкету участника (ФИО, адрес, возраст, учебное заведение);
 - копию подписного абонемента (не менее 6-ти месяцев) на журнал «Уральский следопыт»;
 - работы по любой из четырех номинаций (компьютерный набор, лучше всего – текст и дискета, или разборчивый почерк).

Номинации:

1. Сказка;
2. Проза;
3. Поэзия;
4. История и краеведение.

Работы передаются в библиотеку журнала «Уральский следопыт» и могут быть использованы редакцией без дополнительных соглашений.

Директор редакции
Фирсов Максим

Редактор раздела
«Река времени»
Юний Горбунов
Редактор раздела «Аэлита»
Петр Родимов
Редактор раздела
«Встречный ветер»
Александр Челноков
Художественный редактор,
верстка

Юлия Ульянова
Дизайн обложки:
Андрей Бордаков
Корректор
Надежда Перетягина
Реклама:

ООО «Уральское Рекламное
Агентство»

тел. (3432) 57-45-01

Учредитель:

Общественная организация
«Трудовой коллектив
редакции журнала
«Уральский следопыт»

Издатель:

ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт»

Редакционный совет:

Владислав Крапивин
Сергей Казанцев
Николай Никонов
Борис Стругацкий
Геннадий Прашкевич
Олег Поскребышев
Станислав Мешакин

Регистрационное свидетельство № 441,
выдано 13.12.90 г. Министерством печати
и массовой информации РСФСР.
ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт» обладает исключительным
правом на логотипы и название журнала.
Рукописи не возвращаются.
Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия
ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт» . Ссылка на журнал «Уральский
следопыт» обязательна.
Цена по подписке 36 рублей.
По вопросам приобретения журнала
обращаться по тел.(3432) 57-36-62
Подписано к печати 25.12. 2003 года.
Формат бумаги: 84x108/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 4500. Заказ № 32
Отпечатано в типографии ГУП СО
«Сухоложская типография»

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»,
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» 12-2003

Адрес редакции:

620142,

г. Екатеринбург,

ул. Декабристов, 67.

Тел. редакции: (3432) 574-501, 573-662

E-mail: E-mail: uralstalker@sky.ru

Министерство связи РФ
«Роспечать»
АБОНЕМЕНТ на журнал **73413**

«Уральский следопыт»		Количество комплектов									
(наименование издания)											
На 2004 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВочНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	ли-тер	на журнал 73413
----	-------	--------	------------------------

«Уральский следопыт»
(наименование издания)

Стоимость	подписки	_____ руб.	Количество комплектов								
	пере-адресовки	_____ руб.									
На 2004 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

Редакция журнала
приглашает всех желающих
в Новом 2004 году принять
участие в фотоконкурсе

УРАЛЬСКИЙ
следопыт

ЛИЦО С ОБЛОЖКИ

К участию в конкурсе принимаются профессиональные и любительские фотографии (размером не менее 13x18 см), слайды, негативы, а также цифровые фотографии в форматах *.TIF и *.JPG (размером не менее 3 Мпкс на CD). К работам прилагается краткое резюме, приветствуется наличие портфолио.

**ВНИМАНИЕ
КОНКУРС!**

Лучшие работы будут опубликованы на обложках издания, а победители получают возможность сотрудничества с редакцией журнала в качестве моделей.

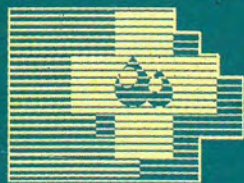
Работы на конкурс присылайте заказным письмом или бандеролью по адресу: 620142, Екатеринбург, ул. Декабристов, 67 редакция журнала "Уральский следопыт", на конкурс "Лицо с обложки"

УРАЛЬСКИЙ
следопыт

Хочешь двигаться – ищи попутчика!

Свердловский областной клинический
психо-неврологический госпиталь
для ветеранов войн

**ХИМТЕХ
СТРОЙ**

УРАЛЬСКИЙ
МЕБЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР